

Три недели до Рая
Три недели до Рая, любовный роман (м/б)

Книга Вторая
по Teglin teglin@excite.com

ВСТУПЛЕНИЕ:

Как и в первой книге этой истории, я в долгу перед Ганимедом. вдохновение писать. Его рассказы остаются лучшими в жанре boylove, смешивая эротику с романтикой.

И опять же, это посвящается мальчику, где бы он ни был, кому это нужно любовь и забота. Короче, посвящается всем мальчикам, везде и всюду.

Авторское право 1999 Теглин. Ты можете свободно копировать этот роман boylove и распространять его. Пожалуйста, имей уважение не изменяют его в любом случае.

Глава 1

Прошло два дня с тех пор, как мы расстались с Уишисом. Два дня тяжелой езды вверх из его долины, через Черную Гору и обратно в предгорья, ведущие в долину Рио-Гранде. Каждый шаг моего коня, казалось, все сильнее сжимал мое сердце, как будто я был физически привязан к моему дражайшему Уишу, и эта связь был близка к разрыву.

И все же я не позволял себе и своему коню отдыхать. Даже те несколько часов каждую ночь, когда нам приходилось останавливаться, чтобы поесть и немного поспать, были для меня подходящими. Образы Уишиса кружились в моих снах. Он стоял, как Бог, в золотом великолепии на своем сочном зеленом лугу, ловя рыбу на берегу ручья, с обнаженной грудью, солнце обесцвечивало его светлые волосы в бесконечные оттенки света. Его локоны играли на худых плечах. Или я, уткнувшийся носом в его волосы в ту первую ночь нашей встречи, когда я слишком быстро заставил его лечь в мои объятия, в ту ночь, когда я начал заботиться о нем, чтобы показать ему, что он любим.... Сладкие поцелуи, которые он дарил мне так свободно на следующий день, когда мы путешествовали по его прекрасному затерянному городу в каньоне, мясистый вкус его маленького члена и яиц во рту, когда мы, наконец, занялись любовью той ночью. И наши последние минуты вместе, когда даже сквозь слезы при расставании он упал на колени там, в лесу, у начала тропы, и взял в свой маленький ротик мой качающийся член, и сделал меня твердым, и выпил мое семя, чтобы сделать нас "одним целым".

Я мог поклясться, что в течение этих двух долгих дней езды я все еще чувствовал влажные губы Уишиса на своем древке. И восхитительное тепло и упругость его сосания. Как и тогда, когда я был с ним в его долине, теперь, оставшись одна, я страдала от постоянного цикла возбуждения и слабости. Воспоминания о наших занятиях любовью заставили меня напрячься от желания. Простая радость от того, что наконец-то нашла любовь всей моей жизни, сделала меня твердым. Но я становился мягкой и слабым каждый раз, когда вспоминала милую за милую расстояние, которое я должен был пройти между нами, прежде чем мы снова сможем быть вместе. Не только из-за расстояния, но и из-за беспокойства о нем, из-за отсутствия внимания и заботы со стороны тети и дяди.

Но мне нужно было выполнить задание. Я должен был закончить начатое, ответить на зов моего давнего друга, помочь спасти своего сына от индейцев-отступников - нет, ни мне, ни моей лошади не будет покоя. Я должен был выполнить обещание, данное Уишису, вернуться к нему в течение трех недель. И я должен быть верна своему другу и его сыну Джоуи.

- О, Уишис, что ты сейчас делаешь?! Эта отчаянная, беспомощная мысль преследовала меня практически каждую минуту, борясь с моей потребностью обратить внимание на след, спланировать дни вперед и выполнить работу.

Прошло два дня и две ночи, и вот на утро третьего дня Уишис в третий раз, почти оглушенный, добрался до своего гнезда в древних развалинах. Слезы потемнели на камнях под его ногами. Он еще мог думать ни о чем другом. Вернется ли Тег? Почему они должны быть разделены? Он потеряет единственного человека, который любил его безоговорочно?

Ему было трудно спать по ночам. Только Тег приносил ему минуты безопасности и комфорта, рассеивая одиночество, которое он чувствовал с тех пор, как переехал сюда. Теперь, без Тега, казалось, что каждый его страх становился больше, чем раньше, тяжелее давил на его разум. Как будто без Тега не было никакой надежды.

Когда он добрался до своего скрытого города, спрятанного в гигантской пещере стены Каньона, его сердце забилось быстрее. На прощание они договорились, что он приедет сюда, чтобы почувствовать себя обновленным. Почувствовать присутствие своей возлюбленной. Подтвердить, что они снова будут вместе ... и слушать ... прислушиваться к ветру, к шепоту своего человека.

Он еще раз вытер слезы с глаз, поднялся по террасам в башню своего шамана и сел на пороге, лицом к широкому пространству поросшего лесом дна каньона и далеко в отдалении к зияющему входу в долину.

Он слышал шум ветра в верхушках деревьев внизу. Слабый, далекий, и он напряг слух, чтобы расслышать что-то еще

Шли минуты, потом час, но мальчик не шевелился. Он хотел отложить возвращение в долину. Его дядя и тетя не будут скучать по нему, вероятно, не заметят его отсутствия до ужина.

Солнце палило сквозь ясное небо, но здесь, в его уединенном и защищенном городе, полуденная тень была прохладной, легкий ветерок касался его кожи. Он прислонился своим маленьким телом к прохладной глинобитной стене башни и на мгновение закрыл глаза ... просто кратко

На третий день без сына я мрачно въехал в Миранду, маленький фермерский городок с ранчо, сосредоточившись не только на пополнении запасов, но и на мыслях о Уишисе. Мне нужно было, по крайней мере, еще одно одеяло, чтобы заменить те два, которые мы с Уишисом поставили в его тайном убежище, его маленьком форте в древнем индийском городе, который он нашел. Каждую ночь было холоднее, чем я думал, и мне действительно нужно было еще одно одеяло. Немного овса и для моей лошади, раз уж я так усердно на ней ездил.

Это был мертвый город. Возможно, почти все отдыхали после обеда. Никакой активности. Пыль, которую поднимал мой конь, бредя по грязным улицам, осталась незамеченной. Двое мужчин стояли, прислонившись к столбам перед салуном. К открытым дверям конюшни подъехал фургон, в который грузил корм крупный мужчина. На сиденье сидел маленький мальчик. Я не видел его лица, только черные волосы, свисающие вокруг головы, блестящие темные, темные волосы. Светло-коричневая кожа на шее и на руках, там, где он закатал рукава. Наверное, мексиканец. Судя по его хрупкой фигуре, ему было лет шесть-семь. Но он был мальчиком, и, несмотря на то, что я был влюблен, несмотря на то, что уже два дня томилась по Уишису - возможно, из-за этого-случилось предсказуемое.

Я ничего не могу поделать, это всегда было частью меня. Я вижу мальчика, со мной что-то происходит. Моя кровь приливает к жилам, я незаметно ищу глазами, хорош ли мальчик и сколько ему лет. Это странно. Практически каждый мальчик для меня-сексуальный объект. Это моя первая реакция, когда я ее вижу. Но есть и нечто большее-настоящая любовь к мальчикам, просто желание быть рядом с ними, приобщиться к их красоте, да, но и отдать себя взамен - любить и быть любимым. Они похожи на произведения искусства, каждое из них, и мои глаза притягиваются к ним. Конечно, у меня встал. Но за последние несколько дней я так часто возбуждалась из-за желания,

что уже превратилась в массу покалывающих, ноющих тканей, так что этот мальчик не сильно изменил мое самочувствие. Однако у меня не было времени рассмотреть его получше. Поэтому я заставил себя вернуться к делу и остановился перед магазином напротив фургона.

Когда я вернулся из магазина, то увидел, что фургон все еще там. Похоже, мужчина закончил грузить зерно, потому что брал вожжи у мальчика. "Пока, малыш", - подумал я про себя. - Иди с Богом. Счастливой жизни. Спасибо, что удостоили меня своим присутствием на эти несколько минут. - Да, я всегда шептался с мальчиками, которых встречал в жизни. До тех пор, пока я не пожелаю им всего хорошего и не увижу, как они уйдут из моей жизни. Теперь я улыбнулась, зная, что меня ждет мой особенный мальчик.

Я поспешил к своей лошади у коновязи и начал собирать вещи.

Вдруг здоровяк на другой стороне улицы закричал, словно рассердившись. Что-то на испанском. На самом деле я не знаю испанского, так что понятия не имел, из-за чего этот парень злился, и мне было все равно. У меня были другие причины для беспокойства. Но в полуденной тишине, воцарившейся в этом городе, было трудно не обращать внимания на разглагольствования мужчины, и я вдруг вспомнил о мальчике.

Вокруг никого не было, значит, он кричал на мальчика. В тот самый миг, когда мальчишка закричал, я встревоженно поднял голову и увидел, как он съежился на сиденье фургона, пытаясь убраться от него как можно дальше.

Мужчина протянул руку, и я увидел, как он грубо ударил ребенка, когда тот залаял на него. Мужчина стоял ко мне спиной, и я едва мог разглядеть испуганное лицо мальчика, когда он повернулся ко мне боком, прислонившись к дальнему краю сиденья фургона. Малыш замолчал и напрягся, словно зная, что последуют новые удары.

Ну, мне стыдно признаться, но я стоял там ошеломленный. Я растерянно огляделся и увидел двух мужчин, которые стояли перед салуном через пару дверей от фургона. Теперь они стояли по стойке "смирно", наблюдая за происходящим.

Ошеломленный, я увидел, что у одного из мужчин на жилете значок. Должно быть, городской Маршал. "Черт побери, - подумал я, - чего он там стоит?"

И потом, черт возьми, почему я просто стою здесь?!

Да, мне стыдно признаться, что это заняло у меня так много времени, но, по крайней мере, когда я пришёл в себя, я больше не колебался. Я просто бросил покупки и побежал через грязную улицу.

Мужчина, конечно, не заметил моего приближения, а если и услышал, то, похоже, не обратил на это внимания, потому что продолжал стоять, хлопая малыша по голове. Подойдя поближе, я подумал: "Вот это большой человек!

Я 6'3", высокий и довольно тонкий. Этот человек был на три дюйма выше и крупнее! Я имею в виду, что он был грубияном. Выглядел как одна из его рук был такой большой, как моя нога.

Я не трус, но и не дурак. Один, я должен был остановить это животное не обижает мальчик. Вторых, я не хотел, чтобы мне причинили вред, и решил, что если дело дойдет до драки, этот парень быстро со мной разделается.

Поэтому, когда я, наконец, подобрался достаточно близко, не говоря ни слова, я просто сжал кулаки, поднялся на цыпочки, а затем бросился всем телом на мужчину, используя общий вес своих рук как кувалду на затылке парня.

Он так и не понял, что его ударило. Просто рухнул на землю, потерял сознание. Я рикошетом отлетел от него и врезался боком и плечом в фургон.

Маленький мальчик был пронцателен. Прежде чем лошади успели отреагировать на то, что я трясую повозку, он схватил поводья и крепко держал их, глядя на меня с благоговейным страхом и недоверием. Я посмотрел на мужчину, чтобы убедиться, что он вышел, потом на мальчика. Меня вдруг затошнило. Какое это было зрелище! Щека под правым глазом опухла, из носа и разбитой губы сочилась кровь. Кровь смешалась со слезами, оставляя грязные следы на темной коже. Я поперхнулась, но попытался улыбнуться ему вопросительной улыбкой и протянула к нему руки. С минуту он сидел, нервно теребя вожжи, утирая рукавом оставшиеся слезы со щек, и все время

шмыгал носом, задыхаясь и тяжело дыша. В его глазах я видел борьбу. Угольно-черные глаза широко раскрыты от удивления. Он осторожно наклонился вперед и взглянул на своего мучителя, словно желая убедиться, что тот без сознания, затем снова на меня.

Ну, когда он решил, что я не представляю угрозы, я думаю, он больше не колебался. Он буквально бросился в мои объятия, испустил жалобный стон и снова заплакал. Я просто собрал его и заворачиваю руки о нем, и обнял его крепко. Я на мгновение закрыл глаза, чувствуя слабость, когда почувствовал, что голова мальчика покоится на изгибе моей шеи. Видите ли, он обвился вокруг меня, как это часто делал Уишис, обхватил ногами мою талию, руками мою шею и практически обвенчал меня своим телом. На мгновение я ощутил рядом с собой желание, и мне самому захотелось заплакать.

Все мальчики! Мое желание, обнимающее меня, дающее мне вдохнуть аромат его волос, чувствующее, как его твердый маленький член начинает бессмысленно тереться о мой живот .

Я глубоко вздохнул и открыл глаза. Мне пришлось заставить себя вернуться в настоящее. Я чувствовал линии тела этого маленького мальчика под грязной рубашкой, я обхватил мягкую плоть его маленькой попки одной рукой, я погладил его темные волосы, и прижал его голову ближе к своему плечу. Мальчик в беде. Но не Уишу. Я вдохнула, вдыхая неповторимый запах немытого тела этого мальчика. Запах, как сказали бы другие. Не я. Он был мальчиком, и его запах был божественным, ощущение его шелковистых черных волос, гладящих мою щеку, было божественным, ощущение его ребер под лаской моей руки было божественным. Я вдруг осознал, что тверд как скала, и мой член торчит прямо из штанов, а головка члена раздавлена между ног парня.

Тогда я покраснел. Нет, не потому, что я боялась быть замеченным. Я покраснел от стыда. Из-за Уишиса.

Я был бойловером с тех пор, как себя помню, и так оно и было. Любой парень, любой достаточно привлекательный парень сделал бы это со мной. По правде говоря, я упивался своим возбуждением и крепче прижимал к себе мальчика. Это чувство было тем, ради чего я жил. Но я любил Уишиса! Разве мое тело не предало мою любовь? И правильно ли это, что я возбуждился, держа этого мальчика, когда он был в ужасе?

Тугая лента вокруг моего сердца стала еще туже. Я чуть не вскрикнула от боли. Мальчик в моих объятиях, та чудесная радость, которую я испытывал, держа его в своих объятиях, та удивительная правота, которую я испытывал, возбужденная этим мальчиком, желая, чтобы он был рядом со мной, - но разве это не было все равно, что забыть, что мое сердце принадлежит Уишису? - Уишис, дорогой Уишис, прости меня, - безмолвно взмолился я. - Я так сильно люблю тебя, рыцарь желаний!"

Времени, чтобы думать все, что через позже. Я подтвердил свою любовь к мальчику в его долине и почувствовал себя лучше. Потому что я знал, что говорю серьезно. Если бы он только мог меня слышать!

Прямо сейчас я должен был разобраться с этой ситуацией.

Малыш все еще хныкал, вытирал слезы и нос тыльной стороной ладони, все еще не снимая ее с моей шеи. Я почувствовал влагу на шее и плечах, но не возражал. Пятна от мальчика в беде. Как знаки отличия, в данном случае.

Я огляделся и заметил, что еще несколько человек вышли на тротуар посмотреть, что происходит. Конюх стоял ближе всех.

Он встревоженно стоял, нервно потирая руки о тряпку, висевшую у него на поясе. Когда я посмотрел в его сторону, он протянул - "если бы я был на вашем месте, Мистер, я брошу этот маленький замарашка и драпать отсюда. Большой Джон долго не протянет, а ты будешь фаршем, когда он встанет."

Мои волосы встали дыбом. Я слышал отвращение в его голосе и полное отсутствие заботы о маленьком мальчике в моих руках. Поэтому я просто проигнорировал его и повернулся к маршалу, который уже приближался.

- Маршалл, мне нужна помощь. Этот человек должен быть в тюрьме, и мы не можем оставить этого мальчика в покое здесь. У вас здесь есть кто-то, возможно, женское общество, кто может позаботиться о нем?"

- Это констебль, мистер. Не Маршалл. И нет, у нас здесь нет дамского общества, чтобы заботиться о маленьких смазливых мальчиках. Ты совершил большую ошибку, вмешавшись в дела Большого Джона.

- Он бил ребенка, черт побери! Чего ты от меня ждал?"

- Думаю, тебе лучше убраться из города, вот что я думаю, - протянул он.

- Билл, вот он, прав. Большой Джон может убить тебя, когда разбудит.."

- Нет, если он в тюрьме, где ему самое место за то, что ударил этого парня, он не будет, - ответила я, не веря в очевидное отношение мужчины.

- Здесь нет такой тюрьмы, где Большого Джона Смолли держали бы взаперти, мистер, - засмеялся констебль и обвел взглядом собравшихся вокруг нас. Я тоже огляделся и увидел одобрителльные кивки или выражение страха в глазах некоторых, как будто они ожидали чего-то еще худшего.

- На вашем месте, - продолжал констебль, - я бы положил замарашку обратно в фургон, повернулся и ...

-Он не замарашка!- Я оборвал его рычанием. "Он-маленький мальчик, которому нужна моя помощь. Теперь ему нужна твоя. Теперь, кому я могу передать его, кто позаботится о нем? Я огляделась, но заметил, что некоторые из собравшихся начали шарахаться в сторону, уходить, не желая больше вмешиваться.

- Никто здесь не позаботится о мексиканском мальчике, мистер. И особенно один из детей Большого Джона. А теперь я говорю тебе в последний раз, ублюдок. Я не буду отвечать за то, что случится, когда он проснется, если ты этого не сделаешь.

- Тогда я отвечаю за это, - сказал Я решительно. - Где дом этого мальчика? Его мама?

- Насколько мне известно, Большой Джон никогда не был женат. Этот парень и его старшая сестра работают на Джона у него дома. Я никогда не видел ее сестру, но думаю, она присматривает за домом.

- Работает на Большого Джона, - сказал я насмешливо, с отвращением. - Этому мальчику не больше шести-семи лет. Хорошо, так где это место, где сестра? Я отведу его к ней.

- Ты сами по себе, мистер, - сказал констебль, поворачиваясь, чтобы уйти. - Я предупреждал тебя, и я ни в коем случае не вмешиваюсь в дела Большого Джона.

- У кого-нибудь еще хватило смелости сказать мне, где живет этот мальчик?- Никакого ответа, только тупые взгляды пустых глаз или опущенные глаза тех, кто выглядел смущенным, но все еще боялся ответить.

Ну, я не из тех, кто будет стоять и ждать, пока кто-то другой поможет, поэтому я решил тогда и там избавиться от этого города и позаботиться о ситуации сам. Я не говорил по-испански, но, может быть, этот малыш говорит по-английски.

Я толкнул Большого Джона носком ботинка, оглядывая все еще цепляющееся тело мальчика. Никакое движение. Он все еще был без сознания. Но я думал, что он скоро проснется. Теперь у меня были дела, и, что еще важнее, я должен был вернуться в Уишис меньше чем через три недели. Так что я должен был вернуть этого мальчика его сестре, и, надеюсь, найти способ убедить

ее оставить работу с этим животным. Черт, что мне делать, если она откажется? Неужели я оставлю этого маленького мальчика там, зная, что монстр вернется домой и, возможно, снова побьет его?

Первые вещи во-первых. Я попытался опустить мальчика на землю, но вскоре обнаружил, что он держит меня за шею.

- Э. .. ребенок... мне нужно, чтобы ты сейчас, - я попытался опустить его, но он издал жалобный крик и крепче сжал свою хватку на мне.

- Послушай, я не оставлю тебя здесь, мне просто нужно - Его хватка стала еще крепче.

Он либо не понял, либо слишком испугался, поэтому я сдалась. Он держался за меня так крепко, что мне все равно почти не приходилось держаться за него! Чтобы у меня был хотя бы одна свободная рука. Я подошел к передней части фургона и пнул след, затем быстро обошел вокруг обеих лошадей, ослабляя ремни. Несколько зевак начали давать мне советы.

Типа: "ты напрашиваетесь на неприятности, мистер." Или "лучше послушай Маршала.» Я даже слышал, как другие говорили о девушке, которая был у Большого Джона. Как они видели ее однажды. Она был молода, но красива.

Большой Джон не обрадуется, если я пойду искать ее. Я просто игнорировал их всех. Если они не собираются помогать с мальчиком, то пусть прыгают, мне все равно.

Я снял упряжь с лошадей, а потом закричал и стал хлопать их по крупу, пока они не тронулись с места. Без сомнения, они отправятся домой, а я просто последую за ними.

Теперь к моей лошади, через дорогу. И поближе взглянуть на маленького мальчика, который цеплялся за меня. Вряд ли его можно было назвать хорошеньким, хотя я видел, что он не пострадал. Я откинул голову назад и осторожно подняла его голову с моего плеча, переходя улицу. Большой Джон ударил его по-настоящему дважды. Опухший правый глаз парня был почти закрыт. И вся левая сторона его рта была хуже, чем мое первое впечатление. Его губа выглядела как мякоть-свежая рана, из которой сочилась кровь. Неудивительно, что он не ответил на мои вопросы.

Все это время мой член торчал в штанах, как шомпол, - наверное, сочетание мальчика в моих объятиях и нахлынувших эмоций, защищавших его, довели меня до лихорадочного состояния. Но теперь, видя и чувствуя, как обижен этот мальчик, я начала смягчаться. Я побледнел, мне вдруг стало холодно и холодно. Если бы я не вмешался, чтобы помочь ему, Большой Джон, возможно, убил бы этого маленького мальчика из ничего, кроме чистой подлости.

Я снова попытался ослабить его хватку, но теперь заметил, как он вздрогнул, когда я положил руки ему на бока. Более осторожно я ощупала его грудную клетку. Он поморщился. Ублюдок ударил и его. Бедный ребенок, должно быть, один большой синяк. Что ж, я не собираюсь заставлять ребенка отпустить меня, и не только по одной причине. И потому, что ему было больно, когда я пыталась его оттолкнуть, и потому, что он, без сомнения, чувствовал себя в безопасности в моих объятиях. Интересно, как долго его колотил Большой Джон?

Мне удалось погрузить покупки на лошадь, а потом вскочить в седло с маленьким мальчиком на руках. Он держал меня - в крайнем случае, я мог освободить обе руки, так что это было не так уж сложно. Потом я пошел вниз по улице, не оглядываясь ни на Большого Джона, ни на этот проклятый город под названием Миранда. Любая группа людей, которая проигнорирует страдания мальчика, даже "замарашки", как они его называли, может просто исчезнуть с лица Земли.

"Сынок, ты собираешься сказать мне, где твоя сестра?"- Тихо сказал я ему.

Ответа не последовало, только его тело напряглось, словно он снова испугался.

- Все в порядке, я выслежу этих лошадей. А теперь, если хочешь, скажи мне, в правильном ли мы направлении, хорошо?

Шли часы, пока Уишис спал в тот тихий, жаркий день, когда казалось, что весь каньон и все его обитатели отдыхают. Приходили сны. Из Тега. О времени, проведенном вместе. И, как и обещал Тег, воспоминания обновили его дух. Он снова положил свою маленькую руку на сильную ладонь своей любви. Они снова украдкой целовались, кто страстно, кто беззаботно. Они снова лежали вместе в ночи, и его человек показывал ему, как стать с ним единым целым ...

... мальчик проснулся поздно, лениво откинул с глаз растрепанные ветром волосы и приподнялся на локте. Он был удивлен, увидев, что тень от стены каньона протянулась почти до самого дна каньона, и понял, что должен вернуться в хижину. Он тихо вздохнул, одновременно радуясь, что ему так ясно приснился Тег, и немного грустя, что теперь ему придется уйти и вернуться в хижину. Еще одна одинокая ночь, на которую почти не обращали внимания тетя и дядя, а потом, в долгие темные часы, он лежал один в своей постели на чердаке. И все же ему было хорошо. Воспоминания остались от его снов. - спросил он, выходя из дремотного тумана. Слышал ли он? Неужели он не слышал его в шуме ветра? - Я так сильно люблю тебя, рыцарь желаний!"

Он задумчиво улыбнулся, уверенный, что услышал. Что Тег действительно сказал это. где бы он ни был. Уишис успокоился, готовый вернуться в долину еще на одну ночь. Ждать. Ждать возвращения своего мужчины.

Выследить лошадей было достаточно легко. Почти бессознательно я проделал весь путь до ворот ранчо Большого Джона. Усталость одолевала меня, и во время поездки, когда шелковистые волосы этого маленького мальчика касались моей левой щеки, я почти впала в транс. Я представил, как Уишис скачет со мной, прижимаясь своими сладкими локонами к моей щеке, шепча о своей любви, принимая ласку моих губ на своей макушке. Уишис расчесывает волосы на прямой пробор. Теперь я закрыл глаза и представил, как провожу эту линию, легонько целуя его в макушку. Он хихикнул, но на самом деле прижался головой к моим губам, показывая, что хочет, чтобы я ткнулась в него носом. Что ж, если он хочет большего, я не собираюсь его разочаровывать

Мой маленький друг вывел меня из транса, впервые подняв голову с моего плеча и полуобернувшись в седле. Он указал на сарай под деревьями и все повторял что-то вроде: "Роланда, Роланда", - как я понял, так звали его сестру. Дорога через ворота вела прямо к дому, но я решил, что этот маленький мальчик знает, что делает. Он напрягся в седле, его ноги все еще сжимали мой живот, а туловище покачивалось, как будто он собирался подтолкнуть мою лошадь к сараю. Что бы там ни было, он был взволнован. Я услышал тревогу в его голосе. Он хотел, чтобы я поторопился. Так я и сделал.

Я пришпорил коня, и он поскакал под углом от дороги к сараю. Гигантские тополя затеняли всю территорию ранчо, а за ними пасся скот. Наметанным глазом я заметил, что у Большого Джона неплохой паштет. Идиллически здесь, под шелестящим ветром в тополях, в прохладной тени. Это место принадлежало избивающему мальчиков. Могу сказать, это несколько охладило мой энтузиазм. Он не имел права на что-то хорошее, если мог поднять палец на этого маленького мальчика в моих руках.

Вокруг никого не было. Место казалось пустынным. Даже цыпленка, ошпыливающего землю. Единственными звуками были настойчивые мольбы мальчика, как будто он торопил меня, скрип седельной кожи и тот свистящий звук, который, казалось, всегда присутствовал в высоком тополе. Мне всегда нравился этот звук, но сейчас он почему-то казался печальным. Черт бы побрал этого Большого Джона, он знал, как испортить день. Я плюнул вниз, в грязь его ранчо смесь дома.

Мой спутник чуть не вырвался из моих объятий, когда мы подъехали к сараю. Он упал бы с высоты шести футов, если бы я не обхватил его за талию, а затем осторожно опустил вниз. Он подбежал к двери и попытался открыть ее. Спустившись, я увидел, что она заперта на засов. Ну, теперь я начал сомневаться. Если Роланда был в этом сарае, то ее, очевидно, запер Большой Джон.

- Успокойся, малыш, - я протянул руку ладонью вперед и спрыгнул с седла, пытаюсь успокоить мальчика. Он дергал дверь, пытаюсь выдернуть засов. Она не поддавалась. Он окликнул того, кто был внутри. - Ролан, Ролан! - закричал он, почти скуля. Я услышал в ответ слабый голос, легкий, как перышко, слабый голос, сладкий, сладкий голос.

О боже, на минуту мое сердце пропустило удар. Это было желание, которое я слышал. Зовет меня с порога своего гнезда в Затерянном городе. Это был его мягкий, певучий голос, жалобно шептавший мне, чтобы я вернулась к нему ... но нет, этого не может быть

- Метрио, - послышался голос, потом что-то еще по-испански. Так вот как звали мальчика. Метрио. Метрио? Голос Роланды звучал так, словно она звала его на последнем издыхании. А может, она заболела. Зная Большого Джона так же мало, как и я, я уже представлял себе худшее, грубо отодвинул засов и рывком распахнул дверь.

Ощущения обрушивались на меня с ошеломляющей силой, одно за другим, или смешивались вместе. Сначала запах, когда мои глаза пытались привыкнуть к темноте в сарае. От теплого дуновения воздуха, струившегося из открытой двери в прохладный воздух тенистой земли снаружи, меня окутывал запах, совсем не неприятный запах. Но он был необычным и сильным, смесь запахов тела, я сразу же понял, слабый запах... ну, грубо говоря, если ты когда-нибудь запускал руку в штаны, между ягодич, а потом нюхал ее, ты поймешь, что я имею в виду. Совсем не фекальный запах, даже не обязательно грязный, но в каком-то смысле чувственный. Очень простой и очень интимный для самого себя. Другой, не менее интимный образ поразил меня, когда я ощутил этот запах - как он пахнул, когда всего три ночи назад я сосал моего дорогого Уишиса и водил кончиками пальцев по его маленькому анусу, смешивая свою слюну с его собственной слизью и жидкостями. Одно это воспоминание было почти гинотическим-достаточно, чтобы затащить меня в сарай. К этому следует добавить, что безошибочно, ох как знакомо хлорированный запах, который я всегда пахло, когда я кончал, и моя сперма хлынула наружу.

Мой член тут же вытянулся по стойке "смирно" в дверях сарая, зная почти бессознательно, только по запаху, что кто-то совсем недавно занимался там сексом. Большой Джон, очевидно, трахал свою маленькую горничную. А потом запер ее здесь.

Внутри было довольно темно, и с одной стороны тянулась перегородка, загораживая вид сзади. Оттуда, из-за перегородки, я снова услышал голос.

- No banga in aqui, Метрио! - мягкий голос, казалось, умолял. - Метрио, *detras*. *Detras*.

Я понял " *aqui* ", что значит "здесь". И увидел, что Метрио неуверенно отступает к двери, повинувшись приказу сестры.

Она не хотела, чтобы он что-то здесь увидел, и нетрудно было догадаться, что именно. Большой Джон, должно быть, оставил ее голой, плавающей в его сперме.

Эта мысль, возможно, вызвала бы у меня отвращение, если бы запах Уишиса, физическое напоминание о нем, не придавали мне твердости.

За перегородкой сарай был светлее, чем с этой стороны. Подойдя к концу перегородки, я увидел окно на противоположной стене. Я нерешительно посмотрел налево, немного смущенный за девочку, за то, что незнакомец увидел ее здесь, в таком состоянии, что она даже не хотела, чтобы ее младший брат видел ее.

Как долго я стоял там, затаив дыхание, положив левую руку на край перегородки и наклонив голову, чтобы заглянуть в комнату? Это был момент, потерянный во времени, это я точно знаю, потому что я был действительно ошеломлен, ошеломлен тем, что увидел в нескольких шагах от себя. Нет, оцепенение ума-не то слово, потому что мой ум мчался, возбужденный сверх ясной мысли. Я почувствовал возбуждающий запах секса, услышал красивый чувственный голос и увидел то, чего не должно было быть - мальчика! Полулежа на бочке, его голый зад был направлен прямо на меня! О да, невероятно красивый, совершенно голый мальчик, с темной, медно-блестящей кожей Метрио, выглядящий смазанным маслом. Откуда мне было знать, что он красив? Мне не нужно было видеть его лицо, чтобы понять это.

Я просто знал! Его идеально гладкие ягодицы отливали медовым золотом, отражая свет из окна. Его бедра и ноги были словно колонны полированной плоти, разделенные на части, давая мне возможность ясно видеть сокровища этого мальчика, безвольно свисающие вниз. Его маленький член с капюшоном темно-коричневого цвета, чуть меньше двух дюймов в длину, как мне показалось, был наполовину скрыт болтающимися маленькими яйцами, свободно висящими в нагретом солнцем воздухе внутри сарая. Над стволом, выгнувшись дугой, возвышался его торс ... там, где тело Уишиса было алебастровым, фарфоровым, цвета слоновой кости, с самым красивым и чистым цветом лица, плоть этого мальчика был в оттенках коричневого, красного дерева, меди, бронзы ... его гениталии были темнее всего, возможно, цвета красного золота, я мог видеть, что подошты его ног были намного светлее, выбеленная бронза, его ноги-тонкая, потемневшая от солнца медь ниже колен и более светлый оттенок выше. Его бедра, ягодицы и торс, который он, очевидно, не обнажал на солнце, где золотистый загар, гладкий и такой гладкий на вид. Судя по размеру члена и яичек, он был немного старше Уишиса, и хотя на этом мальчике не было ни грамма лишнего веса, он был более "полноват", чем Уишис, его ребра были менее гладкими, а расщелина вдоль позвоночника мускулистой. Уишис был совсем мальчик, но такой хрупкий, как фарфор. Этот мальчик передо мной, несомненно, тоже был мальчиком и излучал чувственность, которая, возможно, когда-нибудь появится у Уишиса, когда он по-настоящему поймет, насколько он красив. когда он был менее невинен, предположил я.

Я не видел лица этого мальчика, потому что он лежал на бочке, неловко склонив голову и опустив руки. Я видел, что его волосы были угольно-черные, как маленькие Метриос, но гораздо дольше. Я увидел блестящие завитки, свисающие до самого пола, перекинутые через левое плечо мальчика. Я решил, что волосы у него по крайней мере до пояса.

Я почти задыхался, мое сердце бешено колотилось. Это было так странно, так неожиданно и в то же время так невероятно красиво и заманчиво, что я испытал благоговейный трепет. Да, я в одно мгновение заметил все его черты, мой лихорадочный взгляд блуждал по его распростертому телу, но мои глаза продолжали возвращаться к самому центру этой волшебной картины ... моя рука, вцепившаяся в перегородку, дрожала, пока я пыталась принять то, что увидел ... прямо между его ягодицами, изгибаясь и выгибаясь, торчал великолепно вырезанный и отполированный фаллос! Идеальная копия длинного члена и яиц. Головка члена был погружена в мальчика на несколько дюймов, заполняя его, заставляя его анус растягиваться вокруг него.

Кольцо его ануса, так плотно сомкнутое вокруг фаллоимитатора, выглядело пухлым, темного цвета, гладко растянутое вокруг, а не морщинистым, как я себе представляла. Теперь я хорошо знал источник этого сексуального аромата. Этот парень был трахнут большим Джоном, а затем оставлен здесь, очевидно, привязанным поперек ствола и заткнут этим поддельным органом. Почему, я понятия не имел. Неужели этот человек наказывает этого мальчика, эту Роланду? Роландо. Он что, пытается расширить дыру в теле мальчика?

Я не оторвал глаза от достаточно долго, чтобы оглянуться назад, чтобы увидеть, был ли Метриос еще двери. Уверенный в этом, я снова собрался с мыслями и подошел к Роландо. Да, его руки были привязаны к столбам, я мог теперь видеть. И ноги тоже.

- Меня зовут Теглин, сынок, - почти прошептал я. Не знаю, почему я прошептал. Наверное, это был смесь благоговения перед его невероятно красивой фигурой, удивления при виде трахнутого парня, не говоря уже о фаллосе размером с мужчину, все еще проникающем в него. И конечно, я не хотел его пугать.

- Хорошо ... Сейчас я тебя отпущу, - нервно сказала я.

Нет ответа.

Час спустя, даже несколько минут спустя, я удивился, почему сделала то, что сделал, прежде чем развязать его руки и ноги. Здесь он был согнут и привязан к этой бочке, но все еще, возможно, в каком-то трансе, вместо того, чтобы немедленно разрезать его путы, я вместо этого осторожно схватил резной деревянный член правой рукой и, дрожа, как от крайнего напряжения, начал вытаскивать его из его прекрасного зада.левой рукой я легонько коснулся кольца его ануса, желая прикоснуться к нему, доказать себе, что такой огромный член может войти в дырку мальчика!

Он ахнул! Не от боли, а от невольного, удивленного вздоха, которым можно встретить неожиданное удовольствие. Мое сердце пропустило еще один удар. Я провел указательным пальцем по кольцу его ануса, и он снова ахнул. Он был такой тугой! Плоть натянулась так туго, что стал почти гладкой, как стекло, и все же влажный! Он вытянулся, как будто не желая выпускать член, вставленный в него! Дрожа, я передвинул левую руку, позволяя ладони обхватить его левую щеку, опираясь на его горячую плоть, как будто мне нужно было надавить на нее, одновременно вытаскивая член из него. Я трепетал от прикосновения, такого гладкого и мягкого, такого податливого. Его щека едва ли был размером с мою протянутую ладонь, настолько он был маленьким и хрупким. Такой гибкий и элегантный.

Этот мальчик чувствовал удовольствие от того, что его задница был заткнута этим членом! Неизвестно, как долго он пролежал здесь в мучительно неудобной позе, но все же он чувственно ахнул, когда я медленно вытащил древко. Его жидкость вытекла вместе с ним, и этот наполненный сексом аромат усилился. По бокам слегка изогнутого органа виднелись полосы жидкости. Не испачкайся! У меня не было этого чувства. Я был очарован тем, что увидел. Когда реалистично вырезанные головки фальшивого пениса выскользнули из ануса Роландо, мальчик снова застонал, громче, и смесь семени беловатого цвета и желтоватой, слегка коричневатой жидкости потекла по его бедрам. Не по этой ли причине Большой Джон заткнул этого мальчика? Чтобы сохранить свою сперму внутри парня?

Все еще держа в правой руке 10-дюймовый орган, я частично пришел в себя и огляделся в поисках чего-нибудь, что можно было бы почистить мальчику зад. На полу рядом с бочонком лежало платье, Маленькое, как раз для Роландо. Я удивлялся этому большому Джону, почему он держал Роландо в платье..

Я наклонился, чтобы поднять его, и мои глаза оказались почти на одном уровне с задницей мальчика. Его дырка все еще был растянута, но уже значительно уменьшилась в обхвате - все еще открытая, все еще с медленно сочащейся из нее жидкостью. Я видел розовато-красные внутренности его ануса и темно-коричневую наружную кожу, теперь стягивающуюся, но все еще опухшую.

Как мне хотелось пробежаться руками вверх и вниз по его ногам, погладить его анус, почувствовать плоть там, где его трахнули, обхватить его болтающийся маленький член и яйца .. Если мальчик и был произведением искусства, то это был Роландо. Его ноги были согнуты, а кожа под коленями натянута, разглаживая каждую морщинку на теле. Он выглядел таким нежным и уязвимым, что мне захотелось поцеловать его там. Подошвы его ног покоились на полу, в них не осталось ни пружины, ни отскока. Он, вероятно, устал от того, что был привязан там, и потерял способность поддерживать себя.

Вместо того чтобы ласкать его, я сделала глубокий вдох его запаха, затем заставил себя приподняться на полпути и нежно потереть ложбинку между его ягодицами, очень осторожно, когда Роландо снова задохнулся, и непроизвольно дернул своё туловище вверх, когда я коснулся его сырого ануса.

- Прости, Ро ... Роландо, - заикаясь, пробормотала я, смущенная своей бесчувственностью и тупыми рассуждениями. Сам себе удивляясь, я бросил член на пол. Это был прекрасно вырезанный инструмент, и я должен был признать, что меня возбуждало просто держать его в руках, но был ли это инструмент какой-то безумной жестокости, а не одно из удовольствий, которых заслуживал этот мальчик?

Я тоже бросил платье и быстро наклонился, чтобы развязать руки и лодыжки Роландо. В какой-то момент моя щека нечаянно коснулась его ягодиц. Я ощутила электрическую смесь его горячей, податливой плоти на своей грубой, щетинистой щеке и холода размазанных остатков его недавнего секса. Я все еще пребывал в замешательстве, в благоговейном страхе. Этот мальчик был так прекрасен, и одно это заставило бы меня задрожать от желания прикоснуться к нему. Но я также спасал его от этого странного . пытка. этот Большой Джон причинил ему боль, и я почувствовал прилив сочувствия и заботы о нем. Всепоглощающее желание быть с Роландо нежным и нежным, каждым прикосновением показывать ему, что ему нечего бояться.

Он не пошевелился, когда я развязал его. Поэтому я осторожно положил руки по обе стороны от его туловища, обхватив грудную клетку, и помог ему встать. Сначала он казался мертвым грузом, но потом напрягся, чтобы восстановить равновесие. Я почувствовал, как он ощупывает свои ноги, сгибая колени, слегка подпрыгивая на них. Я повернул его к себе вполборота, просунул руки ему под мышки повыше и позволил не спеша выпрямиться. Его макушка оказалась на уровне моей груди, и он на мгновение прижался лбом к моей груди. Я посмотрел вниз и увидел, что его волосы разделены на прямой пробор, как у Уишиса. Разница, однако, был примерно такой же, как между светом и тьмой.

Здесь были все коричневые и черные тона, а волосы Роландо были более густыми, но такими же шелковистыми. И очевидно, намного, намного дольше, чем у Уишиса.

Волосы моего возлюбленного были тоньше, и отдельные пряди иногда завивались и свисали серебристо-золотыми волнами вокруг его прекрасной головы. У Роландо его черные как смоль локоны были совершенно прямыми, каждый волосиной фолликул был идеально выровнен с остальными и ниспадал одним потоком.

Наконец он собрался с силами, поднял голову и посмотрел на меня. Неудивительно, что он сошел за девушку. Каждая его черта был такой тонкой и мягкой. Восточные, миндалевидные глаза под длинными черными ресницами. Брови у него были тонкие и густые, почти сросшиеся над носом тонкой полоской волос. Нос у него был тонкий, как и все лицо, а щеки выступали, как у большинства индейцев. Но этот мальчик был не просто уроженцем Мексики индийского происхождения, он должен был быть так называемым "метисом", или смешанным с испанской кровью. Его полные красновато-коричневые губы подчеркивали золотисто-коричневый цвет лица. Он крепко сжал их, словно осуждая меня, не уверенный в моих силах. Подбородок у него был относительно широкий, как раз достаточно, чтобы придать ему решительный, а не слабый вид, хотя все еще такой красивый и женственный в линии и изгибе. Подбородок, похожий на чашечку мужской руки, когда он нежно приподнял лицо Роландо для поцелуя

К этому времени я превратился в одну большую покалывающую массу опухшей плоти. Возбуждение с головы до ног воплощало в себе все мои чувства, восхищенные красотой этого мальчика. Я посмотрел на его тело, увидел мягкие линии груди и живота, соски, скрытые струей волос. Вниз, вниз, к его выдающемуся, вялому маленькому члену, красноватая головка просто выглядывает из его крайней плоти. Эти колонны его темно-медового цвета бедер

Я снова почувствовал, что восхищаюсь этим мальчиком. И снова мне пришлось вытряхнуть себя из транса.

- Роландо?- Тихо спросил я.

- Роландо? Это твое имя?

Я увидел, как в его черных глазах вспыхнул огонек, когда к нему вернулось самообладание, но он не ответил. Он не оттолкнул меня силой, но я почувствовал, как он мягче отвернулся от меня и опустил глаза. Он не ответил.

- Ну, твой ... брат тебя так назвал ... так. ...

Я выждал неловкую минуту, но он по-прежнему молчал. Он просто стоял, отвернувшись. « От стыда? - Удивился я. Страх? Дискомфорт?»

Я должен был что-то сделать. Нам нужно было идти.

- Ладно, сынок, как бы тебя ни звали, дело вот в чем. Я забрал твоего брата Метрио у Большого Джона. И я не могу оставить его здесь. А теперь я ... Я не хочу оставлять тебя здесь. Если ты меня понимаешь, вот что я хотел бы сделать ... оденься, возьми лошадь, а потом уезжай отсюда. Я думаю... Я возьму тебя с собой в Санта-Фе ... найду кого-нибудь, кто примет тебя. - Я замолчал, задаваясь вопросом, понимает ли он что-нибудь из этого. Я заметил, как он слегка дернул головой, когда я сказал, что забрал его брата у этого зверя.

- Очнись. .. Роландо, - я нежно положил руку ему на плечо. - Мы должны выбраться отсюда, - сказала я, подталкивая его вперед. Он подчинился, затем заколебался и потянулся за платьем.

- Нет!

Я сам удивился своей бурной реакции. Это просто ошеломило меня, отвращение при виде этого невероятного мальчика, завернутого в девичьи лохмотья, которые Большой Джон заставил его носить.

Он поднял испуганный, вопрошающий взгляд, остановился в полусогнутом положении.

- Прости, сынок, это ... все в порядке, - поспешил я взять свои слова обратно. Хотел, чтобы он забыл о моей горячности.... -Ты можешь надеть это, если хочешь, но, может быть, у тебя есть какая-нибудь другая одежда в доме?"

Он, казалось, понял, потому что снова с трудом поднялся и, шаркая, вышел из комнаты, медленно проверяя свои ноги, но, казалось, набираясь сил с каждым шагом. Увидев младшего брата, он издал жалобный вопль, увидев, что малыш весь в синяках и ссадинах, а потом наклонился, чтобы обнять и приласкать его. Они обнялись, и Роландо снова посмотрел на меня. Я увидел что-то похожее на недоумение, смешанное с благоговением, смешанное с вопросом, как будто он не был уверен в моих мотивах или намерениях. Боюсь, он заметил, что я не могу оторвать глаз от его голого зада, - когда он наклонился, его длинные волосы упали вперед, а выпирающий зад дразняще покачивался.

Его маленький анус все еще был расслаблен, все еще немного опухший по краю, но уже полностью закрытый и сморщенный внутрь.

Я покраснел, но что бы он ни почувствовал, увидев мой взгляд, он, должно быть, решил проигнорировать его и принять меня, потому что в следующие пять минут, после того, как я заставил себя отвести взгляд от его невероятного обнаженного тела, он полностью согласился с моими планами. Я пошел в сарай за лошадью и седлом, а Роландо медленно повел Метрио к дому, все еще проверяя свои ноги. Он вернулся более уверенно, теперь уже в другом платье маленькой девочки. Оно было не в оборках и не в девичьем стиле, как то, в сарае, а скорее в простой сорочке или мешковатом одеянии, свисавшем с его плеч. По крайней мере, оно было чистым. Я мог бы поклясться, что увидел смущение в его взгляде, когда он встретил мой удивленный взгляд. Я догадался, что у него нет другой одежды, что Большой Джон разрешил ему носить только девичью. Он также нес саквояж, полный других вещей. Я понятия не имел, что именно, но догадывался, что он понимает меня достаточно хорошо. Мы покидали это место, и никогда не вернется.

Я подал им знак, чтобы они садились на лошадь, и он подвел ко мне Метрио, потом снова посмотрел на меня с некоторым смущением. Но в темных ямах его глаз было нечто большее, чем смущение. Снова этот вопрос, и в нем что-то блеснуло, что-то вспыхнуло. Внезапно он отпустил Метрио, повернулся, захромал к сараю и исчез внутри.

Я пошел вперед и усадил Метрио в седло, вполглаза поглядывая на дверь сарая и гадая, что могло понадобиться там Роландо. Возможно, он знал о ящике с деньгами Большого Джона или что-то в этом роде. Ну, я не хотел ничего от Большого Джона. Я хотела избавиться от этого человека, полностью и быстро.

Я уже почти убедил себя, что мне придется сказать Роландо, чтобы он оставил то, за чем вернулся, когда он вышел из сарая и направился к нам, подняв голову и глядя на меня дерзко, почти вызывающе, как будто чувствовал, что я могу возразить, и был полон решимости сделать так, как он хотел. В руках он держал две вещи. Один из которых меня ошеломил-фаллос, что 10 дюйм длиной, идеально вырезанный и отполированный член, все еще покрытый его собственными телесными соками. Вид Роландо, держащего его на древке, с головой члена, прижатой к груди, с яйцами, спрятанными под локтем, ударил меня глубоко в живот. Ощущение перешло к паху, и я почувствовал покалывание там, когда мой член снова начал твердеть. В кои-то веки мои мысли вернулись к нашему побегу и к путешествию отсюда до Санта-Фе, к тому, как я поступлю с большим Джоном, если он появится на нашем пути. Теперь он снова сосредоточился на воспоминании об этом огромном члене, засунутом в задний проход маленького мальчика, гордо и смело идущего ко мне.

Должно быть, он заметил мое удивление, должно быть, понял, что я чувствую, потому что его решительный взгляд внезапно смягчился, брови вопросительно нахмурились, как будто он каким-то образом знал, что у него нет причин мне перечить, но пока не был уверен, почему.

Другой предмет, который он держал в руках, был похож на сосуд из зеленого стекла с пробкой, наполненный какой-то мутной беловатой пастой или мазью. Возможно, лекарство, насколько мне известно. Что бы это ни было, для него это было важно. Он подошел и протянул мне банку, когда я поднял крышку седельной сумки. Я поставил банку внутрь, посмотрел на него и почувствовал, что краснею как свекла, нерешительно потянувшись к фаллосу. Он снова заметил мой испуг и потянулся, чтобы положить инструмент в сумку.

Он слегка улыбнулся-хитрой, понимающей улыбкой. Как будто он командовал чем-то, о чем я ничего не знал. Ну, я должен был признать, что да. Он был гребаным мальчишкой. Я был мужчиной, который годами мечтал заняться любовью с таким парнем, как он.

Он просто стоял и ждал, глядя на меня. Я побледнела, потом покраснела, наверное, почувствовав, как жар приливает к лицу. Он был весь мальчик. В платье, с волосами ниже пояса, но с властью мальчика надо мной.

Я собрался с мыслями и протянул сложенные ладони, чтобы посадить его в седло. Его мягкая одежда касается моей щеки. Я подняла глаза и увидел его блестящую внутреннюю часть бедра почти до самой промежности, когда его платье на мгновение распахнулось. Он сидел верхом сразу за Метрио, так что его платье волей-неволей съезжилось на идеально гладких бронзовых бедрах.

Когда мы выехали со двора ранчо, у меня наконец-то появилось время перевести дух и подумать, но я не мог отвести глаз от мальчиков, сидевших передо мной на лошадях. Я предположил, что Роландо около 12 лет. После Уишиса, я должен был признать, что он был самым сексуальным существом, которое я когда-либо встречала.

Но в отличие от Уишиса, который был воплощением невинной прелести, этот Роландо был как сирена, ходячий, дышащий, сексуальный объект, признавал он это или нет. Он был трахнутым мальчиком, которого Большой Джон держал девочкой.

Чтобы быть трахал. Мальчик, которому явно нравилось, когда его трахали, и который благополучно спрятал инструмент, имевший только одну цель. Интересно, был ли он любимым мальчиком, как Уишис? А потом я задумался, Может ли мальчик быть и тем, и другим?

Книга Вторая Глава 2

по Teglin

ВСТУПЛЕНИЕ:

Как и в первой книге этой истории, я хочу поблагодарить Ганимеда за замечательные истории о любви к мальчикам, которые он нам дал. Я пишу отчасти для того, чтобы хоть немного отплатить ему.

И снова это посвящается мальчику, где бы он ни был, которому нужна любовь и забота. Короче, посвящается всем мальчикам, везде и всюду.

Авторское право 1999 Теглин. Ты можете свободно копировать этот роман boylove и распространять его. Пожалуйста, имей уважение не изменяют его в любом случае.

ПРЕДУПРЕЖДАЮЩИЙ:

Этот роман boylove содержит описания сексуальных актов между мужчинами и несовершеннолетними мальчиками. Их сексуальные отношения очень важны для истории, как часть их любви, но это их духовные отношения, которые я хотел исследовать еще больше, как самую сущность любви к мальчику.

Если ты моложе 18 лет, или концепция отношений мужчина/мальчик оскорбляет вас, не читайте дальше.

Глава 2.

Мои маленькие спутники за весь день не проронили ни слова. Мы ехали все дальше и дальше, их лошадь впереди моей. Метрио, казалось, дремал большую часть времени, в то время как Роландо умело вел лошадь. Время от времени он оглядывался на меня, выражение его лица было деревянным, неизменным, скрывающим его чувства.

Я чувствовал, что он взвешивает меня, пытается проанализировать мои намерения.

Поначалу у меня не было ощущения, что он сердится или обижается на то, что я забираю их из их "дома". И все же выражение его лица всегда было суровым, губы сжатыми, без улыбки, глаза открытыми, но полужакрытыми, как будто он всматривался в меня.

Каждый раз, когда он поворачивался, у меня внутри все сжималось. Как мог такая знойная, темная, но чистая красота существовать в одной форме? Тем не менее, я уже знал из встречи с Уиши, что чистое, великолепное, физическое совершенство можно найти в одном мальчике. Неужели за одну неделю я встретил два самых совершенных воплощения детства на Земле? Это был сон? Волосы Роландо свисали черной вуалью до самой талии, почти полностью скрывая его от меня, за исключением тех случаев, когда он поворачивал голову, и я мог видеть его силлухетту сквозь вуалью. Каждый шаг лошади заставлял мальчика наклоняться вперед, ритмично покачивая маленькими округлыми ягодицами, плотно обтянутыми тканью платья, открывая завесу волос. Я как никогда ясно видел, что это мальчик. Каждая линия его тела, гладкие руки, маленькие ладони и пальцы, узкие бедра-все было мальчишеским! Как кто-то мог принять его за девушку?

Даже сейчас на нем было платье, но я бы никогда его не спутала. Я бы сразу догадался, даже если бы никогда не наткнулся на него, голого, сидящего верхом на бочке и так ясно демонстрирующего член и яйца.

Его сорочка был скомкана, поскольку он ехал верхом, а Метрио-впереди. Я знал, что шерсть лошади, должно быть, ободрала ему бедра и ноги. Но он не жаловался.

Я не стал следить за тропой. Если бы Большой Джон следовал за нами, мы бы это скоро выяснили, но я постарался скрыть наши следы. Идти по каменистым участкам или по песку. Ничего такого, что могло бы обмануть следопыта, но я понятия не имел, сможет ли Большой Джон выследить его или ему помогут.

На закате мы приблизились к слиянию Миранды с большим Рио-Бланко, и я пошел впереди. Я взял поводья у Роландо, чувствуя на себе его яростный взгляд. Теперь он почти свирепо смотрел на нее. Я удивился перемене. Я догадывался, что он что-то подозревает, гадая, во что я ввожу его и его брата, можно ли мне доверять больше, чем его бывшему учителю. Или это был любовник?

Я подумал, что если бы это было последнее, то Роландо не было бы здесь сейчас.

Я видел, что у него есть своя голова на плечах, и он отказался бы пойти со мной. Я не пытался никого принуждать, так что в конце концов это был его выбор.

Я чувствовал больше, чем жар его взгляда. Я почувствовал, как что-то физическое во всем моем теле снова тянется к нему. После многочасового наблюдения за спиной, притягивающей, как магнит, к его прекрасной фигуре, подходя близко, почти касаясь его руки, нервировало. В нем был какая-то тайна, которая держала меня, не говоря уже о физическом влечении, которое я к нему испытывал.

Трахнутый мальчик? Любовник? Раб? Добровольный партнер? Невиновен? Сознывая свою реальную власть над людьми вроде меня? Владелец или одержимый?

Борясь с волной чего-то, похожего на страх, сидя на лошади так близко от него, я взял поводья и пришпорил коня. Я так увлечена мальчиками, что это чувство не было для меня странным. Я беспокоюсь о том, что они думают. Я надеюсь, так много, чтобы угодить им. Это результат долгих лет тоски и одиночества. То, что я все еще чувствовал это, теперь, когда у меня было желание, было свидетельством того, какую жизнь должен вести бойловвер в современном обществе. Отчаянная тоска, признание невозможности когда-либо осуществить свои мечты, но все та же отчаянная воля угодить, быть принятым, когда рядом мальчик.

В течение следующих пятнадцати минут мы поднимались по каменистому руслу ручья, вышли на ту же сторону, пересекли нашу тропу, где я сошел и немного отряхнул пыль, а затем поехали по каменистому участку, который я заметил ранее, к "Бланко".

Опять же, не такая уж хитрая уловка, чтобы одурачить настоящего следопыта, но она выиграла бы нам долгие минуты, а может, и часы, если бы человек преследовал нас.

Мы разбили лагерь на поляне на восточном берегу Бланко, откуда легко было добраться до чистых вод реки. Мне хотелось умыться и хотя бы позаботиться о Метрио. Деметрио, как оказалось. Я слышал, как Роландо время от времени называл его по имени.

Мы готовили и ели, вернее, Метрио и я готовили. После того как я расседлал лошадей и привязал их на ночь, Роландо осторожно взгромоздился на седло. Если бы взгляд мог пронзить меня насквозь, я был бы ранен, потому что этот мальчик не сводил с меня глаз. Он наблюдал за мной и за всем, что я делала с Метрио. Он взял предложенную мной еду, но по-прежнему ел один, сидя на своем насесте. Метрио как бы порхал между нами, вернее, бродил. Он был сильным маленьким мальчиком и, очевидно, имел много энергии, но он явно страдал от избиения сегодня днем, и, вероятно, других в прошлом. Всякий раз, когда он забывал о своих ранах и начинал гарцевать, как олененок, его довольно скоро останавливала острая боль в ребрах, случайное прикосновение к разбитым губам или опухшему глазу. Но как это было чудесно - иметь рядом мальчика! Два мальчика, хотя один был знойным, таинственным существом, всегда на грани, наблюдающим за происходящим. По крайней мере, услужливость и энергия Метриона напомнили мне о Уишисе, и, занимая меня, он помогал мне легче вспоминать о разлуке с любимым.

Что ж, я устал от дороги, от событий этого дня, от беспокойства за Уишиса и удивления за Роландо, и наступил момент, когда я просто упал. Я имею в виду, мы закончили ужин, и чистить посуду. Я почувствовал непреодолимое желание сбросить одежду и привести себя в порядок. Поэтому, невзирая на тревожный взгляд Роландо, я разделся и просто вошел в реку. На этот раз я не был в состоянии возбуждения.

Казалось, мой член не выдержит такого напряжения! Не говоря уже о том, что в своем изнеможении я на этот раз заблокировала все образы, связанные с присутствием Роландо. Он не сводил с меня глаз, но я на мгновение закрыл их. У меня хватило ума держать ружья на берегу, где я отмокал и мылся в холодной воде.

Затем я вышел из воды, надел кальсоны и походные мокасины и приготовился позаботиться о маленьком Деметрио. И тут Тег-младший проснулся.

Ты когда-нибудь видел, чтобы твердый, семидюймовый член натягивал кальсоны?

Вот что случилось после того, как я нагрел воды, расстелил одеяло у огня и подозвал мальчика. Он пришел добровольно, зная, что может доверять мне. Я принялся раздевать его для мытья.

Что-то, возможно, никогда прежде не делавшееся с ним, судя по следам грязи, почти выгравированным в укромных уголках его тела!

Я начал с его ран на лице. Хотите верьте, хотите нет, но именно тогда у меня тоже началась эрекция. Момент любви и заботы о мальчике, был невероятно возбуждающим для меня. Нет ничего сексуального в том, чтобы смыть кровь на губе мальчика, но если уж на то пошло, для чего еще нужны мужчины, как не для того, чтобы служить нуждам тех, кого они защищают? Заботиться о Метрио, прикасаться к нему нежно, интимно-это было так стремительно! Когда я осторожно стянул его тунику через голову и обнажил его идеальную фигуру маленького мальчика, мои чувства внезапно перешли от защитника к поклоннику. Да, ему было всего шесть или семь лет, но это был мальчик. Его маленькая грудь была миниатюрной копией груди Уишиса, только темнее. Его маленькие соски торчали в прохладном вечернем воздухе, готовые к моим услугам. Мне хотелось прижать его к себе и пососать, пока он стоял, с такой готовностью позволяя мне мыть его. Но я сопротивлялся. Роландо наблюдал. Уишис наблюдал. И я наблюдал, зная, что этот маленький мальчик не знает о моих желаниях. По крайней мере, я не думаю, что он понял. Уишис был достаточно взрослым, чтобы понять мои чувства к нему. Маленький Деметрио только принимал ванну.

Уишис понимал, что значит быть таким твердым, как я сейчас. Думаю, Метрио даже не заметил. Я знал, что Роландо знает, но ничего не мог с этим поделать.

Я с любовью вымыл грудь и животик Метрио, его руки, подмышки. Его маленькие грудные мышцы были такими твердыми, но все еще такими мягкими, определяя его грудь, определяя его пол! Вот мальчик в моих руках! То, что свисало у него между ног, несомненно, было истинным признаком его мужского достоинства, но когда мои руки нежно мыли и терли его спереди, я почувствовал себя мальчишкой! Наверное, я начала улыбаться, просто наслаждаясь ощущением мальчика в своих руках.

Наконец, я развернул его и помыл ему спину. Опять же, хрупкость тела маленького мальчика, но все же все признаки его детства. Его спина была гладкой, слегка мускулистой по обе стороны позвоночника, а маленькие лопатки странно возбуждали меня. Мне захотелось лизнуть их приподнятые края, но я сдержался и вместо этого умыл.

Метрио не выказал ни сопротивления, ни смущения, когда я протянул руку вперед, развязал его шнурок и медленно стянул с него штаны. Тут я понял, что даже с Уиши я никогда не был так близко, лицом к лицу, как с этим маленьким мальчиком! Мы с Уишисом плескались в воде, и я хватил его за задницу, и в пылу страсти даже ласкал его анус сверху, когда он лежал ничком, и я сосал его, но вот я здесь, мое лицо всего в нескольких дюймах от задницы Метрио. Я стояла на коленях и мыл его. Теперь я опустился, все еще стоя позади него, но на корточках. Мое лицо оказалось на одном уровне с его ягодицами. Чего мне хотелось больше всего на свете, так это наклониться вперед, уткнуться лицом в его щель, глубоко вздохнуть и вымыть его языком и губами... вместо этого дрожащими пальцами я еще раз очень осторожно вымыл его податливые булочки, потом раздвинул их и сначала легким, как перышко, движением вымыл трещину. Его маленький, нетронутый анус выглядел таким нежным, кожа вокруг него была идеально сформирована в виде крошечной воронки, ведущей внутрь, туда, куда я хотела бы, чтобы мой язык мог исследовать. Вместо этого я потер его там, смело, но нежно, как будто мой большой палец на его дырке, заключенный в его мягкую плоть, ничего не значил для меня.

Удовлетворенный тем, что я вымыл его чище, чем он когда-либо был вокруг его маленькой дырочки, сделав все, кроме поцелуя, чтобы закончить мои услуги, я побаловал себя его маленьким членом. Его маленький дюйм длиной, наполовину мягкий обрубок, заключенный в темно-коричневую крайнюю плоть, появился в поле зрения всего в нескольких дюймах от моих глаз, когда я положил руки ему на бедра и мягко повернул его. Он охотно повернулся, не обращая внимания на голод в моих глазах. Мой собственный член массирувался мягкой тканью кальсон при каждом моем движении, и я был близок к оргазму, как три раза с Уишисом, когда он не касался моего члена, или даже когда я не касался своего члена. Вид гордого члена Метрио чуть не столкнул меня с обрыва! Он не был твердым, но его маленький кусочек был наполовину налит и торчал под небольшим углом из лобкового бугорка. Его головка была отчетливо видна в ножнах крайней плоти. Идеальная головка для идеального пениса маленького мальчика. Может, я и облизал губы, но не знал, что делаю. Это был всего лишь третий мальчишеский дик, которого я видел, и должен признаться, я был почти загипнотизирован им. Теперь я смогу прикоснуться к нему. Я знаю, что моя рука слегка дрожала, когда я любовно мыла живот Метрио и чуть выше лобка, а затем опустила пальцы, играя крошечными кругами по всему его мягкому холмику. Его лобок, член и яйца действительно торчали из промежности, как будто природа предназначила их для того, чтобы привлечь чей-то взгляд. Фаллос!

Даже такой мягкий и такой маленький, он просто заряжен властью надо мной!

Нет, потому что он такой маленький! Да, я люблю фаллос, член, над которым пускаю слюни, но меня возбуждает маленький мальчик! Не знаю, что во мне такого, но я достаточно об этом думал. Я люблю член, я даже могу возбуждаться, созерцая свой собственный член, но меня никогда даже отдаленно не привлекал мужчина. Даже голый мужчина. С другой стороны, мне не нужно видеть обнаженного мальчика, чтобы возбуждаться. В мальчике, хрупком и хрупком, но стройном и стройном, нет ни мускулов, как у мужчины, ни округлостей, как у девушки или женщины, есть неповторимая красота. Мальчишеская фигура, как и его маленький член, была полна потенциала стоять твердо и высоко, но все же такая мягкая и прекрасная. Как произведение искусства Ой, я не знаю, как это объяснить. И в этот момент, увидев вблизи только третий член мальчика в моей жизни, я был очарован.

Когда я, наконец, доставил себе удовольствие помыть его маленький член, я покраснел. Стал темно-малиновым. Я чувствовал это. И я чувствовал на себе взгляд Роландо. Он наблюдал, как я положил маленькие семечки Метрио в его мошонку и очень осторожно вымыла их. Он должен был

видеть напряженность моего взгляда, когда я легким прикосновением пера обмыла крошечное отверстие крайней плоти Метрио, а затем вверх и вниз по его наполовину твердому члену. Он должен был заметить, как я заставил Метрио выпятить таз в ответ на мою ласку. Он наблюдал, как я наклонился вперед, чтобы провести ручейками воды и мыла по бедрам Метрио, спереди и сзади, приблизив свое лицо на дюйм к его маленькому члену.

Возможно, я не дышал все это время, пока не обнаружил свой нос так близко к его члену. Потом, клянусь, я поглотила воздух вокруг нас, пытаюсь вдохнуть запах его детства! Такой чистый запах! И все же, несмотря на стирку, от меня пахло мясистой, а в промежности чувствовался терпкий кисловатый запах мальчишеской или мужской промежности.

Затем я вымыла его ноги, позволяя своим рукам ласкать его мягкую плоть вверх и вниз, от лодыжек до бедер, намыливая и ополаскивая любовно, все время наслаждаясь видом его маленького болтающегося члена.

Мне даже нравилось мыть маленькие ножки Метрио. Они были такой маленькой и изящной копией человеческих ног. Каждый его мизинец получал мое внимание, когда я пыталась воспользоваться этим волшебным шансом быть так близко к мальчику.

Это должно было закончиться. В конце концов я сдался, завернул Метрио в тряпку, вытер его насухо и надел одну из своих чистых туник. Не успел я расстелить для него одеяло у огня, как он уже крепко спал. Я собирался постирать его одежду позже, но сейчас мне просто нужно было лечь и отдохнуть. Мне пришлось оправиться от долгого дня езды, от всего этого волнения, от необычных поворотов и от последних минут мальчишеского рая.

Я уже собирался закрыть глаза, когда откинулся на спину, положив голову на седло и опираясь спиной на сложенное одеяло, как вдруг Роландо встал.

Я бы сказал, он встал! Такое существо, как он, не просто встает, оно поднимается величественно, сознательно или нет, поднимаясь, чтобы командовать глазами любого в его присутствии. Он не просто шел. Он скользил. Каждое движение-это композиция, сочетающая грацию, которая естественно приходит к его идеально пропорциональным конечностям, с чистой красотой его формы, продвигающей его совершенное тело вперед. Его длинные блестящие черные волосы падали прямыми волнами и разделялись пробором при каждом движении. Часть ее падала ему на плечо, и я видел, как пряди спускались по его животу до талии, а рука раскачивалась взад-вперед. Остальные свободно свисали до самых ягодиц, некоторые пряди были еще ниже.

У Уишиса был очаровательная привычка трясти головой, откидывать с глаз непослушные пряди золотистых волос. Вместо этого Роландо поднимал руки к лицу и убирал длинные пряди волос за уши. Они не оставались там надолго, так что он делал это часто. По какой-то причине это было невероятно сексуально для меня. Такие длинные и блестящие волосы мальчика не могут иметь другой цели, кроме как привлечь взгляды своих почитателей. Более того, это было притворство, которое требовало его постоянного внимания, и он, казалось, делал это охотно, зная, как прекрасны его волосы, зная, какое влияние они окажут на других. Мой бедный член! Он почти мгновенно встал на дыбы, созерцая, как руки Роландо убирают волосы с его глаз.

Наступили сумерки, солнце только что скрылось за гребнем хребта на Западе, оставив небо серым, ясным, но темнеющим, отчего еще более темная зелень сосен у реки казалась холодной. Вода тоже казалась еще холоднее, стекая по темным, медного цвета, округлым и отполированным камням у берега. До самой воды тянулась полоска гладкой гальки. Я видел, куда направлялся Роландо.

Он нес с собой седельные сумки, и когда он прошел всего в десяти шагах передо мной, через поляну к воде, я представил тепло его тела. В наступающей темноте все остальное казалось холодным.

Он был страстным. Его конечности текли, когда он скользил мимо меня, такой прямой и высокий.

Его худоба сделала все 5'2" его казалась высокой, и так же длиной достигают его волос. Он держался совершенно прямо, высоко подняв голову и не глядя ни направо, ни налево, а решительно глядя вперед, на воду.

Гордый. Я чувствовал его гордость. Он гордился своей осанкой, своей внешностью, своей статной грацией. И сознавал это.

В этот момент я понял, что длинный, твердый фаллос, который я нашел торчащим из его задницы, не был наказанием. Я знал, что это утверждение. Заявление Большого Джона об одержимости перед лицом гордости этого мальчика. Но также и заявление Роландо о том, что он охотно принял в себя массивный жезл и задохнулся от удовольствия, когда я двигал им внутри него. Конечно, он негодовал, ненавидел, что его связали и оставили пронзенным этим фаллосом, но, конечно же, он гордился своей красотой и той потребностью, которую он создал в большом Джоне, чтобы владеть им!

Он гордился своей властью надо мной? Конечно, он почувствовал свою власть надо мной. Зная по благоговейному прикосновению моей руки к его ягодицам, когда я вытаскивала фаллос, зная по моему приглушенному и напряженному тону голоса, зная по моему задыхающемуся шоку, когда он забрал фальшивый член и спрятал его в седельные сумки. И он должен был это понять по моим напряженным взглядам. И мое возбуждение, когда я очищалась и заботилась о Метрио. О, он знал о своей власти надо мной. Даже сейчас он щеголял передо мной.

Я удивлялся, почему он, казалось, мной брезгует? Было ли ему противно? Он рассердился, потому что я оторвал его от своего ... любовник? Злишься, потому что я стала такой жесткой и такой явно желанной, когда мыла своего младшего брата? Он не сводил с нас глаз, но теперь шел так, словно я был недостойна его презрения.

Если он ненавидел меня, то почему устроил для меня шоу, рассчитанное на то, чтобы возбудить каждый нерв в моем теле?

Я напряглась и почти сел, пристально, слишком пристально глядя, как он добрался до галечного пляжа, поставил седельные сумки и начал снимать с себя рубашку. Прежде чем я успел подготовиться к шоку, он снял с себя одежду и бросил ее рядом с сумками, и теперь стоял передо мной совершенно голый, всего в пятнадцати футах, отвернувшись. Когда он поднял обе руки, чтобы натянуть платье на плечи и голову, словно в танце, он грациозно встал на цыпочки, заставив свое тело вытянуться, казалось, почти нырнув вверх! В небо! Его икры были такими гладкими и упругими, а очертания мускулов так четко вырисовывались под темной кожей. Его длинные, тонкие бедра, как колонны, поддерживали округлые холмики ягодиц. Когда он потянулся, маленькая складочка под ягодицами, там, где они встречались с бедрами, разгладилась - остался только совершенно гладкий подъем юношеской плоти, от тонких лодыжек до самого верха, и выше, и выше, пока не скрылась за его невероятными волосами.

Из-за того, что он стоял на цыпочках, его ягодицы слегка раздвинулись вниз. Я невольно ахнул, увидев маленькую темную пуговку его любовной дырочки. Она казалась такой крошечной, и я был поражен, вспоминая, как прикасался к ней, чувствуя, как она была туго натянута вокруг массивного 10-дюймового члена, торчащего из неё. Теперь она выглядела девственной, нетронутой.

Я застонал, зная, что его анус не остался нетронутым! Не осознавая этого, моя рука нашла твердый гребень моего члена под мягкой тканью кальсон. Когда мои глаза нашли маленькую морщинку Роландо, я сжал головку члена и схватился за древко, пытаюсь согнуть его, как будто грубой силой мог согнуть. Кажется, я хотел выдернуть его и засунуть в дыру Роландо!

Роландо услышал, как я ахнула, и в этот момент заметил меня. Сбросив платье и упав на пятки, он оглянулся на меня, застенчиво склонив голову и глядя на меня из-под опущенных век. Его глаза вспыхнули и, казалось, пронзили меня насквозь. Выражение его лица было спокойным ... Я не хотел называть это ненавистью или обидой, но он выглядел таким строгим ... было ли это подозрение? Гнев какого-то неопределенного рода?

Я выпустил свой член, как будто он обжег меня, и действительно почувствовал горячую вспышку, поскольку смущение от того, что меня поймали в таком откровенном выражении моего возбуждения,

захлестнуло меня. Почему-не знаю. Я знал, что он щеголяет передо мной. И я подозревала, что он зол на меня. Я мог бы обидеться, но не стал. Я все еще не понимал отношений Роландо с его бывшим хозяином. Каково это-быть отнятым у человека, который наполнил его, как может только мужчина? Или десяти-дюймовый деревянный фаллос? Был ли Большой Джон для Роландо тем, кем я хотел быть для Уишиса?

Нет! Я не мог, я не мог в это поверить! Зверь был злобным, жестоким. Но любил ли его Роландо?

Я просто не мог обижаться на то, как Роландо играет со мной. Но я этого не понимал. В замешательстве я сильно покраснел, когда меня поймали, когда я гладил себя в ответ на его тело.

С этого момента я лежал неподвижно, но каждый мускул в моем теле был напряжен, мои руки упали на одеяло, лежащее на бедрах. Ну, я мог воздержаться от прикосновения к нему, но не было никакого способа скрыть палатку, сделанную моим членом - мой член поднял мои кальсоны на целых четыре дюйма от моего живота, и я почувствовал тупую боль, нарастающую в моих яйцах.

Роландо, должно быть, улыбнулся и отвернулся. К своему ужасу, я увидел, как уголки его губ приподнялись, прежде чем он отвернулся. Я понятия не имела, о чем он думает. Я просто знал, что не смог бы отвести взгляд ни от чего и ни от кого на Земле. О Боже! Что за предательство по отношению к Уишису!

Бронзовый Бог, стоявший передо мной, покачал головой, снова поправляя длинные волосы, которые растрепались, когда он снял платье. Его маленький пузырчатый зад слегка покачивался, когда кончики волос танцевали над выступающими щеками. Вуаль почти полностью скрывала его гладкую, выгнутую спину, позволяя лишь мельком увидеть блестящие, золотисто-коричневые изгибы его боков и только гребни лопаток.

Длинные, очень длинные волосы Роландо так меня привлекали - мне так хотелось вскочить, броситься к нему и нежно, нежно, старательно расчесать его волосы, чтобы они не спутались. Я представил, как мои пальцы случайно коснутся его спины, когда я буду расчесывать его волосы.

Возможно, он прочитал мои мысли, потому что присел на корточки рядом со своими седельными сумками и начал рыться в них. Он не согнулся в талии, а присел на корточки, отчего его ягодичцы широко раздвинулись, но его маленький анус был просто вне поля зрения под ним! И все же, когда он присел на корточки, его тело на бедрах вспыхнуло так привлекательно. Мне захотелось обхватить его руками за талию и просто позволить им скользнуть вниз и наружу вокруг его бедер, к бедрам, а затем дотянуться до его маленькой дырочки, которая будет так туго натянута под ним.

Каждая поза этого мальчика был для меня искушением! Я хотел его! И мне стыдно признаться, что на какое-то время я забыл о том, что люблю Уишиса. В этот момент я был мужчиной, страстно желавшим увидеть юношескую красоту, о которой даже не подозревал. Он отличался от Уишиса, моего дорогого Уишиса, который весь состоял из золотого белого света и был воплощением невинности. Да, Роландо был золотым. Но такой гладкий, такой отшлифованный и внимательный! Вот мальчик, осознающий свою красоту и очарование! Он щеголял передо мной своим телом и красотой, и я не мог отделаться от мысли, что, может быть, он будет моим!

Роландо выудил из сумки щетку и снова встал. Все еще стоя ко мне спиной, он наклонился ко мне, откинув голову назад, отчего его волосы волнами рассыпались по плечам, так что он мог собрать их вместе, чтобы расчесать. Как он держал ее в массы с его стороны, он показал одну узкую, но так тихо, округлое плечо, и ширь его обратно все, вплоть до его задней части. Он тщательно расчесывал волосы, чередуя длинные плавные взмахи с короткими резкими, чтобы убрать мелкие завитки. От этих движений его зад задрожал еще сильнее, и он снова, не раз, казалось бы, без причины, вставал на цыпочки.

Но во всем, что делал этот мальчик, была причина. Каждое его движение было частью маленького танца. Музыка играла в моей душе и сердце - я был бойлавером и вот моя муза!

Боже, как мне хотелось, как я напрягался, чтобы схватить свой затвердевший член! Я хотел открыть застегнутую панель и выпустить член и яйца, чтобы я мог яростно качать себя, все время наблюдая за Роландо. Но я не хотел. Его взгляд на меня заморозил мои руки на одеяле. Я едва мог вынести

и острую боль в яйцах, и смущение, которое охватило бы меня, если бы он снова поймал меня, глядящую себя. Или чувство вины.

Наконец мой искуситель бросил щётку в открытый мешок и шагнул в воду. Клянусь, я видел каждую мурашку на его теле с пятнадцати футов, разделявших нас. Меня тоже пробрал озноб.

Он не отступил, и холод, казалось, не шокировал его. Вместо этого он снова присел на корточки, на этот раз прямо над водой, и принялся зачерпывать пригоршнями холодную воду себе на руки, грудь, ноги, лицо.

Затем он сделал что-то, что я принял за заявление. Нет, этот мальчик не злился на меня за то, что я забрал его у зверя, Большого Джона. Он был рад оказаться подальше от этого человека. Иначе зачем бы он так тщательно мыл свой задний проход и копался в себе, сначала одним пальцем, потом двумя, потом тремя - в какой-то момент почти лихорадочно зачерпывая воду и погружая ее пальцами в свой любовный желоб! Это был единственный момент за весь долгий день, когда я почувствовал, что Роландо потерял контроль над собой. Как будто он внезапно был одержим желанием очистить себя от семени Большого Джона. Я видел, что он так же лихорадочно моет пенис и яйца.

В кои-то веки он забыл обо мне, иначе повернулся бы и показал мне свое отрочество, как уже показывал мне свои нижние области. Я видел, как он наклонил голову, как его волосы свисали в воду только на концах, как он смотрел на себя и скреб и скреб. Смывал ли он воспоминание о губах Большого Джона на своем члене или ощущение огромных, неуклюжих пальцев великана?

Внезапно стало темно. На Востоке, за деревьями, почти наполовину скрылась Луна, и мне пришлось вглядываться в сумерки, чтобы увидеть, как Роландо поднимается из воды; я слушал, как он складывает щетку, берет платье, надевает его и возвращается через лагерь на прежнее место у седла. Проходя мимо меня, он не смотрел в мою сторону, а шел к месту своего упокоения, как таинственный бронзовый Бог, величавый и величественный. Рост всего 5 футов 2 дюйма, совсем мальчик ... но мальчик!!!

Да, было темно, и я больше не мог сдерживаться. Я чуть не разорвал пуговицы на своем пульсирующем члене, и настала моя очередь лихорадочно обмывать свою смазку вокруг головки и члена, а затем начать поглаживать вверх и вниз - не так, как я обычно делал, начиная медленно и заканчивая медленным кульминационным моментом, мечтая о каком-то парне, но теперь с окороком, жестоким, головкой. -

и-мяч-растяжка стучит! Я кончил в одно мгновение, большие капли моей спермы взлетели на мою грудь и на одеяло вокруг меня. Я застонал так громко, что Метрио зашевелился в своем одеяле у моих ног, и в шоке, придя в себя, посмотрел на Роландо.

Он снова сидел, стоически глядя на меня. В полумраке я едва различал его черты. Ни выражения лица, ни улыбки, только пристальный изучающий взгляд, которым он оценивал меня весь день.

- Спокойной ночи, Роландо, - произнес я героически, хрипло, снова смутившись, чувствуя себя почти глупо. Я едва слышал себя из-за шума крови, стучащей в ушах.

Он не ответил. А может, и знал. Он лежал на спине, и я видел, как он натягивает одеяло на свою идеальную фигуру. Благословенные одеяла, чтобы согреть второго мальчика-Бога, Которого я встретил в эту благословенную неделю моей жизни.

Уишис лежал в постели на чердаке над дневной комнатой. Тетя и дядя уже вышли в другую часть хижины, отделенную от него крытой верандой. Так далеко, для одинокого маленького мальчика, в темноте ночи. Оставив его в таком физическом одиночестве, как они всегда оставляли его в одиночестве душой.

Он вздохнул и поклялся, что не будет плакать этой ночью, думая об одном человеке, который дал ему неизмеримую любовь. Завернувшись в одеяла, он представил, что это сильные руки его мужчины. Человек, который поклялся вернуться к нему ... через три недели. Теперь две недели и четыре дня.

Мальчик повернулся на другой бок, все еще сжимая одеяло, и наконец провалился в беспокойный сон. Сон, полный сновидений, воспоминание о том времени, всего четыре ночи назад, когда он проснулся от самых пугающих, но восхитительно болезненных ощущений в своем маленьком члене и яйцах.

Он проснулся с трудом, и ему показалось, что его яйца сжимают чьи-то невидимые пальцы. Было больно, но в то же время так хорошо, и он знал, что Тег знает ответ! Поэтому он встал, оседлал своего человека и наклонился, чтобы разбудить его, позволив своему маленькому стояку плотно прижаться к его животу. А потом его мужчина показал ему, как заниматься любовью, как стать одним из них, как избавиться от ноющего чувства в яйцах ... и как показать свою любовь

То, что я только что кончил во взрыве моей сдерживаемой страсти к Роландо, никак не успокоило мои сны. Должно быть, я спал беспокойно, часа два, судя по восходу Луны, когда меня разбудили. Я помню вспышки образов, как будто у меня было несколько мокрых снов одновременно, с Уишисом, смешанным с Роландо и Метрио.

В последнем сне все было как в тумане. Но я помню, как подумал: "Уишис, ты снова пришел ко мне! Я чувствую, как твое тепло прижимается к моей груди. Ты чувствуешь, что твою пи-пи снова нужно сосать, дорогой? Я хочу сделать это для тебя» Я начал подниматься, но почувствовал его вес у себя на груди, и мне не хотелось его отпускать. Я почувствовал, как его маленький член коснулся моих губ! Я попытался взять его, но он отдернул!

Я открыла глаза и увидел залитый лунным светом лагерь, гораздо более яркий, чем когда я засыпала. Но я видел не Луну и не темный силуэт хребта на Западе. Это было нечто в триллион раз более прекрасное, чем Артемида, богиня луны, когда-либо мог быть. Когда я открыла глаза, то увидел, что надо мной возвышается статная фигура Роландо, его черные волосы сливаются с чернотой ночи и рассыпаются прямо надо мной, кончики их скользят по моему лицу взад и вперед. Я почувствовал, как его мягкие ягодички прижались к моей груди! Я чувствовал жар его бедер, обнимающих мою голову, и потирающих мои уши. Он был голый! Я чувствовал его горячую плоть повсюду, его болтающиеся шарики размером с мрамор скользили по моему подбородку в шелковом мешочке! Я мельком увидел его обнаженную грудь, возвышающуюся надо мной, скрытую завесой блестящих волос.

То, что я чувствовал и ощущала на губах и на подбородке, заставило мое сердце на мгновение остановиться. Я чувствовал его запах, я пробовала его на вкус, дразнящими короткими толчками его бедер. Он скользил своим маленьким членом, таким мягким, и в то же время таким твердым, по моим губам, его полуприкрытые глаза просовывались между моих губ при каждом движении вперед! О Боже, я чувствовал запах мальчика! Такой сладкий и затхлый, но чистый. Я попробовал его член и крайнюю плоть. -этот неопиcуемый, слегка солоноватый, но сладкий и земляной вкус.

Он склонился надо мной, положив руки по обе стороны моей головы на свернутую одежду, которую я использовала как подушку. Это заставило мою голову слегка наклониться вперед. Все, что мне нужно было сделать, это наклониться немного вперед и позволить члену этого мальчика найти желаемую оболочку во рту.

Сквозь мое ошеломленное удивление и переполненные чувствами вкуса, осязания и обоняния, донесся его сладкий голос: Он был мягкий, но нагревает в своей страсти: "возьми его, Мистер! Я даю тебе ... мой член! Принимать его... Соси!»- Он напевал между вдохами, почти в такт своим похотливым движениям по моему подбородку и губам.

Это сразу же дало ответ на один вопрос. Он определенно говорил и понимал по-английски!

- Ты молодец ... к Метрио, мистер ... Я отдаю свой член ... в награду! Я. .. знаю, что хочешь ... мне. Как... Большой Джон. Но ты ... лучший человек. Тебе нужен Метрио ... тоже, но не взяли его! Взять меня.... Сейчас же!

Он внезапно наклонился вперед, направляя свой маленький трехдюймовый стояк прямо к моим губам.

В шоке я не мог шевельнуть губами, не принимая его предложения, но и не отказываясь! Теперь мне оставалось либо стиснуть зубы от вторжения его тыкающей головки, либо открыть рот и впустить его, как он приказал.

Я сопротивлялся! Как мне хотелось проглотить этого восхитительного мальчика целиком! Но то, что он сказал, встревожило меня. Я не мог заниматься любовью с парнем, который чувствовал, что должен отплатить мне. Который чувствовал, что если он этого не сделает, я все равно возьму то, что хочу. От него или от Метрио.

Мои блуждающие руки остановились на его стройных бедрах, и я решительно остановила его толчки.

- Роландо!- Мне удалось гортанно прошептать, задыхаясь. -Ты не должен этого делать! Ты мне ничего не должен! Я. .. Я никогда не причиню вреда ни тебе, ни Метрио. Я не...."

- Но ты хочешь меня, Мистер! Он застонал, начиная наполовину вырываться из моей крепкой хватки, пытаюсь возобновить свои движения. Его волосы рассыпались по моему лицу, но я успела заметить темные озера его глаз, темных, но блестящих от страсти.

- Ты тоже хочешь Метрио ... Я видел ... Я никогда никого не видел таким жестким ... все время! Даже Большой Джон должен был отдыхать, но ты ... Я вижу, ты хочешь меня каждую минуту. Я вижу, как ты выглядишь! И потом, когда ты моешь Метрио, у тебя тоже встает"

Киваю головой.

- Да!! -Я попытался выдавить из себя лишь невнятное мычание, теперь борется сам, против моей собственной страстью. Я так хотела этих мальчиков! Что плохого в том, что Уишис ждет меня в своей долине?? "Но. ..."

Он извивался в моих объятиях и освободился, и я почувствовал, как его горячая головка снова скользнула по моему подбородку, и он снова наклонился надо мной, и я почувствовал мягкую головку его члена между моих губ. Я просто застонал, открыл зубы и притянул его к себе, ища руками его ягодицы. Его лобок сильно прижался к моему носу, и я глубоко вздохнул и зарыдал, удерживая его в себе, мой язык сходил с ума, похотливо ища каждый контур его головки и члена! Я начал жестко сосать его член, втягивая щеки и сжимая губы вокруг его маленького члена. Затем я позволил ему продолжить трахаться. С каждым ударом мой язык становился мягким желобком для его члена. И на толчке я лихорадочно мыл его головку кончиком языка, и каждый вкусовой бутон посылал электризирующие сигналы в мой пах Я отпустил одну руку, разорвал клапан на моем вздыбленном члене и начал поглаживать его.

Он почувствовал, что я делаю с собой, потянулся назад и схватил меня за запястье так крепко, как только мог своими изящными маленькими ручками. Это были руки, созданные для нежных ласк, а не для того, чтобы хвататься за них против грубой силы, но я позволила ему остановить меня.

- Еще нет, мистер!- Он приказал-Ты будешь ... трахни меня этим! Не трать его!

Я просто застонал и продолжила сосать. Он расслабился и как бы повис в воздухе надо мной, позволяя мне мусолить и ласкать его член, сколько душе угодно. Я чувствовал, как напряглись его мышцы, когда он начал медленно подниматься к оргазму. Я начал обслуживать этого парня, полный решимости довести его до оргазма. Я хотел давать, а не брать. И я хотел, чтобы он это знал. Мне нужно было доставить ему удовольствие. Каждый мускул моего тела, даже мой твердый, как камень, член, нацеленный ему в спину, был сосредоточен на том, чтобы снова служить мальчику! Я бойловер! Мне нужно служить мальчику!

Я сомкнул губы вокруг его члена и начал двигать ими вверх и вниз по всей его длине. С каждым новым толчком мои губы прижимались к его лобку. Я знал, что нижняя часть его члена менее чувствительна, но я также знал, что растягиваю его крайнюю плоть таким образом, и мог чувствовать, как она стягивается полностью через край его головки. Затем, проведя головой вниз, мои губы натянули его кожу на головку, и я сделала ему мягкий массаж прямо на самую

чувствительную часть его тела. Чтобы увеличить его удовольствие, я сделал ямку на языке и почувствовал, что его шершавая поверхность посылает волны удовольствия через его чресла.

Роландо был воплощением красоты, но я закрыл глаза и сосредоточилась на вкусах и ощущениях.

Ощущение его волос, прохладных и шелковистых, так легко скользящих по моему лицу, и при каждом взмахе они омывали мой лоб, нос, закрытые глаза. Запах, чистый, но с привкусом его личного запаха.

Ощущение его твердой плоти, скользящей под моими руками, когда я позволяю им ласкать его спину, ягодицы, бедра.

Ощущение его слегка болтающихся яиц, когда они покачивались на моем подбородке с каждым движением моего рта на его инструменте. Я буквально ощутил каждый из его яиц, когда они сначала коснулись моего подбородка, а затем скользнули через пропасть, чтобы плюхнуться к моему горлу.

А больше всего вкус и ощущение его поршневого члена, такого маленького и мягкого, но в то же время такого твердого, мужественного и непреклонного, требовательного! Полностью на дюйм длиннее, чем 10-летний член Уишиса. И заполняя мой рот немного больше. Вкус был почти такой же ... мясистый, землистый. Я смаковал вкус-только второй вкус члена в моей жизни!

Крайняя плоть Уишиса не была готова полностью втянуться, и я только попробовал кончик его головки, где уздечка предплечья была натянута эрекцией. Крайняя плоть Роландо оттягивалась плавно и полностью с каждым толчком, и я сходил с ума, размахивая его голыми головками, чувствуя его дрожь каждый раз.

Его реакция сделала меня более смелым и сильным, и я переместил свои руки на его стебель, сокращая длину моего удара. Я нежно оттянул его кожу назад, полностью обнажив головку члена, и начал безжалостно концентрироваться на его головке.

Он кричал снова и снова, слабо, задыхаясь, как будто я подвергал его изощренной пытке. Конечно, это только разожгло мое собственное безумие. Я пососал сильнее, с большей силой провел языком по его головке, вонзая его в крошечную щель.

Его стоны стали почти непрерывными, и он начал неудержимо извиваться, нервные окончания в его члене посылали удары во все части его тела.

Наконец он вскрикнул и схватил меня за волосы, и я почувствовал себя очень счастливым, когда его бедра сжались вокруг моей головы. Я знал, что он кончает. Я чувствовал себя таким счастливым, словно я был Мустангом, на котором он ехал, и мои волосы были его поводьями! Хотя брыкался-то он!

В конце концов Роландо практически рухнул на меня, придавив своим телом и придушив лобком. Я только крепче прижал его к себе, впиваясь пальцами в его мясистые ягодицы, разминая их. Мне нравилось чувствовать мальчика рядом со мной, этого мальчика - его мягкое, горячее тело, так плотно прижатое ко мне.

Его член немного смягчился, но все еще был напряжен. Я прекратил грубое обращение с ним языком и слегка разжал губы, но продолжил слегка посасывать, чувствуя, что это заставит его почувствовать себя любимым и защищенным, когда он спустится с высоты.

Вскоре Роландо медленно оторвался от меня, и я глубоко вдохнул его запах. Его пенис соскользнул с моих губ, но я неохотно сдалась. В последний момент, зная, что больше не буду держать во рту его драгоценный маленький инструмент, я слегка сжала губы и попытался отстраниться, положив руки ему на ягодицы. Я быстро лизал и лизал нижнюю сторону его удаляющегося члена и головки, сосредоточившись на его сверхчувствительной уздечке, где его незащищенная головка была прикреплена к крайней плоти. Это было похоже на инстинктивную реакцию-бойловера, действовавший без раздумий, делавший все, что моя природа предназначала мне, чтобы удержать этого мальчика внутри меня!

Тем не менее он вышел. Но я почувствовал, как он почти мгновенно напрягся. Не выпустив никакого семени, он, очевидно, все еще чувствовал вожделение. Устал, но готовился к большему!

Я вдруг вспомнила его заявление, всего несколько минут назад, что я должен сохранить свою сперму для него, что я должен трахнуть его!

Трахнуть парня?! На мой взгляд, это был наивысший половой акт любви.

То, о чем я мечтал всю свою взрослую жизнь. По крайней мере, после чтения классической литературы. Читаю ее, живу в те древние времена, в своих снах.

Теперь, здесь и сейчас, 12-летний мальчик-Бог объявил, что я должен трахнуть его!

Его членик стал тверже. Он не просто отдал мне свое тело в уплату за мою доброту к Деметрио. Он хотел, чтобы его трахнули. Он снова стал твердым, в ожидании моего проникновения в его дырку.

Он окликнул Деметрио, когда тот поднялся от меня. Что-то по-испански, просьба, заканчивающаяся на "Пожалуйста". Это я понял.

Внезапно я понял еще кое-что и впервые с тех пор, как Роландо оседлал меня, посмотрел поверх его совершенной фигуры. Действительно там был Деметрио, сидя на его одеяле. Мои глаза полностью привыкли к темноте, и полумесяц был очень ярким. Я видел напряженный взгляд Деметрио, его глаза, устремленные на старшего брата, внимательно слушали его просьбу. Он был в рубашке, но когда он встал, чтобы подчиниться, я увидел, что он снял штаны и одной рукой обхватил свой маленький, полуторадюймовый член!

Значит, он наблюдал за нами. Наблюдал, как я глотаю Роландо, слушая экстаз его брата, а также мои собственные стоны - и он сидел на краю одеяла, когда я разорвал кальсоны и вытащил свои твердые 7 дюймов!

Сотни мыслей, мимолетных мыслей пронеслись в моей голове. Этот шестилетний мальчик знал все о любви ... без сомнения, он часто видел Большого Джона вместе с Роландо. Он тоже принимал участие? Шестилетний, возбужденный, дрывающийся? Могу я тоже попробовать его маленький член? Мое сердце пропустило удар, с моей следующей мыслью-трахну ли я его тоже? Смогу ли я трахнуть его? Мог ли шестилетний ребенок взять мой член в себя?

Мой мозг лихорадочно работал от желания. Я хотел трахнуть Роландо! Я хотела взять Деметрио на руки и покрыть поцелуями каждую часть его маленького тела!

Роландо слез с меня, и сквозь мои широко раскрытые безумные глаза я увидел, как он присел на корточки рядом со мной, а Деметрио побежал туда, где лежали их седельные сумки.

Я не сразу разглядел, за чем пошел Деметрио, потому что Роландо шокировал меня, запустив обе свои маленькие ручки в ширинку моих кальсон. Ему было жарко. Его руки были горячими, как в лихорадке. Я видел это и в его глазах, когда он смотрел на мой член. Затем он наклонился ближе, и его волосы качнулись вперед, скрывая большую часть его лица от меня. Когда он наклонился вперед, через мое тело, он переместился так, чтобы он мог отдохнуть на корточках, вместо того, чтобы присесть на пятки. Сначала я почувствовал, как его правая рука скользнула внутрь и обхватила мой набухший и пульсирующий пенис, его ладонь легла на вершину древка, его пальцы обхватили, массируя мою набухшую плоть. Он вытащил мой член из ткани и начал медленно двигать им вверх и вниз. Одновременно я почувствовал, как его левая рука скользнула ниже, в мои кальсоны, пока, о, таким нежным, нежным прикосновением, он не обхватил мои яйца своей ладонью. Или я должен сказать мяч. Роландо может быть 12, но у него все еще были маленькие детские руки, и с вытянутыми пальцами он мог обхватить оба моих яйца, но его маленькая ладонь мог только подложить один. Я почувствовал, как он обхватил одну из них, все еще осторожно и нежно, а затем вытащил ее из ткани. В его умелых руках я чувствовал себя в безопасности. И любой, у кого были яйца, знает, как это важно! Даже в пылу страсти. С Уишисом я был так возбужден и так глубоко влюблен, что он мог тянуть и тянуть меня за яйца по желанию. Что касается Роландо, то я чувствовал, что он точно знает, что делает. Вскоре он снова запустил руку в мое яичко и тоже вытащил его, позволив им обоим лечь поверх шерстяной ткани.

- Сделай мне побольше сока, кахонес, - гортанно прошептал он, сжимая мои яйца, поднимая и массируя их своими мягкими пальцами.

- А ты не такой большой, как Большой Джон, - игриво сказал он, продолжая качать мой член. Я чувствовал, как он пытается соединить большой и средний пальцы вокруг моего члена, измеряя его обхват. Они не соприкасались, такими маленькими и изящными были его мальчишеские руки, но я почувствовал, как он сжал их, пытаюсь дотянуться, оценивая меня.

- Не такой большой, - продолжал он, размышляя вслух, - но, по-моему, ты длиннее!

Я слышал его волнение, его предвкушение. Наслаждался ли он мыслью о моих 7 дюймах внутри себя, глубже, чем он когда-либо чувствовал от Большого Джона?

"А как же фальшивый член?" - подумал я. Он был намного длиннее моего. Сколько всего он принял внутрь себя? Неужели его холодное, безжизненное, отполированное древко так приятно мальчику, как член настоящего мужчины?

По тому, как Роландо ласкал меня и чуть ли не истекал слюной, я догадалась, что он определенно предпочитает настоящее.

Он был частично скрыт от моего взгляда своими длинными, длинными черными волосами, но я мог слышать его чувства в его словах.

Я только что кончил, но с ним, ритмично сжимающим мой член вверх и вниз, тянущим мою крайнюю плоть вверх по всей моей головке, а затем вниз, тянущим ее плотно вниз, так что она растягивала мои головки вниз, как раздавленная слива, я мог чувствовать приближение другого оргазма. Его безумно медленный ритм сводил меня с ума! Я начал поднимать задницу от земли, чтобы встретить его движение вниз, как будто я мог поторопить его.

Он почувствовал мое растущее напряжение и, казалось, внезапно пришел в себя.

- Еще нет, мистер!

Он перевел свой темный взгляд на меня. Он прекратил качать, убирая руки, убирая эти мучительные, нарастающие ощущения в моем паху. Но он заменил его чем - то почти бесценным-улыбкой!

Это был полуулыбка, хитрая, понимающая улыбка, заставившая меня вздрогнуть от чувства награды.

- Прибереги свой сок для меня! Я хочу, чтобы он был внутри меня! - он напевал.

Я мог бы растаять, услышав его нежный голос, увидев его улыбку - больше не было ни презрения, ни гнева, ни того, что было раньше.

- Деметрио! - крикнул он, оглядываясь в поисках брата, который как раз возвращался. Они обменялись еще несколькими короткими словами, и я увидел, как он взял зеленую стеклянную банку из рук Деметрио - ту, которую он забрал из сарая, где Большой Джон трахал его. Деметрио, казалось, хотел присоединиться к ним. Его голос был умоляющим, и он потянулся к моему члену, но Роландо приказал ему уйти. Он не был злым, я мог сказать это по его тону, просто полностью контролировал себя. Что бы он ни сказал, это, похоже, удовлетворило малыша, потому что Деметрио снова опустился на колени у моих ног, лицом к нам, его глаза все еще были широко открыты. Я снова увидел, как его рука потянулась к все еще твердому стержню.

Ночная тьма смягчила вид его уродливых ран, и вместо этого я увидел прелестного маленького мальчика, худого, голого, с бледной в лунном свете кожей, но тени и его собственные угольно-черные волосы делали его похожим на видение темных линий и мягких, подчеркнутых изгибов и краев. Все мальчишеское в его плоском животе и груди, в изящных руках, в его глазах, отражающих то, что он делал со своим маленьким членом.

Я снова сосредоточился на том, что делал Роландо, потому что он внезапно снова оседлал меня, на этот раз гораздо ниже, ниже моих яиц. Я чувствовал его горячие ягодицы на своих бедрах и легко мог видеть его маленький член, указывающий на меня с безволосого лобка. Он уже вытащил пробку из банки и, погрузив в нее три пальца, вытащил каплю густого белого сливочного вещества.

Смазка! Я вдруг понял, с некоторым трепетом, когда он начал красить мой член кремом. Он сконцентрировался на моих головках, убедившись, что часть сливок осталась там, а затем ниже моих открытых головок, где мой член был самым толстым. Мне пришлось сделать глубокий вдох.

Он готовил меня проникнуть в него! Это причинит ему боль? Может, поэтому он хотел сливок? Чтобы облегчить боль?

- Ты так легко проскальзываешь, Мистер, - вдруг сказал он, словно прочитав мои мысли. - Или, может быть, ты знаешь это, а? Сколько парней ты трахнул, мистер?"

Я онемел от изумления и, признаюсь, некоторого трепета. Я думаю, что стал бы мягким, если бы его руки не скользили вверх и вниз по верхней части моего члена, заставляя меня извиваться, когда его сжатая, но гладко скользящая рука массировала меня. Я мог только смотреть ему в глаза и смотреть на то, что он делал. Туда-сюда, гадая, что он будет делать дальше.

Достаточно просто! Он протянул банку Деметрио, который быстро поднялся со своего места на одеялах. Они обменялись еще несколькими словами, а затем Роландо наклонился вперед, подняв свою задницу в воздух надо мной, заставляя голову наклониться вперед. Теперь он был полностью скрыт густой завесой черных волос, свисавших мне на живот, но я видел, как Деметрио быстро опустил пальцы в банку. Он зачерпнул большую порцию, и его рука исчезла за спиной Роландо.

Старший мальчик внезапно наклонился вперед и вздохнул, и я, не видя этого, понял, что делает Деметрио. Он смазывал маленький анус Роландо. Прикасаясь к той же сладкой, чувствительной плоти, к которой я прикасался днем, перед тем, как вытащить деревянный стержень из его хватки.

- Я думаю, у тебя, должно быть, было много парней, Мистер, - неожиданно гортанно прошептал мне Роландо, поднимая голову и глядя на меня сквозь пряди вуали. Я видел, как смягчилось его лицо, он почувствовал заботу Деметрио.

- Я вижу весь день ... как тебе нравится смотреть на меня ... и Метрио. Ты любишь мальчиков, не так ли?"

Я представил, что каждая его пауза был вызвана пальцами Деметрио, запихивающими сливки в старшего брата.

- Я. ..- а начал говорить, но почувствовал, как мое горло сжалось от эмоций.

Нравятся ли мне мальчики?! Я ел, спал, пил и видел сны о мальчиках! И я был глубоко влюблен в одного мальчика по имени Уишис! И да, весь день мои глаза были прикованы к этим двум мальчикам передо мной, возбуждая меня, вызывая сомнения, соблазняя меня, искушая меня, наполняя меня желанием.

-Я. .. люблю мальчиков.-Я прошептал ему в ответ, как будто он ждал моей исповеди. -Но никогда ... не трахал парня.

При этом слове мой голос упал до едва слышного шепота. Трахать. Для меня это было больше, чем просто проникновение. Это было... наполнить мальчика своей любовью. Это то, что я хотел сделать. Наполнить Уиши моей бессмертной любовью! В пылу страсти я был нечувствителен к противоречию. Я хотел наполнить Уишиса своей бессмертной любовью, но я был готова наполнить другого мальчика.

- Но я знаю, что ты этого хотите, мистер. - Роландо ответил немедленно, выказав некоторое удивление. Это было заявление, а не вопрос.

Мои руки оставались неподвижными. Как мне хотелось приподнять их, раздвинуть вуаль, коснуться его лба, притянуть его к себе и осыпать поцелуями ... и погрузиться в него. Он насиловал меня!

- Не обманывай. Не смей!- сказал он настойчиво, но все же произнес это почти шепотом. Я чувствовал силу его существа, черпаемую из знания его власти надо мной. Он прекрасно сознавал, насколько красив и соблазнителен. И он прекрасно знал о моем желании.

- Даааа!- Я уступил ему. И вдруг я больше не мог сдерживаться.

Я подняла обе руки, потянувшись вперед, схватила его за плечи и потянул вперед. Он позволил мне подтолкнуть себя вперед, уступая моей внезапной страсти. Улыбающийся. Упиваюсь своей страстью. Я видел торжество в его глазах! Мои руки скользнули ниже, вдоль его гладкой грудной клетки. Жар Его плоти в моих ладонях был живительным! Я снова почувствовал его волосы на своем лице и глубоко вдохнул его запах. Я еще сильнее притянула его к себе, пока его щека не

прижалась к моей, и начала лихорадочно целовать его в левое ухо, и брать в рот пряди его прекрасных волос, пробуя их на вкус, поглощая его сущность, его запах, его вкус.

Мои ладони скользнули ниже, пока я не прижала его к бедрам, а затем толкнула вниз, теперь мягко - зная, что он позволит мне, но сквозь огонь моей страсти все еще желая, чтобы это был его выбор. Он не собирался давать мне это из чувства благодарности! Мышцы его бедер подались, и он начал опускаться к моему разъяренному члену. Клянусь, мой член напрягся вверх и, должно быть, вырос на дюйм в тот момент, практически взорвавшись силой вверх, ища свою дырку.

Я почувствовал, как мой член уперся в его трещину, и он внезапно снова взял командование на себя, подняв голову от моих жадных губ, подняв торс, давая себе лучший угол, чтобы опуститься на меня. Он что - то быстро сказал Деметрию, снова отдавая приказы, командуя, но своим сладким, мальчишеским голосом, без резкости. К своему удивлению, я почувствовал, как маленькие пальчики Деметрио легли на мой член, направляя его к любовному отверстию брата.

Роландо хотел, чтобы я вошел, и быстро. Для меня это было откровением. Это был парень, которого трахали, и, очевидно, часто, и мужчина с членом больше моего. И этот мальчик хотел этого снова. Он вел себя так, будто ему нужен член сзади. Несомненно, это ответ на один из моих вопросов о союзе с мальчиком - может ли он получать от этого удовольствие? Конечно, Роландо не будет так жаждать, чтобы я был внутри него, если не захочет.

Стон сорвался с его губ, когда моя головка наконец прижалась к его анусу. Это был звук ... удовлетворения, предвкушения наконец вознаграждения.

Я был слишком ошеломлен, чтобы произнести хоть слово. Мой член покоился у входа в канал любви мальчика, и я собирался войти в него. Я собиралась трахнуть парня! Я собирался исполнить роль мужчины мальчика и наполнить его своим семенем! С любовью!

Вся его щель и головка моего члена были смазаны кремом из банки, и ощущения моей мягкой головки, плавно скользящей в его щель и в естественное углубление, где она скоро войдет в тело Роландо, были просто восхитительно теплые. Деметрию начал толкать мой член к отверстию своего брата, маленькими движениями взад и вперед и вращая, как будто он пытался центрировать кончик моего члена прямо в анус Роландо.

Роландо надавил, и я почувствовал, как кольцо его плоти легко скользнуло вниз по моей головке. Она был горячей и тугой, сжимая мой член. На мгновение у меня перехватило дыхание, я почувствовал, как его анус пульсирует вокруг моей мягкой плоти, посылая вспышки невыразимого удовольствия через мой пах. Я знал, что его часто трахали, и, без сомнения, его анус был немного ослаблен, таким образом, вход был для него таким легким. Но я не ожидал, что он сможет буквально схватить мой член своим мощным кольцом мышц!

Вы когда-нибудь мучили свой член, когда драчили, доводя себя до бесчувствия от удовольствия, но отказываясь схватить весь свой ствол и лихорадочно качать, удерживая удовольствие на пике, не позволяя себе перейти через край к оргазму? Именно так я чувствовал себя сейчас, в тисках ануса Роландо. Я позволил ему снова взять себя в руки, и теперь я мог либо вынести разрушительное желание почувствовать, как он давит на меня, либо позволить ему продолжать мучить меня. Он был экспертом в этом, и он знал, что делает со мной, но по его собственным стонам я мог сказать, что он тоже чувствовал удовольствие от того, что его чувствительный анус растягивался моим членом.

Насколько я знал, учитывая отсутствие опыта, это был техника, которую он использовал, чтобы расслабиться, прежде чем принять меня полностью в себя. Он, конечно, казалось, знал, что он делает. Интересно, так ли они с большим Джоном занимались любовью, начиная медленно, позволяя мальчику привыкнуть к тому, что пенис мужчины вторгается в его тело? Думаю, так было не всегда. Этот Большой Джон, без сомнения, часто бывал более жесток. И еще я подумал, что Роландо, чувствуя себя более властным надо мной, чем с большим Джоном, чувствуя мою неопытность, показывает мне, как он предпочитает заниматься любовью. Как мальчику может нравиться принимать мужчину в себя.

Он продолжал, напрягаясь и расслабляясь, двигаясь вверх и вниз по моему члену почти незаметно. Резкие движения, которые он контролировал мощными мышцами бедер. Сводит меня с ума! Чувствительная кожа моего члена, чуть ниже головки, был натянута и натянута, но никогда не доставляла удовольствия чувствовать, как плоть мальчика опускается на нее. Я чуть не заплакала от отчаяния, желая почувствовать его горячую плоть еще на дюйм, еще на полдюйма ниже моего члена! Его собственное прерывистое дыхание и стоны удовольствия усиливали поток ощущений. Я попытался немного приподняться, почти произвольно, все еще крепко держа его на бедрах, но он умело отстранился, продолжая поддразнивать.

Мой первый трах. С мальчиком! И с очень опытным мальчиком!

Мы были здесь, в темноте ночи, наши объединенные формы освещались только серебристым сиянием луны, прохладный, свежий воздух гор окутывал наши разгоряченные, раскаленные добела тела, и сквозь лихорадочную страсть я вдруг подумал-вот к чему готовила меня жизнь любви! Наконец-то это случилось!

Бен Найт проснулся в полной тишине. Они с женой легли рано, сразу после ужина. Она почти ничего не ела. Похоже, она все еще был измотана после поездки в город. Прошло уже четыре дня, но она не чувствовал себя хорошо с тех пор, как они вернулись. Найта терзало беспокойство, и он понимал, что из-за этого слишком много пьет. Но, черт побери, он ничего не мог сделать на ранчо в таком состоянии!

Проклятый Теглин. Если бы он так не спешил вернуться на тропу, то мог бы помочь им сейчас, когда они больше всего в этом нуждались. Мальчик на чердаке, в другом конце хижины, просто не мог этого вынести. От него не было никакой помощи.

Полная тишина. Что-то не давало Найту покоя. Что-то было не так. Был ночь, на улице темно. Снаружи должно быть тихо. Нет?

Полная тишина. Даже шепота дыхания жены, лежащей рядом с ним..

Он почувствовал под руками влагу. Она был липкой, липкой, скользкой между пальцами, толстой, холодной.

Найт мгновенно сел и сдернул одеяло с лежащей жены. Она лежала неподвижно, на ее стороне, в ее ночнушку. Он видел круглый выступ, на котором лежал их ребенок. И у основания насыпи ...

В темноте ночи это было просто темное пятно. Но он знал, что это такое. Он знал.

Теперь он понял, почему не слышит ее дыхания. Он легонько толкнул ее в плечо.

Ничего.

Он позвал ее по имени. Тихо, потом громче, и громче!

Ничего.

Он упал на нее, схватил, перевернул на спину и потряс за плечи ... почувствовал холод ее плоти.

Он закричал от боли и грубо обхватил ее голову руками. Он звал ее, кричал, пытаясь пробудить от сна, от которого, он знал, она никогда не проснется.

Он остановился. Это было бесполезно. Он знал, что это бесполезно. Он просто сидел там в течение долгих минут, с одной мыслью, проходящей через его голову. Теперь все было потеряно. Теперь у него ничего не было. Без нее не было ничего.

Так он просидел, обнимая холодное и неподвижное тело жены, больше часа. И вдруг он понял, что на этот раз точно знает, что делать. Он положил ее голову обратно на кровать и встал. Он подошел к лампе, стоявшей у кровати, выключил ее, выдернул фитиль и плеснул керосин на кровать. Ему было наплевать, что она попала и на его собственную ночную рубашку. Затем, не колеблясь ни секунды, он взял спички и зажег одну. Он спокойно поджег простыни на кровати, занавеску на окне, бросил спичку на пол и лег рядом с женой.

Пламя лизнуло занавески до самой крыши, и простыни тоже вскоре поглотило пламя. В нарастающем Реве пламени крики агонии Бена Найтса не были услышаны.

На другой стороне крытого крыльца, в другой части тexasской хижины, крепко спал Уишис. Пламя подбиралось все ближе и ближе к нему, пересекая крышу крыльца.

Роландо продолжал дразнить меня сосущим захватом анальной мышцы на головке моего члена. Мое дыхание стало прерывистым, и я почувствовал, что скоро выстрелю в мальчика. Я начал стонать.

Короче, жалкое звучание вой необходимости. Я так хотел проникнуть глубже в этого мальчика, но он был главным. Каждый раз, когда я продвигалась глубже, он быстро поднимался, отрицая меня. Он дразнил меня, да, но в то же время умело давал мне ощущения в моем члене, которые я никогда не представлял себе возможным. Я чувствовал, что в моем члене были сотни, тысячи различных точек мучительного удовольствия - каждая из них покалывала, зудела, требовала прикосновения Роландоса, массирующего сфинктер.

Я сознательно позволил ему мучить меня этим удовольствием. Я был взрослым мужчиной и легко мог бы сжать его бедра и заставить мой член глубоко войти в его внутренности. Но я знал, что ему это нравится, и это было частью моего очарования. Он был мальчиком, которого трахали, и я чувствовал, что он испытывает то же безумное, почти безграничное удовольствие, что и я. Я слышал это в его собственных стогах. Его собственное прерывистое дыхание. И в теперь уже почти спазматических, нерегулярных сокращениях его анального кольца вокруг меня. Он контролировал себя, но в то же время терял контроль над наслаждением. Он был для меня откровением. У меня был часть ответа - я мог трахнуть моего дорогого Уишиса и принести ему эту высшую радость

Это ударило меня с силой кувалды. Я почувствовал, как горячая вспышка прожгла мой и без того лихорадочный мозг, и почувствовал, как мое застывшее тело внезапно напряглось в агонии, а не в страсти. Горячая вспышка охватила мое тело. Стыд и позор, что я трахалась с этим красивым парнем, трахалась с его телом. Я не занималась с ним любовью. Я мог заниматься любовью только с Уиши. Я использовал Роландо и, что еще хуже, предал Уишиса.

Уишис был моим мальчиком! Я был его мужчиной! И все же я был здесь, за много миль отсюда. Не делая ничего, чтобы ускорить мое возвращение к нему. Не делая ничего, чтобы служить ему ... Что ж, если я узнал об удовольствии, которое мальчик может получить от своего мужчины, то это должно быть что-то, чему я научился вместе с ним!

- Теперь я ... мы позволили тебе трахнуть меня ... Жестче, мистер!

Роландо хмыкнул, прерывисто дыша. Но как только я почувствовал, что он начинает давить на меня, я понял, что это невозможно. Я почувствовал, как мой член почти мгновенно смягчился, кровь от стыда хлынула из пениса.

-Уишис!- Крикнул я сквозь слезы, желая, чтобы горячая плоть, которую я все еще сжимал в своих объятиях, принадлежала ему, желая, чтобы я вошел в его тело. - Уишис!

Уишис вздрогнул и проснулся, словно услышал, как кто-то зовет его по имени. Он прислушался. Хотел услышать это снова. Был ли это его человек? Неужели это был его голос?

Он напрягся, но больше ничего не услышал и понял, что это всего лишь сон. Он почувствовал комок в горле, так сильно желая, чтобы сон стал реальностью. Но до возвращения его человека оставалось еще больше двух недель. Если он вернется

Слезы снова потекли ручьем, как бывало каждую ночь, когда он просыпался в тишине ночи один. Снова один. Всегда один

Нет! Не одинокий. Он вернется! Он сказал, что сделает это, и поэтому он так и сделает!

Сегодня на чердаке было жутко. Что-то изменилось. Его сердце екнуло от внезапного ужаса. Широко распахнув глаза и мгновенно проснувшись, он огляделся вокруг и отчаянно завертелся, прижимая одеяла к груди в поисках ... что бы это ни было. О Тег, мне страшно! Где ты?! Невольный вскрик испуга вырвался из его горла. Он нуждался в своем человеке здесь и сейчас! Не через три недели.

Холодный пот выступил у него на лбу, прилипая ко лбу тонкими прядями волос. Он чувствовал, что это странно. Его природный острый ум на мгновение победил страх, и он сидел, дрожа, но сознавая, что воздух на чердаке необычайно сухой и теплый. И вместо знакомых звуков ветра, завывающего в трещинах крыши, он услышал какой-то потрескивающий звук, похожий на треск костра, когда пламя яростно лизало только что зажженную сухую кору бревен. В ночи тоже было что-то странное, адское, как будто лес вокруг хижины горел ...

Огонь!

Не теряя ни секунды, он прыгнул с кровати, прихватив с собой одеяла, и бросился к отверстию, где стояла лестница. Он посмотрел вниз, но не увидел ничего, кроме крошечной тьмы. Он захихнул одеяла в отверстие, бросил их на пол и быстро последовал за ним, даже не потрудившись повернуться лицом к ступенькам лестницы. Он почти соскользнул вниз, едва касаясь каблуками перекладин. Ночная рубашка взлетела ему на лицо, и он почувствовал, как прохладный воздух снизу внезапно охладил его голые ягодицы, маленький член и яйца.

Если бы только его человек был здесь!. даже в этот момент ужаса его мысли вернулись к мужчине, к трепету, который он испытывал, радуясь, зная, что в глазах мужчины он прекрасен и любим.

На это нет времени! Зная каждый дюйм маленькой каюты, он без труда преодолел несколько шагов в темноте к двери.

Он поднял щеколду и распахнул дверь на кожаных петлях, ожидая увидеть за крытой верандой пылающий лес. Вместо этого он уставился прямо на пламя, идущее из другой половины каюты. Он был полностью поглощен!

- Дядя Бен!- он закричал. - Тетя!!

Жара с противоположной стороны заставил его открыть дверь. Он сознательно сделал глубокий вдох, пытаясь унять бесполезные судорожные вдохи и выдохи.

Он знал, что ответа не будет. Там никого не осталось бы в живых.

Но что, если они сбежали! Он снова толкнул дверь, но быстро закрыл ее, спасаясь от обжигающего жара. Ему тоже нужно было выйти за пределы хижины. Конечно, они будут ждать там ... но почему они не пришли предупредить его?!

И тут у него потекли слезы. Они не пришли. Либо они не заботились о том, чтобы, или

- Тег! Ты нужна мне, - прошептал он в ночь, бессознательно запирая дверь, как будто запертая дверь мог защитить от огня. Однако это был всего лишь миг жалости к себе. На большее у него не было времени. Он знал, что скоро эта часть хижины тоже загорится. Он яростно вытер слезы, размазывая по щекам струйку дыма, просачивающуюся в комнату. Его лицо покалывало, как бывало, когда он слишком долго был на солнце, и оно горело.

«Думай! Думай. - Он успокоился. - Тега здесь нет. Дядя Бен и тетя Я должен взять как можно больше и убраться отсюда ... и... подняться в наш город! Что... для этого мы его и устроили!»

Он бросился к шкафу, чуть не споткнувшись о брошенные на пол одеяла. Собрав их, он быстро снял банки, кастрюли и ложки - все, до чего могли дотянуться его руки, и бросил их в одеяла. Потом, ухватившись за углы, быстро перекинул тяжелый мешок через плечо и, спотыкаясь, побрел к клеенчатому окну. Он быстро пробил ее, оторвал от окна и принялся выкладывать свои сокровища наружу. На полпути все развалилось, и он услышал, как все предметы упали на землю снаружи или внутри у его ног. Он быстро подобрал их и выбросил, затем протиснулся в окно.

Он неуклюже упал, не успев достаточно быстро отпустить подоконник, и почувствовал острую боль, когда его правую руку выкрутили в плече.

Покров из банок и посуды тоже не смягчила, и он знал, что будет весь в синяках от спины до ног. С этой стороны хижины было еще относительно прохладно, поэтому он не спешил, не паниковал. В отчаянии он собрал все вещи обратно в одеяла и вытащил их на траву подальше от хижины.

Он посмотрел вверх, и лес вокруг него действительно был освещен, но только отраженным светом от горящей хижины. Дяди Бена и тети нигде не было видно. Он снова начал дрожать, его хрупкое тело еще не привыкло к холодному ночному воздуху горной долины. Более того, он дрожал от потери. Шок. Он уставился широко раскрытыми глазами на языки пламени, лизавшие крышу его собственной части каюты, и понял, что теперь он действительно один. Так одиноко, как только может быть одинок десятилетний мальчик.

"Тэглин. ..- он начал всхлипывать, все его тело сотрясали судороги отчаяния. - Тег, ты мне нужен! Сейчас же!!!"

Книга Вторая, Глава Третья
по Teglin teglin@excite.com

Глава 3

Когда мой бывший штырь больше не сопротивлялся его толчку вниз, в тесных пределах его ануса, ягодицы Роландо рухнули на меня, прямо на мой быстро размягчающийся член. Я услышал, как маленький Деметрио вскрикнул от шока, высвобождая руку из наших тел.

Как будто не веря в то, что случилось с членом, который он только начал вводить в себя, Роландо начал извиваться, его анус слепо искал твердость, которой больше не было.

Он хныкал. Я слышал разочарование и недоверие в его зверином мяуканье, когда он приподнялся, чтобы посмотреть вниз между нами, туда, где наши тела были вместе, но больше не соединились. Теперь он поднял голову и посмотрел прямо на меня. В свете луны, в эту ясную ночь, я видел, как он наморщил лоб, видел его испуг. Его черные глаза сверкали, пронзая меня взглядом, вопрошая. Я почувствовал, как его руки сжались вокруг моих, когда он навис надо мной, оседлав меня. Он в последний раз сильно толкнул меня в промежность, его мягкие ягодицы сильно надавили на меня. Конечно, больно не было, но это выражало его возмущение.

- Почему?- сказал он обвиняюще, но тихо. - Я думаю, ты ... как я!

Он подчеркнул свои слова движением головы, указывая на меня лбом. Его волосы разметались вокруг меня. С каждым движением он сжимал мои руки, его руки были горячими на моей плоти, его пальцы тщетно пытались ущипнуть и вонзиться в меня. Он был слишком хрупким, слишком маленьким мальчиком, чтобы причинить мне физическую боль, но я все равно чувствовал боль, чувствовал его боль.

Я знал, что причинил ему боль. Не физически, не больше, чем сейчас.

Я ранил его в самое сердце, в его веру в себя, в то, что он когда-то знал, что значит для такого человека, как я. Я знал, что это мгновенно. Уходя от этого мальчика из-за стыда за предательство

моего возлюбленного Уиши, я отверг его, отказался от его тела. В своей путанице желаний и сомнений, страсти и обязательств я причинила боль мальчику!

- Роландо, Я...

Он отпустил мою правую руку и пару раз ударил меня в грудь сжатым кулаком, причем не столько костяшками пальцев, сколько ладонью. Почувствовав мягкий удар, зная, что он возмущен и бьет меня изо всех сил, я вдруг понял, как одурманен я был весь этот день, этот долгий день, наблюдая за каждым его движением, видя, как он свирепо смотрит на меня из-под опущенных бровей, видя, как он выставляет напоказ свою красоту передо мной. Да, он действительно имел надо мной большую власть.

Но это потому, что он мальчик! Он был просто маленьким мальчиком! И я причинил ему боль.

Я быстро схватила его руки чуть выше запястий, желая успокоить его гнев, желая сказать ему, что мне жаль.

- Роландо, позволь мне ...

Он отстранился так сильно, как только мог, и начал мотать головой из стороны в сторону, и теперь я слышал его рыдания.

- Смотри на меня ... весь день, мистер!- он всхлипнул. Он перестал вырываться и вопросительно посмотрел на меня. - Я отдаюсь тебе, потому что ты заботишься о Деметрио, ты хороший, ты хочешь меня ... почему ты не позволяешь мне трахнуть тебя, я хочу отплатить тебе, это все, что у меня есть, я не могу.

- Ш-ш-ш, - попытался я успокоить его. Я отпустил его запястья, обхватил за спину и плечи и притянул к себе. Он сопротивлялся всего долю секунды, но потом позволил мне опустить его на грудь. Там, где я страстно целовала его левое ухо и щеку всего несколько мгновений назад, как раз перед тем, как попытался войти в него своим мужским естеством, теперь я прижимал его голову к своей, притягивая его к своему левому плечу. Его мягкие волосы были как подушка, когда он позволил мне повернуть его голову, чтобы лечь на меня. Я нежно поцеловала его в лоб сквозь пряди волос и начала ласкать его спину и голову.

- Я наблюдала за тобой весь день, Роландо. Ты такой ... красивый, я не мог отвести от тебя глаз. И вспоминая, как я нашел тебя, и забирая тебя у Большого Джона, я не мог перестать думать о вас всех.

- Зачем ты берешь меня? Почему ты заботишься о Метрио, если не хочешь меня, - умолял он, пытаясь поднять голову. Я мягко удержал его. - Почему ты не хочешь, чтобы я тебе показал?.. Мы с Метрио ничего не берем, мы платим, как я.

- Мне пришлось взять тебя с собой, Роландо. После того, что этот человек сделал с Деметрио, и после того, как я нашел тебя, я должен был увезти тебя оттуда. Слушай, я не знаю, что ... что он значил для тебя ... но...

Он резко прервал мои размышления.

- Мама хочет, чтобы мы с Метрио жили лучше ... научи меня, как угодить Большому Джону, как сделать человека счастливым, чтобы у нас был хорошая жизнь, так что ...

Значит, мать растила его мальчиком-проституткой. Вот как он оказался с Большим Джоном. Он и его младший брат.

- Большой Джон дал тебе то, что ты хотел?..

Я прервал его хриплым голосом, желая ответить наконец, раз и навсегда – забрал ли я этого мальчика оттуда, где он хотел быть?

- Он дал нам еду и кров. Лучше, чем жить в пещере, с мамой! - я слышал боль и вызов в его голосе. И более решительно, как бы делает заявление: - И он трахает меня каждую ночь, каждый день! Он

любит меня. Я не люблю его, но он учит меня хотеть его внутри себя каждый день, каждую ночь! Это все, что у меня есть, мистер. Это все, что у нас с Метрио есть, чтобы выжить.

- Тебе больше не нужно этого делать, Роландо. Ты больше не должен так себя продавать, сынок, - поспешил я сказать ему. -Я позабочусь о тебе и твоём брате. Я не буду заставлять тебя делать это ...

- Ты не понимаешь, мистер. Это все, что у меня есть. Ты не позволяешь мне трахать тебя, и...

-И я по-прежнему буду заботиться о тебе, - снова попытался я его успокоить.

- Большой Джон был злым, но он хотел меня! Он трахает меня, потому что хочет. Я думаю, ты хочешь меня. Думаю, ты позаботишься обо мне и Метрио.

Я понимал, что пока не смогу заставить его понять, что ему не нужно заниматься со мной проституцией, чтобы выжить. Я догадывался, что только время позаботится об этом. Но здесь я чувствовал нечто большее. Для этого мальчика занятия любовью были неразрывно связаны с безопасностью и комфортом ... и только для того, чтобы обеспечить себя и своего младшего брата едой! Но более того, я чувствовал, что он говорит мне, что нуждается в любви. Он нуждался в том, что дал ему Большой Джон. Ебля стала необходимой частью его существования. Он не сказал этого, но то, как он вел себя, определенно говорило о том, что он не только нуждался в том, что дал ему Большой Джон, но и наслаждался этим физически и эмоционально.

Как я собираюсь заменить это для него? Я не мог, останусь верным Уишис. Но как сказать ему об этом? И все же дать ему понять, что я буду заботиться о нем и его брате?

Внезапно до меня дошло, что Деметрио стоит на коленях рядом с нами. Я отвернулся от Роландо и увидел, что его младший брат стоит на коленях, сжимая и ломая маленькие ручки, и тоже хнычет и всхлипывает, не понимая, что произошло. Без сомнения, только наполовину понимая, о чем мы с Роландо говорим.

Я осторожно приподнялся на талии, увлекая за собой все еще цепляющееся тело Роландо, и свободной правой рукой подхватил Деметрио.

Он приподнялся на коленях и сам упал ко мне.

Прижимая их к себе обеими руками, я неуклюже натянул одеяло на нас троих и лёг обратно.

Я почувствовал на груди слезы обоих мальчиков. Но вскоре Деметрио погрузился в сон, день и последние события, наконец, настигли его. Минуту назад он молча наблюдал за тем, как мы с Роландо трахаемся, даже помогал ввести мой член в тело своего брата, одновременно теребя свой маленький член. Теперь он был младенцем в руках.

Я повернулся к Роланду. Он тоже был измучен долгим днем, напряжением наших лихорадочных любовных ласк и катарсисом наших слов после того, как я так резко прервала его попытку отдаться мне.

- Попробуй уснуть, Ролан.- Прошептал я, все еще уткнувшись носом в его волосы и лоб. Я позволил ему соскользнуть с меня, чтобы он мог лечь животом мне на бок. Я держал его крепко, крепко, давая ему понять, что он мне безразличен, даже если я не смогу завершить то, что он начал.

Он слишком устал, чтобы говорить. Я держала его так, молча, казалось, полчаса. Он довольно скоро перестал плакать и шмыгать носом, и вскоре после этого я почувствовал, как напряжение в его теле уступило место безопасности, которую я предлагала ему в этот момент. По крайней мере на данный момент. Через некоторое время я тоже заснула, зажатая между этими двумя прекрасными мальчиками, убаюканная жаром их тел и волшебным ощущением сладкого дыхания Роландо на моей шее, его шелковистых волос, падающих на мои губы, его теперь вялого детства, прижатого к моему бедру. Мои последние мысли были как молитва, что я как-нибудь найду способ дать ему знать все обо мне и Уишисе, о том, что я за человек, и что я действительно позабочусь о нем и его маленьком брате.

Я проснулся на рассвете, а мальчики все еще лежали по обе стороны от меня, завернувшись в одеяло. Они оба прятали головы под одеялами, и я чувствовал их теплое влажное дыхание. Так чудесно было проснуться, зная, что я утешал и согревал их всю ночь. Но я тут же почувствовал и еще кое-что.

Чувство вины, не так ли? Опять стыд за то, что мы с Роландо сделали прошлой ночью? Чувство, что я оказался не в том месте, рядом со мной был не тот мальчик, что я предал Уишиса. Я был так возбужден обоими этими мальчиками и делил с ними такую близость, в то время как Уишис терпеливо ждал меня в своей горной долине. Он нуждался во мне.

И все же эти парни нуждались во мне.

Ночью они оба соскользнули с моих плеч, так что мне не составило труда выскользнуть из-под них, не слишком потревожив одеяла. Я поспешил к костру в поисках тлеющих углей. Утренний холод был похож на эти мысли о вине и предательстве. Она неприятно обвилась вокруг меня. Я должен был что-то сделать

Что я мог поделаться? Теперь у меня были эти мальчики. Джоуи тоже нуждался во мне. Но я оставлял Уишиса позади!

Нет! Я знал, что меня беспокоит не это. С этим я уже разобрался. Мне пришлось оставить Уишиса. Выбора нет. Он будет в порядке с Найтами, пока я не вернусь через пару недель.

Я нашел свой Эмбер, и аккуратно подул на пламя, позволяя ему лизать, чтобы зажечь небольшие веточки, потом огонь начал переходить на все больше и больше палки.

Огонь разгорался, но я не мог избавиться от холода.

Не оставлять Уишис, что беспокоило меня. Именно так я поступил с Роландо. Занимаюсь любовью с желанием

Внезапно меня осенило – я не занималась любовью с Роландо! Прошлой ночью мы занимались лихорадочным, страстным сексом, но

Мы с Уишисом занимались любовью. С первых робких поцелуев и до самого расставания мы занимались любовью. Каждый поцелуй был мгновением единения наших душ. Секс, который у нас был, был разделением нашей любви друг к другу.

Чувствовал ли я то же самое с Роландо? Почему-то мне стало легче от того, что я этого не сделал. Но и это меня беспокоило! Конечно, я не выдала свою любовь к Уишису, но что я чувствовал к Роландо?

Удивительно, но я удивился тому, что ни разу вчера не хотела поцеловать Роландо, как мы с Уишисом. Да, я хотела попробовать его на вкус, поцеловать в лицо, покусать за ухо, но ни разу мне не хотелось слиться с ним воедино, по-настоящему поцеловать его и показать, как сильно я его люблю.

Возможно, это было частью чувства вины или беспокойства. Не то чтобы я использовал мальчика. Он был инициатором секса. Но что я дал ему в обмен на его тело?

Черт побери, я не обращался с ним как с мальчишкой!!! Весь день я смотрел и удивлялся, очарованный его красотой. Зная, что его трахнули. Он был для меня не более чем плотью, дразнящей, искушающей

Я встал, отвернулся от огня к одеялам и изумленно покачал головой. Под моими одеялами мирно спала не какая-то таинственная сирена, а мальчик, нуждавшийся в моей помощи! Да, он был невероятно красивым, возможно, непревзойденно красивым мальчиком, но все же мальчиком.

Кобыла подняла голову к стогу сена и зацепила несколько пучков корма, дергая и дергая. Знакомый запах мальчика донесся до ее носа. Она шагнула вперед и подтолкнула то место, где он спал, прямо туда, где он забрался и зарылся в ее кормушку, полностью укрытый сеном. Она чувствовала себя игривой этим ранним утром, после странных событий прошлой ночи.

Не каждую ночь мальчик или кто-нибудь еще приходил в сарай и проскальзывал в стойло, чтобы успокоить и нежно почистить ее, потереть ее длинный нос, успокаивающе шепча. Все странные звуки прошлой ночи, Красный свет, ужасная удушающая вонь в воздухе-все было забыто. Сейчас здесь ее друг, и ему пора вставать.

Мальчик тихо вошел в ее одинокое стойло, так поздно ночью. Он долго гладил и ласкал ее, потом медленно забрался в стог сена и зарылся поглубже. Тогда они оба спали.

Она любила мальчика. В последнее время он начал приносить ей сладкую зеленую траву. Время от времени у него в руках оказывалась даже морковка или сухофрукт! Он был легким, как перышко на спине. Не так, как та упряжь, которую мужчина заставил ее носить.

Она снова подтолкнула сено, желая его общества так рано в это странное утро

... Уишис проснулся от фырканья кобылы и сразу понял, где находится. Ужас прошлой ночи нахлынули на него так же быстро.

Прошлой ночью он долго сидел и плакал, в ужасе глядя, как сгорает дотла хижина. Через некоторое время он уже не мог плакать, но от этого чувствовал себя еще более одиноким и потерянным. Он чувствовал себя таким опустошенным.

Тег ушел.

Дядя Бен и тетя умерли или ушли. Они бы даже не попытались

Он почувствовал холод, когда огонь наконец начал угасать, превращаясь в тлеющие угли, но не хотел приближаться к призрачному пятну пылающей земли, где когда-то жил и спал. Все исчезло.

Все, чего он хотел сейчас, - это добраться до своей башни! Чтобы чувствовать Тэга там, чтобы

Но потом он взгляделся в темноту, в деревья, и его охватил озноб иного рода.

Его маленькое тело содрогалось, сотрясаясь от рыданий отчаяния. Он боролся с беспомощностью. Тег не хотел бы, чтобы он был таким. Так .. если он боится подниматься в свое убежище в темноте, что скажет ему Тег?

Сарай! Он увидел его тогда, заметил впервые, теперь, когда пламя костра потускнело. Через поляну, на другой стороне хижины, все еще стоя! Слишком далеко, чтобы вспыхнуть в эту тихую, холодную, безветренную ночь.

Его охватило чувство вины. Все это время он чувствовал себя покинутым и потерянным, всеми забытым, и он забыл о Молли! Тег научил его заботиться о ней, кормить ее, ухаживать за волосами. Как успокоить ее, когда она испугалась. Они стали добрыми друзьями, и он знал, что должен был выпустить ее из сарая на случай, если там тоже загорится.

Уишис начал подниматься, но почувствовал острую боль в правом плече. Он так долго сидел неподвижно, чувствуя, как его охватывает холод, что вывихнутая рука заняла от резкого движения. Держа её ровно, он встал более осторожно, отбросив край одеяла, за которое так крепко держался во время своего огненного бдения.

Он осторожно пошевелил рукой. Пока он двигался медленно, все казалось нормальным. Значит, ничего не сломано. Ему просто нужно избегать лишнего напряжения.

Он закрыл глаза от окружавшей его темноты и глубоко вздохнул, затем сделал прерывистый вдох, стараясь не заплакать снова. Возможно... может, Молли ... он тоже был нужен.

Поэтому он обошел остатки хижины, стараясь не смотреть слишком пристально на то место, где могли погибнуть его тетя и дядя, и проскользнул через дверь сарая в стойло Молли, нащупывая дорогу в почти полной темноте ночи. Просто стоя рядом с ней, чувствуя тепло ее тела, он почувствовал себя лучше. Вскоре его успокаивающие слова для Молли подействовали на него точно так же. Он утратил то острое чувство ожидания и страха, которое не давало ему заснуть и смотреть на пламя, и начал чувствовать потребность только в отдыхе. Ящик с сеном, где он мог остаться с Молли, но не быть растоптанным ночью, казался идеальным местом.

На сене было тепло и уютно, и даже сейчас, утром, когда Молли подталкивала его локтем, ему не хотелось возвращаться в реальность. Слишком рано, чтобы при дневном свете разглядеть, что осталось от хижины. Слишком рано начинать думать о том, что он собирается делать сейчас. Он просто хотел полежать здесь минуту, забыть обо всем, что случилось, и просто подумать о Теге.

- О, Тег, почему ты не можешь вернуться прямо сейчас? Сегодня.... - он печально вздохнул.

- Это был долгий день, Тег,-пробормотал Уишис, медленно брел к пруду, опустив голову, его волосы свисали неопрятными клоками по обе стороны обугленного лица. Он шел на негнущихся ногах, измученных подъемами и спусками в город-каньон и обратно.

Солнце уже клонилось к западному гребню. Она весь день смотрела на него сверху вниз, не облегчая его бесконечных прогулок. Воздух в долине и даже в боковом каньоне был спокоен, сух и горяч, небо совершенно безоблачно.

Время для облегчения. Он хотел просто понежиться в пруду.

Он заметил Молли, лениво щиплющую траву на лугу, и понял, что принял правильное решение, просто отпустив ее. Он не мог взять ее с собой по тропе каньона и определенно не хотел покидать свой город каждый день, чтобы ухаживать за ней в амбаре.

Уишис также определенно решил не ехать в город. Он ни за что не свяжется со своими на востоке! Нет. Он останется здесь, где Тег будет его ждать.

- Помнишь, как мы пришли сюда, Тег?- сказал он, ступив на короткую траву вокруг берега. Он говорил вслух весь день. Чтобы он не чувствовал себя таким одиноким.

Он понимал, что ему это нужно. И его потребность весь день помнить, как они с Тегом были в его городе, делились сладкими поцелуями, от которых ему казалось, что они стали частью друг друга, или как они шли по тропе каньона, иногда останавливаясь, чтобы схватить Тега за руку и крепко прижать к себе, или здесь, у пруда, резвились и

Внезапно он почувствовал что-то, напряжение, напряжение во всем теле ... и так больно!!

Было больно, глубоко в груди, и он тоже это чувствовал ... вниз... там....

Уишис опустил глаза, затем потянулся к подолу своей поношенной и грязной ночной рубашки и начал медленно сминать ее, поднимая все выше, медленно, осторожно, чувствуя каждое движение мягкой шерстяной ткани, прижимающейся к кончику его затвердевшего маленького глазка.

- Тииигггг ... - выдохнул он, почувствовав, как воздух внезапно коснулся нижней стороны его стоящего члена и его голых яиц.

Он поднял ткань до самой веревки, которую обвязал вокруг талии. Его пенис торчал прямо из жемчужно-белой плоти промежности. Он смотрел, как она пульсирует в такт его сердцебиению, и чувствовал каждый пульс, проникающий глубоко в него. Он уставился широко раскрытыми глазами на свой инструмент, удивляясь его твердости и просто впитывая это мучительное ощущение ... боль... казалось, она сосредоточилась вокруг его глазка, его яиц и даже глубже, в самом животе.

Нет, это не боль, подумал он. Это было слишком Восхитительно, чтобы назвать болью. Но было больно! Вонзается ему в грудь!

- О Тег, я хочу, чтобы ты был здесь! Сейчас же! - Он застонал, внезапно сжимая в кулаке свое маленькое двухдюймовое древко.

Он вспомнил, как чудесно чувствовал себя с Тегом здесь, у пруда. Держала его так крепко. Успокоить его

Уишис отпустили хватку из его член и рванула руку вверх, как будто это было сожжено.

Он рассеянно посмотрел на свою руку, потом снова на маленький жесткий стержень, все еще вызывающе торчащий у него между ног. Смесь эмоций и воспоминаний пронеслась в его голове. Позор, который все навалили на него дома, когда он сказал родителям, что у него встает, когда Дядя Том целует его. Стыд, отказ ... но потом наступил тот чудесный момент, когда Тег прижал его к себе здесь, у пруда, и сказал, что он не сделал ничего плохого. Что так тяжело, когда любишь кого-то, правильно и хорошо! И это когда два мальчика ... мальчик и мужчина ...могли чувствовать это друг к другу, это было что-то действительно особенное.

Мальчик стоял неподвижно, глядя на свой пульсирующий член, но мысленно видел Тега.. Тег, каким он был в тот раз, когда так быстро обернулся, и Уишис увидел, что Тег тоже твердый, и его огромный, размером с человека, Пип повернулся, как бейсбольная бита, с которой они играли перед тем, как побежать к пруду.

- Ты тоже меня любишь, Тег!- Сказал Уишис вслух, все еще глядя на свою опухшую плоть. - Ты мне показал"

Уишис улыбнулся. Впервые за день ему стало хорошо. Весь страх перед пожаром, перед тетей и дядей ... о том, как выжить здесь в полном одиночестве ... весь страх исчез! Он снова поднес свою маленькую руку к пенису и погладил его легко, нежно, благоговейно - едва касаясь.

В одно мгновение он понял, что собирается делать, и его улыбка стала шире. Теперь он знает, как чувствовать присутствие Тега рядом с собой! Он почувствовал, как по телу пробежала волна возбуждения, предвкушения

Но сначала он должен привести себя в порядок! "Боги должны быть чистыми, Вы знаете!" Он вспомнил, как кричал об этом Тегу в первый раз, когда они пришли сюда, когда Тег заставил его почувствовать себя самым великим маленьким мальчиком на свете! И теперь он снова хотел быть чистым для Тега! Тогда возвращайся в башню его шамана.

Дрожащими пальцами он начал бороться с узлом, который удерживал веревку вокруг его талии. Он захихикал от возбуждения и неуклюжести, а потом громко захохотал, увидев, как его торчащий пенис колыхается вверх и вниз в такт его выходкам.

Бросив веревку на землю, он быстро накинул ночную рубашку на плечи и голову, наслаждаясь ощущением легкого ветерка на своем обнаженном теле.

Он наклонился, чтобы снять грубые мокасины, сделанные из кожаных лоскутов, найденных в сарае, и снова захихикал, чувствуя прохладу сзади, во влажной расщелине между ягодицами.

Никогда еще он не чувствовал себя таким созвучным своему телу! Он почувствовал напряжение в яйцах. Туго натянутая крайняя плоть над напряженной головкой члена.

Даже соски напряглись! Он не мог припомнить, чтобы когда-нибудь думал о своих сосках. Они были конечно ... там... но теперь он посмотрел вниз и увидел, что все они были твердыми и морщинистыми, с маленькими розоватыми шишечками ... жесткий, как его пи-пи!

Подняв обе руки, скрестив их, он слегка коснулся сосков и почувствовал восхитительное покалывание. Они почти потребовали, чтобы он нажал сильнее, но когда он это сделал, ему пришлось задохнуться от шока, который пробежал до самого его члена!

Его дыхание тоже стало прерывистым, как будто он отчаянно нуждался в воздухе, но не мог дышать достаточно глубоко.

- Не сейчас! - он упрекнул себя, вспомнив те же чувства, которые испытывал Тег - Потом! Когда я могу думать о Теге ...

Он представил себе большие соски Тега, окруженные гладкими шелковистыми волосами на широкой груди мужчины, и подумал, что почувствовал бы Тег, если бы он тоже коснулся их.

Тэглин отвернулся, спустил штаны, обнажив волосатую задницу, и только мельком увидел свои еще более волосатые, тяжелые яйца, свисающие между ног... Тег обернулся так быстро, что Уишис вскрикнул, потому что у него вырос член, когда он смотрел, как человек раздевается ... Тег стоял там с самым большим и длинным пипи, которого Уишис когда-либо видел или даже представлял ... Чувство страха и в то же время странное возбуждение ... Чувствуя, как Тег крепко прижимает его маленькое тельце к мужественному телу, чувствуя, как его маленький твердый член так крепко прижимается к животу Тега ... ощущение члена Тега, прижатого к ягодицам Уишиса и покоящегося в его ложбине....

Уишис прыгнул в холодную воду пруда и принялся лихорадочно оттирать грязь и сажу с тела. День клонится к вечеру, понял он, и у него больше нет времени стоять здесь и мечтать о Теге. Он должен очиститься. Он хотел почувствовать себя просто прекрасно.

Чистый и чистый для того, что он собирался сделать сегодня вечером.

Что он должен сделать сегодня вечером!

Он не знал, сможет ли пройти через все это, если не почувствует присутствия Тега сегодня вечером!

- Сегодня мы снова будем спать с тобой, Мистер, - сказал Роландо как ни в чем не бывало, пока я наблюдал, как он и его младший брат кладут свои вещи рядом с моими.

Они оба отошли на край поляны, чтобы облегчиться, а я начал расстилать одеяла. Мы поужинали, умылись, и я вымыл раны Деметрио из ведра теплой воды. Теперь стемнело, и настало время спать после еще одного дня, когда наши лошади были на пределе.

Хороший день, в который я сделал то, что сказал себе. Я обращался с Роландо как с мальчишкой. Разговаривать с ним, вовлекать его в готовку, уборку, уход за Метрио. Оба мальчика ответили мне тем же, очевидно чувствуя себя в безопасности со мной. Иногда Метрио даже слегка улыбался, хотя каждый раз морщился от боли в затвердевших от коросты губах.

Не поймите меня неправильно. В конце концов, они оба парни! Мне было тяжело полдня просто находиться рядом с ними. Слыша их голоса, украдкой поглядывая на невероятную красоту Роландо ... украдкой поглядывая на все подряд, как в тот раз, когда Метрио так открыто обнажил свой маленький пенис, чтобы помочиться на дерево! И мне становилось тяжело каждый раз, когда я вспоминала, что произошло прошлой ночью.

Однако сегодня все было по-другому. Я восхищался ими обоими и все еще хотел их обоих – я не могу находиться рядом с мальчиком и не хотеть его, – но теперь мы казались маленьким отрядом, после еще одного долгого дня вместе, более знакомыми друг с другом и давно сбросившими напряжение нашей странной встречи вчера.

Я бросил их седло и сумки рядом с костром, ожидая, что сегодня вечером Роландо присоединится к тесному кругу вокруг костра. Они с Деметрио могли бы свернуться калачиком и хорошенько выпастыся, не думая больше ни о долгах, ни о необходимости расплачиваться со мной. Я надеялась, что он принял тот факт, что я буду заботиться о них без всяких условий. Я не был Большим Джоном.

Теперь, когда он объявил, что они снова будут спать под моими одеялами, я был поражен. Мой пенис только сейчас начал размягчаться после купания Деметрио. Прикасаясь к нему, снова почти уткнувшись лицом в его ягодички, я любовно омывала каждый дюйм его тела, ласкала его детство, а его баллсак, просто заботясь о нем, доставлял мне долгие мгновения почти оргазмической радости. Я подумал, что после прошлой ночи купание Деметрио было самым близким к сексу из всех, что у нас троих было.

Теперь, напротив, они оба стояли передо мной с выражением сдерживаемого ликования, как будто знали что-то о ситуации, что я еще не понял.

- Роландо, я ... я ... я ... – запинаясь, пробормотал я, чувствуя себя глупо. Я сглотнула, пытаюсь подавить внезапный комок в горле, задаваясь вопросом, произойдет ли это снова Сегодня вечером. Желание-я никогда не смогу погасить свое желание к этим мальчикам! Но должен ли я был выдержать это ужасное искушение?! Желая остаться верным Уишису, но чтобы Роландо снова предложил себя мне! Отчаянно желая обнять его. Чувствовать его. И Деметрио! Почему он не может быть просто маленьким мальчиком на моем попечении?! Почему я все время думаю о его маленьком пенисе или о маленькой ложбинке между ягодичками, где я его так чисто вымыла, – о его идеальной, гладкой попке, которую я мог бы обхватить одной рукой!

- Роландо, т-ты не обязан

- Здесь слишком темно и холодно, Мистер, - прервал он меня, глядя в мои вопрошающие глаза со всем спокойствием и самообладанием, которые я видел в нем вчера. И еще кое-что. Он держал в узде то, что его забавляло, но я видел блеск в его глазах, как будто он разработал план, возможно, новый подход. Деметрио был не так сдержан. Он захихикал, потом поморщился и прижал руку к потрескавшейся губе.

- Что ... что происходит, ребята, - пробормотал я, вопросительно переводя взгляд с одного на другого.

- Мы боимся. Мы спим рядом с тобой, как прошлой ночью.

Это был не просьба. Просто заявление. Я знал, что он все это выдумал ... в глазах мальчика не было страха, и был еще ранний вечер, совсем не темный. При всем своем самообладании он не пытался играть роль. Просто стоял передо мной, обняв Деметрио за плечи, с едва скрываемой улыбкой. Понимающая улыбка.

Я посмотрел на Деметрио. Конечно, никакого страха. В нем не было ни капли коварства старшего брата. Он улыбался от уха до уха. Что бы это ни было, это был ужасно большая шутка.

Я подозревал, что меня ждет с этими двумя, но вид Деметрио, стоящего передо мной с таким ликованием, внезапно успокоил меня. Черт побери, пора еще раз напомнить себе: это были мальчишки! Этот Роландо мог быть самой совершенной красавицей на свете, он мог быть олицетворением всех богов любви, в облике мальчика, со всеми навыками и хитростями Бога, но он не был Уиши! Я могу это сделать! Я мог крепко прижать к себе это божество и все же не предать свою любовь!

"Сделай все, что в твоих силах", - подумал я, оглядываясь на Роландо и улыбаясь.

Я потянулся к мальчикам, и обернул свои руки вокруг их талии, и потянул их обоих вниз, на меня, смеясь. Они упали на колени, прижавшись к моей груди, и я крепко сжал их, а затем поцеловал в макушки, громко чмокнув каждого из них. Прижимаясь губами к их головам, я громко обнюхивал их волосы, наверное, как корчащаяся свинья, и заставлял их извиваться еще сильнее. Есть что-то очень интимное в том, чтобы вот так, даже игриво, уткнуться носом в волосы мальчика, и я снова почувствовал, как по моим чреслам потекли соки.

- Боишься, да? - я рассмеялся, полностью освободившись от своих собственных страхов, просто наслаждаясь ощущением моего снова твердеющего члена, ощущая, как они извиваются вокруг него. Я начал щекотать их обоих. Мне это понравится, и я буду обращаться с Роландо, как с мальчишкой, и заставлю его понять это, что бы он ни скрывал.

Деметрио смеялся и тщетно извивался, но Роландо вырвался из моих рук и опустился на колени. Он все еще держал себя в руках, этот малыш, но теперь удивленно поднял брови и улыбнулся чуть шире и откровеннее. Его грудь быстро поднималась и опускалась, когда он задыхался от нашей небольшой борьбы, заставляя длинные волосы, свисающие на его плечи, взъерошиться, как живой каскад. Я почти протянул руку, чтобы коснуться его слегка приоткрытых, полных красных губ, желая почувствовать их бесконечную мягкость, но его блестящие, темные, опущенные глаза, лукаво смотревшие на меня, сказали мне, что лучше не поддаваться поклонению его существу.

- О, Деметрио очень боится темноты, Мистер, - продолжал он свою маленькую шараду. - И он хочет, чтобы я тоже был здесь, чтобы мы все были в безопасности вместе, - сказал он, но блеск в его глазах сказал мне, что он знал, что я знаю. - Расстелите одеяла, Мистер."

- О, ладно, - подыграла я, уже не испытывая отвращения к тому, что всю ночь рядом со мной двое мальчишек. Даже если Роландо имел в виду только теплое одеяло, в чем я сильно сомневался, меня это устраивало.

Грациозно поднявшись на ноги, даже не касаясь руками земли, Роландо внезапно навис надо мной. Как мальчик, всего 12 лет, худой и хрупкого телосложения, "нависает" над кем-либо? Зависит от того, перед кем он стоит. Он шагнул ко мне. В моих глазах он был мальчиком! Плоть под платьем его девушки излучала жар его отрочества, и от всего, что делало его мальчиком – не только его пенис и его животворящие яички, но и все существо мальчика, ради которого я жила. Даже в этот момент игривости я боготворил землю, на которой стоял этот мальчик.

Его младший брат, миниатюрная версия мальчика, воспользовался моим мгновенным провалом в осознании чего-либо, кроме Роландо, придвинувшегося ближе ко мне, и рассмеялся, высвобождаясь из моих рассеянно хватающих рук. Он тоже не ушел далеко, но, следуя примеру Роландо, повернулся и встал справа от меня, ближе, чем было необходимо.

Ах, но необходимые для чего? Мой пульс участился. Лениво, даже не глядя вниз, я потянулся за одеялами, чтобы расстелить их, как было велено.

Мой взгляд блуждал от одного мальчика к другому, не более чем в футе от моей коленопреклоненной фигуры.

- Э-э, мальчики? - Я вздрогнул и снова сглотнул. "Возможно. ..."

- Мы раздеваемся, - невозмутимо ответил Роландо, самодовольно глядя на меня сверху вниз. Волосы ниспадали каскадом, почти скрывая движения рук, когда он начал задира́ть платье.

- Мама всегда говорит, что, чтобы согреться, надо держать нас поближе друг к другу. Ты тоже раздевайтесь, Мистер, и прижмите нас к себе. *Denuda*, Метрио, - тихо рявкнул он брату.

Теперь я не знал, куда смотреть. Роландо медленно, дразняще подтягивал подол его платья, а Деметрио вдруг принялся теревить завязки штанов.

-Это действительно круто-снимать кальсоны,-сказала я без особого энтузиазма.

- Мама говорит, что нам нужно прикоснуться друг к другу. Ты согреваешь и защищаешь нас, мы согреваем и тебя.

Мои глаза были на уровне промежности Роландо, так что он знал, что может заманить меня в свою маленькую ловушку, потому что видел, что я не смотрю вверх, когда он говорит, а скорее отслеживаю каждое медленное движение его подола.

"Может ли быть где-нибудь более совершенная плоть мальчика?" - подумал я. Его стройные, гладкие икры поднимались небесными скульптурными изгибами к маленьким коленным чашечкам,

не такие костлявые и угловатые, как можно было ожидать от кого-то столь молодого и худого, но просто плавно сливались под его коричневой кожей, а затем давали начало скрытой силе тех бедер, которые так сильно сжимали меня прошлой ночью, поднимаясь и расширяясь чуть ниже его бедер и к его лобку.

В этот момент я потеряла фокус на идеальной, мальчишеской фигуре Роландо, когда в поле зрения появился кончик его наполовину твердого пениса, свисающий вниз прямо перед его болтающимися яйцами. Маленькая капелька золотистого нектара застряла в складке крайней плоти! Маленькая капелька его мочи, которая задержалась для меня, отказываясь падать, когда он подошел ко мне, прячась от ткани своего платья! Его маленький безволосый петушок был достаточно коротким, чтобы, когда он был мягким, его кончик даже не касался его платья, когда он шел.

Почти непроизвольно я поднял левую руку и одним быстрым, естественным, плавным движением поднес кончик указательного пальца к кончику его маленького члена – так близко, но едва касаясь самого дорогого куска плоти, который я держал во рту менее 24 часов назад. Я слегка надавил, едва ощущая шелковистую гладкость уздечки, и капля скользнула на подушечку моего пальца.

Зачарованный, я поднес его к губам и попробовал. Интересно, думал ли он в тот момент о том же, о чем и я, что я имею полное право принимать эту жидкость из его тела? Я, который лежал перед ним прошлой ночью и позволял ему снова и снова совать свой затвердевший член мне в рот. Да! Это был та плата, которую я возьму. Часть его так свободно предлагалась и так свободно принималась – не намеренно, как в его ошибочных попытках прошлой ночью сделать мне одолжение за спасение его младшего брата.

Я смаковал соленый острый запах его мочи. Мальчик! Сегодня вечером я приму участие в этом мальчишке, этих мальчишках. Я не знал подробностей их плана, но знал, что задумали Роландо и Деметрио. То, что они предложили сегодня вечером, я возьму. Абсолютно зная, что было в моем сердце и моем уме, что я останусь верным своим желаниям. Подготовка к Уишис возможно! Посвящение! Обряд посвящения, который я должен принять, чтобы стать тем человеком, в котором нуждался и которого хотел Уишис.

Мои мысли лихорадочно метались, страсть нарастала. Я вздрогнула, но не от холода, а от предвкушения. Роландо тихонько хихикнул - то ли от удивления, что я попробовал его мочу, то ли от осознания того, что он снова со мной делает. Я не возражал. Он мог смеяться. Он мог упиваться своей властью надо мной. Я, конечно, сделал!

Две колонны его бедер были немного больше, мощнее, чем у Уишиса, но с той же упругой, плавно очерченной нежностью, поднимаясь к той самой соблазнительной части мальчишка, где его ноги встречаются с телом, образуя маленький атласный, мягкий треугольник плоти вокруг его детства. И член и яйца Роландо были больше и тяжелее, чем у моего Уишу. Яички Роландо опустились ниже. Я мог сказать, что он был на грани половой зрелости. Мошонка Уишиса, казалось, пряталась за его пенисом, в то время как мошонка Роландо был вытянута низко, и его маленькие шарики внутри начинали смело свисать, становясь тяжелыми от его семени, один немного ниже другого.

Оба мальчишка стояли так близко, что я чувствовал тепло их тел в Тихом, приятно прохладном вечернем воздухе. Пьянящий запах мужской промежности, смесь собственного пота мальчишка и слабейшего следа их мочи, перебродившей в тесноте их одежды, теперь вырвался на свободу и опьянил меня.

Роландо продолжал стягивать через голову платье, а я сбросил одеяло, с которым бессознательно возился, обхватил руками ноги обоих мальчишек и притянул их еще ближе, желая утонуть в их волшебных запахах.

Я осторожно потянул, и Роландо едва согнулся в коленях, его член и яйца болтались прямо над моим запрокинутым лицом. Деметрио был намного легче и хрупкого телосложения. Моя хватка вывела его из равновесия, и ему пришлось наклониться ко мне. Я почувствовал, как его руки обхватили мою голову и правое плечо, а горячая, податливая плоть его маленького пениса прижалась к моей щеке.

В своей одержимости Роландо я не заметил, что Деметрио полностью разделся, и совершенно очевидно, что он толкал свой маленький инструмент! Он проткнул меня им. Моя грубая, бритая, но щетинистая щетина, должно быть, вонзилась ему в спину, потому что он вскрикнул от шока и инстинктивно попытался отдернуть живот. Он сказал что-то по-испански своим милым мальчишеским голосом, в котором слышались удивление и восторженное хихиканье. Роландо перевел.

- Метрио говорит, что ты всегда пробуешь мой член на вкус, но его только щекочешь.

Для меня этого приглашения было достаточно! Я повернулся к шестилетнему малышу и увидел, что его пенис длиной в полтора дюйма смотрит одним глазом прямо мне в рот. Я мыла его уже дважды и мечтала о запретном удовольствии заниматься любовью с таким маленьким мальчиком. Мечта, которую больше нельзя отрицать.

Я почувствовал волну в моем собственном члене, напряжение в чреслах. Боже! Я мог бы кончить, просто прикоснувшись к этому маленькому мальчику – зная, что я не собираюсь просто мыть его, но я собираюсь изнасиловать его, и он будет наслаждаться каждой минутой этого.

Я повернулась к Роландо, быстро поцеловала его колени и обнял на прощание, крепко прижав его ноги к своей щеке, как бы говоря ему: "стой здесь, я сейчас вернусь!" Затем я убрал руку с его ног и полностью повернулся к Метрио.

Наслаждаясь предвкушением всего лишь мгновение, чувствуя волну желания, пробежавшую по всему моему телу, я почти бросился на маленького мальчика, схватив его не только руками, но и всем телом, практически заключив его в свою плоть.

Мои руки блуждали по его спине, прижимаясь к его телу, обводя его лопатки, обхватывая ягодицы, лаская его бедра – все это время прижимая его ко мне. Я так же свободно бродил лицом, терзая его плоть, как свинья, ищущая желуди в земле, дыша гортанно, покрывая его грудь, живот, бедра поцелуями и хлюпаньем.

Это был тот самый мальчик, которого я с любовью, старательно мыл, омывал каждый дюйм его тела, прикасался к нему везде, но так по-отечески! Теперь я поддался другому инстинкту. Не более низкий инстинкт, потому что я был полна такого же желания угодить ему и заботиться о нем, как и раньше.

Я действительно был похож на животное, но, к счастью, моя самозабвенность не шокировала и не испугала мальчика. Я слышал, как он и Роландо хихикали над моими выходками. Вероятно, им было так приятно, что я так охотно подыгрывал их планам.

Когда Деметрио напрягся, его головка едва выглядывала из-за туго натянутой крайней плоти. На кончике блестящей, красноватой, нежной головки виднелась крошечная щелочка. Головка члена Деметрио была полностью скрыта даже сейчас, когда его дорогой маленький член встал, гордый своей длиной в полтора дюйма. Добрая четверть дюйма его крайней плоти сморщилась, плотно сомкнувшись за головкой, тщательно оберегая девственное сокровище внутри. Это было еще более прекрасное зрелище, потому что выпуклость его головки под ножнами была четко очерчена. Я мог видеть, что его шлем в форме головки был длинным и выраженным. Оно было темного, почти голубоватого оттенка, несмотря на крайнюю плоть.

Нежно обхватив руками его ягодицы, я притянул его к себе. Теперь более спокойно, полностью сосредоточившись на этом особом призе, я высунул язык и начала обводить горячие влажные линии вокруг его стебля, скользя из стороны в сторону, сверху вниз. Я услышал свое мяуканье, наслаждаясь его вкусом, практически кончая от желания попробовать его маленький член.

Метрио был таким крошечным, что мое лицо было почти таким же широким, как его бедра! Я собиралась пососать куколку и, надеюсь, обнаружила, что даже в шесть лет могу довести его до оргазма.

Было очевидно, что он почувствовал что-то настолько приятное, что захотел большего, потому что он начал крутить бедрами, пытаясь предугадать направление моего блуждающего языка и губ. Он

продолжал колотить меня и сам начинал мяукать каждый раз, когда прижимал головку члена к моей щеке или губам.

Я поддержал его, крепче ухватив за задницу, открыл рот и втянул его в себя, а затем удерживал его там, пока мой язык исследовал его член. На кулаке я лизал и облизывал, как в тумане, нащупывая контуры его головки, чувствуя гребень уретрального канала, позволяя его обвисшей крайней плоти легко лежать на моем языке. Я вздрогнул, удивляясь, что он был миниатюрной версией Уишиса, и даже моего собственного гораздо более массивного пениса. Такой твердый, но с бесконечной мягкостью маленького мальчика!

Я отодвинулся, очень нежно сжал зубами свисавшую крайнюю плоть и потянул, растягивая ее, пока его член не оказался у меня во рту. Он взвизгнул и что-то крикнул. Я испугался, что причинил ему боль, и почувствовал, как в животе у меня все оборвалось.

-Он говорит, что ему это нравится!

Роландо спас меня. Я немного повернулся, посмотрел вверх, все еще сжимая крайнюю плоть Деметрио, и благодарно кивнул.

Роландо величественно стоял рядом с нами, такой высокий по сравнению со своим младшим братом, возвышаясь над моей коленапоклоненной фигурой. Одной рукой он держал хиспа, другой поглаживал свою эрекцию. Он был такой красивый, с ноги все, вплоть до того, что длинный, блестящий каскад его шелковистые волосы. Я снова почувствовал, как мой член напрягся, прекрасно зная, что через несколько мгновений я собираюсь исследовать и мальчишеское совершенство Роландо.

Но сейчас я вернулся к обслуживанию моего маленького Деметрио. Теперь я успокоилась и больше не стремилась утолить свой вкус к мальчишеской плоти.

Теперь мне захотелось порадовать маленькую кучку. Я вспомнила, как он стоял прошлой ночью, качая свой маленький инструмент, пока Роландо трахал меня. Теперь настала очередь Метрио!

Уишису понравилось, когда я занялась его маленьким членом и начала ритмично сосать и качаться вверх и вниз по его члену, сжимая губы и язык вокруг него. Вот что я начал делать для Метрио. Внутрь и наружу, внутрь и наружу, внутрь и наружу.

Я светилась изнутри, удивляясь крошечности мальчика в моих руках.

При каждом толчке моя голова падала ему на живот. Я почувствовал мягкое тепло его живота на своем лбу. Мой маленький любовник и я оба входили в ритм, когда я почувствовал, как чья-то рука пытается схватить мою правую руку, где я деловито мяла задницу Деметрио. Я решил, что, возможно, стал слишком груб для него, и он хотел, чтобы я расслабился. Еще одна маленькая перемена в моем желудке-из всех вещей, которые я не хотела причинять боль этому маленькому мальчику, тому самому мальчику, которого я спасла от жестокого обращения Большого Джона.

И снова на помощь пришел Роландо. Его рука лежала на моей. Не сбиваясь с ритма, нажимая на петушок Деметрио, я перевел взгляд с лобка мальчика, чтобы попытаться вопросительно оглядеться.

- Я покажу тебе, что любит Метрио, - сказал Роландо, опускаясь на колени позади младшего брата. В его голосе слышалось раздражение, теперь уже страстное, как будто Роландо тоже был охвачен лихорадкой наших действий и ожидал чего-то особенного. Мое сердце забилося быстрее. Я вдруг почувствовал, как Роландо поднял мой средний палец, а затем ощутил восхитительное тепло его губ, сомкнувшихся вокруг него, и влажное тепло его рта! Он всосал мой палец точно так же, как я-Деметрио. Он смачивал мой палец, явно облизывая все вокруг языком, оставляя на нем как можно больше слюны!

Он отпустил меня, и я почувствовал, как он направил мой палец прямо к заднице Деметрио! В его маленькую щелочку, которую Роландо раздвинул другой рукой, прямо к его крошечному анусу!. О Боже! Я чуть не упал в обморок, когда Роландо умело приложил подушечку моего пальца к анусу его младшего брата и толкнул его. Должно быть, я запнулся и сбился с ритма.

- Продолжайте сосать, мистер!- Скомандовал Роландо. -Ему это нравится, и это тоже. Теперь ты позволяешь ему привыкнуть к тому, что твой палец внутри него, затем ты толкаешь глубже. Он любит это всегда.

Я не мог поверить своим ушам! Но я верил в то, что чувствовал. Деметрио, очевидно, не был девственником, но я определенно был девственен, и теперь впервые в жизни я почувствовал, как анальное кольцо маленького мальчика сжимается вокруг моего пальца. Это было так же увлекательно для меня, как и прошлой ночью, когда Роландо опустил свою задницу на мой член.

Инстинктивно, оказавшись внутри него, я держал палец неподвижно, зная, что если быстро или слишком сильно надавить на него, это наверняка причинит ему боль. Так же, как прошлой ночью, когда я чуть не закричал, умоляя Роландо позволить мне войти в него глубже, но он держал меня там, казалось, целую вечность. Так что я собрался с духом, чувствуя жар плоти Деметрио вокруг кончика моего пальца.

Такая мягкая, но в то же время твердая и сильная. Физическая противоположность пениса, понял я, но в то же время мягкая и твердая одновременно.

Я возобновил свои манипуляции с пенисом Деметрио, и теперь, засунув палец ему в задний проход, у меня хватило здравого смысла любовника, чтобы обхватить его другой рукой и начать нежно массировать коленями его маленькие яйца. Они были такими крошечными, что почти волшебным образом ускользали от моего прикосновения – я, конечно, не хотела использовать силу, чтобы схватить их, поэтому довольствовалась тем, что катала его шелковисто-мягкую мошонку между пальцами, тянула и мяла. Затем я позволил среднему пальцу этой руки скользнуть по его промежности, пока он не встретился с моим другим пальцем, застрявшим между его ягодицами! Я держал этого маленького мальчика спереди и сзади, а между ними, позволяя ему упасть вперед в мой рот, обхватив его маленькую промежность своей левой рукой, поддерживая его, и погружаясь в него сзади!

- Теперь глубже, - настаивал Роландо. Так что я начала незаметными движениями пальца, позволяя естественной смазке Деметрио внутри его спины начать разглаживать мой путь. Очень осторожно я начал толкать. Возможно, несогласованно, но я снова потерял ритм сосания и остановился на его члене, сосредоточившись на пальце в его прямой кишке. Там было восхитительно жарко и влажно! Шелковые стенки его прямой кишки прижались к моему пальцу.

Я почувствовал, как он напрягся, все его тело напряглось, все еще прижимаясь ко мне. У меня хватило здравого смысла продолжать лизать его, поддерживая чудесные ощущения на его члене, в то время как я исследовал глубже в его тело. Теперь он дышал короткими вздохами. Мне стало интересно, больно ему или он испытывает удовольствие.

- Entry mas!- мне показалось, что Деметрио произнес это тихо, но напряженно.

-Иди глубже! – сказал Роландо.

Так что я успокоился. Деметрио хотел, чтобы я вошёл в него! Эти слова были как по волшебству! Как будто они дали мне возможность и право доставить ему удовольствие. И как будто они волшебным образом превратили меня в машину удовольствия. Внезапно я восстановил свой ритм и начал сосать и любить его маленький член, и в то же время я начал ритмично толкаться в его прямую кишку, позволяя скользкости взять верх и втягивать меня все глубже и глубже.

Воздух наполнился запахами плоти Деметрио. Этот мускусный, щекочущий нервы запах, идущий из его норы-совсем не фекальный запах, просто такой личный для него, и принесенный мной!

Он также был теперь наполняя воздух с его похрюкивайте от удовольствия. Каждый его вздох был слышен короткий крик того, что должно быть мучительным удовольствием! То же самое, что я чувствовал прошлой ночью, когда Роландо дразнил мой член своим опытным анальным давлением. Я не знал, что было источником наслаждения Деметрио, было ли оно сосредоточено на его пенисе, или глубоко внутри, где мой палец теперь погружался во вторую костяшку в его отверстие. Теперь я трахал пальцем этого шестилетнего ребенка, и его ворчание подтверждало удовольствие, которое я ему доставлял.

Я знал, что он действительно собирается кончить, этот маленький шестилетний ребенок собирался кончить! Я понял это, когда почувствовал, как его руки снова обхватили меня, теперь крепче. Он обхватил меня правой рукой за шею, схватил за волосы и крепко их дернул. Его левая рука вплелась в ткань моих кальсон на плече, и я представил, как он может разорвать ее.

Входя и выходя, я продолжал, и спереди, и сзади, чувствуя его жар внутри меня, и на мне, и чувствуя, как каждый его мускул начинает напрягаться и дергаться в тот бесконтрольный, электрический момент экстаза, когда он кончил. Он закричал в неподвижный вечерний воздух, и если бы кто-нибудь нас услышал, то, наверное, подумал бы, что убивают маленького мальчика. Я знал, что это не так, и был так счастлив за него и за себя. Он погрузился в мой рот так сильно, как только могло его маленькое шестилетнее тело, а затем рикошетом вернулся на мой погружающийся палец, снова и снова. Я позволил ему сделать это, пока не почувствовал, как он навалился на меня. Я качнулся на пятках и потянул его обмякшее тело за собой, позволяя его члену соскользнуть с моих влажных губ, позволяя его телу соскользнуть вниз, заставляя мой палец покинуть его анус, когда он остановился, положив голову мне на грудь.

Я поднес палец к носу и глубоко вдохнул наш трах. Интересно, есть ли еще такой чудесный, такой интимный запах? Может быть, было бы лучше, если бы я вложил в него свое семя и наши телесные соки смешались. Я сунула палец в рот и втянул в себя существо Деметрио.

Меня передернуло. Все мое тело сотрясало от восхитительного удовольствия держать этого маленького мальчика так близко ко мне, зная, что я трахнула его пальцем, и ему это понравилось.

«Дорогой Уишис, так и должно быть»

Роландо прервал мои размышления.

- Теперь вы меня понимаете, Мистер. Я тоже этого хочу.

Я быстро открыл глаза и буквально задохнулся. Одна мысль о том, чтобы любить Роландо, как я только что любил его младшего брата, сводила меня с ума. Что бы я отдал, чтобы иметь возможность проникнуть в тыл Роландо своими исследующими пальцами!

- Что. .. что ты имеешь в виду, Роландо? - заикаясь, спросила я, чувствуя, как возвращается давление, желание, которое я испытывал к этому мальчику, против моей решимости оставаться верным желаниям. Я не мог, я не хотел трахать Роландо своим членом, но я не колеблясь сделал бы это, как Деметрио, если бы он позволил мне.

- Ты только что трахнул Метрио пальцем, Мистер, теперь ты трахаешь меня! Мы подготовим тебя для меня. На этот раз будь тверд, Мистер. И на этот раз я облегчаю тебе задачу.

- Итак, Роландо, мы прошли через это- Я ... - начал было я, подумав, что он имеет в виду нечто большее, чем мой палец у него сзади, но осекся на полуслове, увидев, что он держит в руках. Пока мы с Деметрио переживали оргазм маленького мальчика, Роландо был явно занят. Он вытащил фаллос! Деревянный фаллос, больше, чем жизнь, длиннее, чем жизнь, но вырезанный с таким совершенством, что казался действительно живым, блестящим от смазочного крема, которым Роландо смазывал его, держа перед голодными глазами.

Что-то сжало мое сердце. Я вспомнил, как видел огромный фаллос, торчащий из задницы Роландо на ранчо Большого Джона. Тогда я гадал, был ли это какая-то жестокая пытка, или Роландо наслаждался ею внутри себя. Я вспомнил взгляд Роландо, когда он смело поднял фаллос и положил его в седельные сумки. Я вспомнил, как проник в него своим членом, до самого члена, так сильно желая погрузиться глубже, но гадая и боясь, что это сделает с мальчиком. Теперь он этого хотел ... что?! Вместо моего пальца он хотел, чтобы я погрузила в него этот фаллос?

То, как он смотрел на это, говорило мне об этом. Он любовно провел кремом по твердой деревянной поверхности. Этот фаллос был для Роландо чем угодно, только не орудием пытки. У него был напряженный взгляд страсти и напряженное ожидание – предвкушение чего-то столь необычайно прекрасного и приятного, что его почти можно бояться.

Что-то, без чего нельзя жить, но что-то, что поглощает, что берет контроль

Я читал об опиумных притонах Китая, о мужчинах и женщинах, предавшихся этому наркотику, позволив ему овладеть собой. Глядя на Роландо, я чувствовал, что понимаю его одержимость. И все же, было ли это чем-то, чего следовало бояться, или чем-то совершенно хорошим по сравнению со злом одержимости наркотиком?

Я начала понимать, что имел в виду Роландо, когда сказал, что его нужно трахнуть!

Глядя в глаза Роландо, когда он расточал свою заботу об этом деревянном фаллосе - не более чем бледная замена настоящему фаллосу мужчины. Я чувствовал, что это будет означать для Уишиса, когда мы наконец займемся любовью, как это должен делать мальчик и его мужчина!

- Расстелите одеяла, пожалуйста. - Роландо сказал это так тихо, так жалобно, что я почувствовал его потребность. Этот мальчик страдал внутри, его потребность была так велика. Не отрывая глаз от фаллоса, он закрыл баночку с кремом.

Я поцеловал уснувшего Деметрио в лоб, осторожно приподнял его, положил рядом со мной на одеяло и поспешил расстелить его.

Костер немного погас, но теперь, в сгущающейся темноте, фигура Роландо была освещена мерцающим желтым светом. Его глаза все еще были прикованы к фаллосу, который он почти благоговейно держал перед собой обеими руками. Он стоял на коленях, откинувшись на пятки, его тело торчало прямо над бедрами. Он взял свои волосы и перебросил их через плечо подальше от меня. Его красота была невероятной, в каждой детали, в каждом изгибе, в каждой линии его тела, от округлых ягодиц, лежащих на пятках, до естественного изгиба спины.; его упругая грудь, наполовину скрытая волосами. Его прямой, эрегированный пенис, торчащий под углом 45 градусов от его промежности.

Я почувствовал, что стал свидетелем какой-то почтительной церемонии, что сегодня вечером меня посвящают в тайны удивительной силы. Этот двенадцатилетний мальчик собирался учить меня. Он не знал этого, но он собирался научить меня, как заниматься любовью с Уишисом.

Вдруг Роландо повернул ко мне голову и улыбнулся так нежно, так сладко, протягивая мне фаллос. - Возьмите, Мистер, мне нужна ваша помощь.

- Я. .. Я сделаю ... все, что смогу, Роландо. Но....

- Я лягу, ты положи его в меня. Хорошо?

Он произнес это так кротко, так жалобно, так умоляюще, что я снова почувствовал его потребность. Это поразило меня, глубоко внутри. Я отказал ему прошлой ночью, и он плакал, когда я отказал ему в собственном члене.. Теперь он боялся, что я снова откажу ему. И все же он так нуждался в этом.

- Да, милый ,я вставлю... в тебя.

- Хороший. - Я слышал его облегчение. Значит, их маленькая интрига, заставить меня заняться с ними сексом, привела к этому. Я все еще подозревал, что он снова попросит меня трахнуть его, и я просто не мог больше причинять ему боль. Я молился, чтобы этот фальшивый фаллос сделал то, чего я не мог.

Он лег на бок, лицом ко мне и спящему Деметрио. Затем он подтянул свои ноги вверх, в позе эмбриона, держа их за коленями, подтягивая свое туловище ко мне, открывая мне свой зад, вызывая сморщенную дыру между ягодицами. На фоне медно-красной кожи бедер и между щек его дыра казалась таинственной и темной. И использованный. Какой угодно, только не девственный, как у Деметрио. Такая маленькая, спрятанная в самом сокровенном месте, но не идеально гладкая и тугая дырочка нелюбимого мальчика, а немного сморщенная, словно готовая к тому, что в нее войдет его мужчина. Не ранен, не оскорблен, не истекает кровью и не ранен – просто используется. Готовый. Ожидание. Нуждающийся.

Я осторожно держал инструмент. Он был смазан и скользкий по всей длине, так что Роландо намеревался вдавить ее в себя гораздо сильнее, чем просто кончик.

- Положите его туда, - приказал он мне. Он больше не говорил ни повелительным тоном, каким разговаривал с Деметрио, ни настойчиво, как прошлой ночью. Теперь он почти умолял меня. У меня было то, чего он очень хотел. Он мог бы взять его у меня и трахнуть себя, но он очень явно хотел, чтобы я это сделал.

Я склонился над ним, и он, широко раскрыв глаза, смотрел, как я подношу к его отверстию вырезанную из дерева головку члена.

- Нет, не так, - сказал он. - Кривая должен идти в другую сторону. Так он коснется моего особого места.

- Ваш... особое место ...- Тупо пробормотала я, понятия не имея, о чем он говорит, но желая знать. Я повернул древко так, чтобы оно вошло в него, как если бы человек, к которому оно было прикреплено, смотрел на него.

- Когда он касается этого места, он чувствует ... Ой, я не знаю, как это сказать- Нетерпеливо бросился он. - Положи его, пожалуйста!"

Если бы он так держал свои ноги, я бы с радостью бросил фаллос и зарылась лицом прямо в центр этой великолепной мальчишеской плоти. Трехдюймовый член Роландо затвердел и напрягся, освобождаясь от крайней плоти. Все, кроме гребня его сливового цвета головки, было видно. Я видел, как туго натянулась кожа у его уздечки, где крайняя плоть соединялась с кожей его члена. Его член лежал на лобке, указывая прямо на лицо. Его болтающиеся яйца свисали к одеялу, мошонка был темнее кожи бедер.

Я представил, как просто лежу там и облизываю и посасываю от его ануса до его члена.

- Пожалуйста, посадите его!- он снова взмолился, возвращая меня к реальности.

Клянусь, его анус подмигнул мне! Я видел, что он сжимает и разжимает свой сфинктер, сознательно или инстинктивно готовясь к проникновению, я не знал.

Темно-коричневая, выпуклая головка фаллоса был намного больше, чем его опытная дырочка, поэтому я нерешительно прижал ее к нему и слишком мягко начал устанавливать.

- Ну вот! Тужься!- потребовал он, произнося это своим сладким, мальчишеским голоском. Тем более, что этого хотел мальчик. Он грубо схватился за свою эрекцию, казалось, неосознанно, и, казалось, держался изо всех сил, не качая ее, а просто подтягиваясь вверх и сильно сжимая.

Я толкнул сильнее, и внезапно вся головка деревянного члена, казалось, просто скользнула внутрь, как будто ее сосали. Анус Роландо чудесным образом растянулся вокруг него, и мальчик ахнул. Я услышал, как его дыхание стало прерывистым, потом он вздохнул, снимая напряжение.

- Да!- он плакал. Я подняла глаза и увидел, что его лицо расслаблено и почти блаженно, на губах играет нежнейшая, сладчайшая улыбка. Маленький анус этого мальчика только что растянулся от его тугого члена, чтобы принять то, что было легко 4 или 5" окружность головки члена, и он лежал там в очевидном экстазе!

- Наконец-то! Сейчас... толкни его медленно ... очень медленно, Мистер. Не... уберите его ... как... ты ... прошлой ночью!

Я подчинился, не сводя глаз с медленно исчезающей шахты и расширяющегося кольца мышц, которое тоже тянули внутрь, вокруг шахты. Переместив руки, я нечаянно позволила фаллосу соскользнуть на долю дюйма, и Роландо снова ахнул, но совершенно очевидно от удовольствия. Поэтому я начал делать это специально, чтобы изменить внутреннее движение.

- Это хорошо, мистер. Ты быстро учишься ... а теперь иди сюда ... Пожалуйста, поддержите меня ... Я покажу тебе как ... Я хочу, чтобы меня трахнули!

- Отпустить его ... член?- Спросил я.

- Да. Ты идешь ... держать меня. Поднять меня.

Я быстро переместилась на одеяло, нерешительно отпустив фаллос, чтобы он сам по себе торчал из его тела. Я опустился на колени позади него, а он перевернулся на спину. Он приподнялся на локтях, и я подвинулся под ним, осторожно собирая его струящиеся волосы. Я осторожно опустил его на наклонной поверхности моих бедер.

Он вытащил его ноги снова и сказал, - Теперь ты должны держать мои ноги сюда, и я покажу тебе. Вот как надо трахать мальчика.!

Фаллос дико завертелся в воздухе, непристойно торча из прямой кишки, когда я заменил его руки своими, под коленями, отталкивая его задницу от одеяла, чтобы он мог легко схватиться за ствол своего воображаемого ебара.

Я взглянул в его прекрасные, формы маленького мальчика, от его головы к его разведённым коленям, в промежутке между которыми теперь свободно стоящий фаллос, гордо выделялся из его попки. Теперь в нем было по меньшей мере четыре дюйма ствола. Он дрожал и дергался в воздухе, сливаясь с телом, которое его окружало.

- Просто... держать меня...- прошептал он, протягивая руки и сжимая фаллос своими маленькими кулачками.

Я держал его, зная, что должен широко раздвинуть его ноги, когда он начал втягивать древко глубже в кишечник еще на дюйм. Он громко и протяжно застонал, и я увидел, как судорожно напряглись мышцы его живота.

Он потянул в другую сторону, и член медленно отодвинулся, пока в нем не осталась только голова. Древко было скользким от соков его тела, и запах начал заполнять воздух. Я глубоко вдохнул, наслаждаясь запахом. Не останавливаясь ни на мгновение, казалось, нуждаясь в том, чтобы фаллос немедленно вернулся глубоко внутри него, Роландо вонзил его снова. На этот раз он двигался быстрее и осторожнее, чем я.

- О, ты не знаете ... каково это ... настолько хороший... иметь мужчину ... внутри вас. .. = он продолжал инструктировать меня, пытаюсь сосредоточиться между толчками.

Входя и выходя, он начинал ритм, прерываемый влажными сосущими звуками, исходящими из его отверстия, при каждом изменении направления.

- Когда он касается меня ... Ну вот! - он застонал и снова напрягся - я никогда не ... хочу, чтобы он ... оставлял меня!

Волшебное место появлялось, когда головка пениса находилась в паре или трех дюймах от него. Я помнил, как заходил так глубоко, или чуть меньше, когда трахал пальцами Деметрио, но я не чувствовал ничего, кроме мягких, мягких сторон пустоты внутри маленького мальчика.

Каким бы ни было это особое место, до меня дошло, что Роландо собирается кончить, даже не коснувшись его члена! Этот забытый член покачивался из стороны в сторону на его лобке.

- Мне нравится, когда ... мой мужчина. .. начинай трахать ... меня тяжелее и более глубоко. Он действительно увеличивал темп. Я попытался представить себе гигантского Большого Джона, лежащего сверху на этом маленьком мальчике, погружающего свой огромный член в маленькое тело. Все это время Роландо умолял о большем. Внутри и наружу, глубже, сильнее, дважды в день наполняя его, утром и ночью! Пока это не стало тем, ради чего Роландо жил. До тех пор, пока удовольствие и чувство, что его любят, в нем нуждаются и им владеют, не стали для него важнее всего.

Наблюдая за тем, как Роландо трахает себя безжизненным деревянным фаллосом, я раз и навсегда понял, что именно это я должен отдать Уишису. То, чем я должен поделиться с моим возлюбленным.

Я беззвучно вскрикнул, преодолевая разделявшее нас расстояние, желая, чтобы Уишис познал этот совершенный союз между женщиной и мальчиком. — «Я надеюсь, что теперь ты чувствуешь всю мою любовь, моя дорогая, и когда мы снова будем вместе, я отдам тебе всю свою любовь на все времена! Я хочу быть с тобой сейчас, Уишис!!»

Тело Роландо, дрожащее у моих ног, вернуло меня туда, где я был, а не туда, где я хотел быть.

Он продолжал входить и выходить, его голова то наклонялась, концентрируясь на анусе, то снова ударялась о мой живот, когда уколы удовольствия ударили его с подавляющей силой.

Судя по тому, как он склонился над ней всем телом, казалось, что все его существо сосредоточено там, в его дыре. Он начал ритмично двигать ногами, в такт движениям рук, используя мои руки как точку опоры, позволяя ему поднимать свой зад все выше с каждым ударом, а затем слегка опуская его, когда он вытаскивал.

Сначала казалось, что он хрипит, но вскоре его высокий, почти непрерывный стон удовольствия сказал мне, что он скоро кончит. Он просто не мог больше терпеть!

Я смотрел на него широко раскрытыми глазами, почти боясь за него, видя, что он погружает в свое тело целых шесть или семь дюймов огромного фаллоса, и он грубо дергает его из стороны в сторону с каждым ударом, почти как если бы он пахал себя, пытаясь расширить свою собственную дыру. Я знал, что глупо бояться за него, потому что он был в таком экстазе, который я и сам не мог себе представить.

Потом он громко закричал, и я понял, что он кончил, трахая себя. Его ноги непроизвольно дернулись, вырываясь из моей хватки, выпрямляясь, дергаясь и колотя по одеялам, в то время как тело мальчика сотрясали волны удовольствия. Фаллос был крепко зажат между его ягодицами и похоронен под ним. Я боялся, что он разорвет его на части, но он только извивался на нём, то ли не замечая его положения, то ли наслаждаясь им.

Он выкрикивал потоки испанских слов, то ли похотливые благословения фаллосу, который все еще пронизывал его, то ли благодарственные молитвы за его экстаз, я понятия не имел.

Я просто держал его и нежно убирал со лба пряди пота, радуясь, что он вернул себе хотя бы часть того, что потерял, когда забирал его у Большого Джона.

Ему не хотелось признаваться в этом, но по мере того, как солнце опускалось все ниже и ниже, а темные тени на дальней стене каньона становились все длиннее и длиннее, Уишису становилось страшно. Даже здесь, над городом, рядом с башней шамана.

Всего несколько недель назад он был бы в безопасности в своей спальне на 5-й авеню, на третьем этаже, в Нью-Йорке. Теперь он дрожал от растущего холода и внезапной мысли о древних призраках.

Он был всего лишь маленьким мальчиком, совсем один, и это не означало, что он может спуститься в мамину спальню. Остаться здесь одному означало, что его опекуны мертвы или ушли. Родители отослали его за 2000 миль ... и единственный человек на Земле, на которого он мог полностью положиться, находился за много миль отсюда, за высокими горными хребтами.

Однако Тег вернется. Это Уишис абсолютно точно знал.

Он должен вернуться!

Снова слезы.

Уишис так устал плакать. Он плакал, когда Тег уехал. С тех пор он плакал, засыпая каждую ночь. Он плакал, глядя, как огонь уносит его тетю и дядю. Теперь его охватило это ужасное, пустое, одинокое чувство и все эти ужасные тени.

Уишис чувствовал себя таким кротким. Внезапно его захлестнула волна беспомощности и безнадежности. Тег никогда не вернется, а если и вернется, то найдет своего маленького мальчика ...

- Нет!- Нет! - закричал Уишис и услышал, как гулкие крики разнеслись по каньону. Даже его собственный голос пугал, когда нарушал тишину этой пустынной местности.

Он неуклюже и быстро вытер слезы со щек и сердито схватил себя за рукав, чтобы вытереть соплю с верхней губы.

Он знал, что сделает, что должен сделать, если хочет выжить.

- Я сделаю это, Тег! он слабо позвал срывающимся голосом, но на этот раз с опущенной головой. Эхо не вернулось, чтобы посмеяться над ним.

Он все спланировал. Поэтому, очень быстро, почувствовав, что страхи, призраки и темные тени начинают снова подкрадываться к нему, он низко наклонился и вошел в башню. Почувствовав внезапный приступ паники, как будто за дверью находилось какое-то чудовище, он закричал и стал яростно возиться с тяжелой каменной плитой. Кряхтя от усилий, борясь с болью в вывихнутом плече, понимая, что теперь, когда тэга не было рядом, чтобы помочь ему, боль стала намного сильнее, отчаяние почти овладело им. Ничего не могло пойти ему на пользу!?

Плита внезапно накренилась и переместилась в нужное положение, как показал Тег, и упала на дверь.

Мальчик, потеряв равновесие, отлетел назад и, спотыкаясь, упал на толстую подушку кровати, которую они с Тегом соорудили.

Только сегодня днем Уишис освежил его новым слоем можжевелевых луков. Накрытый одеялом, он был почти так же удобен, как в прежние времена пуховая перина.

Он хихикнул, внезапно почувствовав облегчение. Большая каменная плита отгородила его от всех нависших над ним страхов. Это был его собственный маленький Форт, как и задумывал Тег. Теперь здесь был только он, четыре стены, доходящие до потолка пещеры, и мерцающий желтый свет от маленького костра в углу ... это и его воспоминания о Теге.

Он быстро встал и ослабил веревку вокруг талии, затем снял ночную рубашку. Он аккуратно сложил его и положил на кровать, затем потянулся за почерневшим кустом, который выудил из развалин хижины.

Он спланировал каждый маленький шаг и спокойно продолжил ритуал.

Он искупался в пруду, поел и приготовил башню Шамана на ночь. Теперь, в безопасности, пришло время. Теперь он мог спокойно и ясно думать о Теге, о тех днях, когда они были вместе, и о тех днях, когда они снова будут вместе.

На щетке осталась лишь жесткая щетина, поэтому Уишис начал осторожно и медленно расчесывать волосы. После пожара и всей сегодняшней работы ему хотелось снова почувствовать, как волосы становятся прямыми и свободными от спутанных прядей. Он всегда любил расчесывать свои длинные волосы и всегда очень заботился о них. Ему нравилось чувствовать ее мягкую и прохладную на своих обнаженных плечах. Тег тоже любил свои волосы. Уишис чувствовал это с

самого начала. Тег всегда прикасался к волосам мальчика, просеивал пряди сквозь пальцы, наклонялся, чтобы понюхать ...

- ты хорошо пахнешь, - говорил Тег. Это всегда заставляло Уишис просто светиться внутри.

Мальчик посмотрел на свое бледное, стройное тело и снова захихикал, вспомнив выражение глаз Тега, когда мальчик был голым. Раньше Уишис никогда по-настоящему не осознавал своего тела, но теперь он знал, что красив.

Его дядя Том, должно быть, тоже считал его красивым. Уишис видел такое же выражение в глазах дяди Тома. Вроде того ... отчаянный взгляд или умоляющий взгляд, особенно с Тегом! Как будто у Уишиса было что-то, без чего Тег просто не мог жить.

Казалось, все сосредоточилось на его пипке!

Такая маленькая, крошечная, маленькая штучка, но она, казалось, обладала силой, чтобы сделать огромный член Тэга так ик твёрдым и длинным!

Уишис вдруг забыл о щетке и бросил ее рядом с кроватью. Он откинулся на спинку мягкого матраса и обеими руками естественно потянулся к своему маленькому твердому пенису.

Он закрыл глаза и попытался дышать медленно и ровно, чтобы успокоиться, но почувствовал, как в нем что-то нарастает, как будто кровь вдруг забурлила в жилах.

Точно так же он чувствовал себя той ночью, когда проснулся рядом с Тегом, и его пипи был таким твердым. И Тег показал ему, как это делается ...

Никогда еще Уишис не чувствовал себя таким прекрасным и любимым, как в ту ночь.

Теперь то же самое чувство снова появилось в его глазке. Возможно, если бы он просто закрыл глаза и начал гладить себя, то почувствовал бы, что Тег рядом

Одной рукой он начал легко скользить вверх и вниз по своему маленькому члену, наслаждаясь тем особым покалыванием, которое он каждый раз касался головки, такой тугой и выпуклой под крайней плотью. Его яйца тоже требовали прикосновений - как будто они были прикреплены к какому-то месту глубоко внутри него, и ему нужно было тянуть и тянуть их осторожно, чтобы снять растущее напряжение внутри. Но напряжение не прекращалось, оно только росло и росло.

Другая рука медленно поползла вверх по животу, к груди, чтобы еще раз исследовать те новые центры удовольствия, которые он обнаружил днем у пруда. Он провел кончиками пальцев по одному соску, затем по другому, удивляясь тому, что они тоже, казалось, были связаны с этим грызущим центром ... больно? Удовольствие? Ноющее чувство глубоко внутри, что он хотел стать сильнее, но чувствовал себя обязанным попытаться облегчить его, массируя себя повсюду! Это было покалывание ... горение. .. какой-то нерв, который умолял стать его единственным фокусом, но все же протянул свои щупальца к его яйцам и вдоль всего его члена. Это было похоже на боль, потому что боль был ужасной ... так чудесно! Чем сильнее он нажимал на пипетку, чем сильнее сжимал и ласкал свои соски, тем сильнее требовала боль!

Его яйца, его член, его соски - все это было частью того особого чувства, которое открыл ему Тег ... Тег трогал его и в других местах!

Уишис вспомнил, как Тег сосал его. Его большие руки блуждали по телу Уишиса. тело, но затем одна рука скользнула вниз, вниз, под его глазок, к его заднице! Это тоже было так хорошо!

Уишис слегка повернулся и опустил левую руку с сосков на выпуклый изгиб бедер, на ягодицы в поисках другого места.

Он продолжал колотить вверх и вниз по своему маленькому члену, чувствуя, что теперь он был в самом центре этого чудесного чувства - казалось, оно приказывало ему гладить и сжимать его в кулак, сильнее и сильнее, быстрее и быстрее.

Его дыхание стало хриплым и громким, а кожа вспотела от жара его тела.

Он просунул средний палец в горячую влажную щель между ягодицами и скользнул вниз, чувствуя, что нервы тоже на пределе.

Тег снова и снова терся о его дырочку, слюна капала изо рта на член Уишиса, делая его таким скользким.

Почувствовав, что в паху вот-вот прорвется плотина, Уишис быстро поднес левую руку ко рту и облизал средний палец, чувствуя вкус пота. Раньше он никогда бы так не поступил, но теперь это казалось правильным, и он любил этот затхлый вкус!

Он знал, что вот-вот кончит, и знал, что вот-вот потеряет контроль над своим телом, поэтому так же быстро поднес руку к заднице и начал тереть, как Тег.

О Боже, как хорошо! Он щекотал, он зачесался, он похолодел, он ... болит!
Крича ему, чтобы он терся сильнее, требуя, чтобы он облегчил боль прямо в его дыре!

Он надавил сильнее и почувствовал, как кончик его пальца прошелся по твердому кольцу сфинктера. Ощущение было подобно последнему спусковому крючку, запускающему вместе с ним электрический разряд. Мучительное удовольствие, казалось, переросло в переполняющее его, а затем хлынуло из его задницы, из его сосков, из его яиц, вверх по его члену до самой головки его пипи! Внезапно он почувствовал себя настолько уязвленным, настолько бесконечно чувствительным, что не мог больше продолжать качать.

Уишис откинулся назад, хватая ртом воздух, одна рука все еще был на его члене, крепко сжимая его, средний палец другой все еще был глубоко в анусе.

- Тег! Я .. сделал! Как... ты показал мне! Тег! Тег! Вернись ко мне! Я сделал это ... Тег!"

Сойдя со своего оргазмического пика и безвольно прижавшись ко мне, Роландо вдруг заговорил онным голосом: « Мистер. Я могу чувствовать ... ты тоже жесткий. Ты положи свой ... член во мне ... сейчас."

Он медленно опустил руку между ног, одновременно подтягивая их вверх, и взялся за фаллос. Теперь он тоже лежал почти безвольно, свисая из его прямой кишки, и только голова все еще оставалась внутри него. Тяжелые деревянные шары лежали на одеяле. Я не поверил своим ушам, когда он снова принялся толкать его, теперь уже медленно, но он слабо застонал с тем же звуком желания, что и раньше. Думая, что он потерян для мира, и совершенно забыв о моем присутствии, я был шокирован его просьбой. Неужели все это было спланировано, как я и опасалась, только для того, чтобы возобновить его попытку заставить меня трахнуть его?

Я нащупал реакцию. Я слишком заботился о нем, чтобы желать ему зла. И я не хотел, чтобы он снова плакал, как прошлой ночью. Глупо, но я выпалил первое, что пришло мне в голову.

-Я никуда его не положу, - попытался я пошутить, - особенно если ты не перестанешь называть меня "Мистер"! Я легонько толкнул его в плечо ладонью. - Сегодня я несколько раз говорил тебе, что ты можешь звать меня Тегом, или Теглином, или просто "эй, ты!" но не мистер. Ты так не думаешь ... тебе не кажется, что мы уже достаточно натерпелись?

Он снова откинулся назад и уронил правую ногу на одеяло. Я услышал, как он вздохнул, и едва почувствовал, как он покачал головой. В неверии? Разочарование? Я заблудился, не зная, как исцелить дух этого мальчика.

Он посмотрел на меня, в его глазах и нахмуренных бровях отразилась боль. Одной рукой он безжизненно вытащил фаллос и бросил его на одеяло. Он попытался оттолкнуться от меня, запрокинув голову, чтобы посмотреть на меня. Его взгляд ударил меня, как брызги холодной воды. Экстаз, который несколько секунд назад так ангельски разгладил его черты, исчез.

- Ты трахаешь меня, Мистер, а я называю тебя Тегом, или Теглином, или даже "Эй, ты"- он насмеялся надо мной, вяло, как будто сдался. - Ты меня трахаешь. Сейчас.

- Роландо, Я ... Я думал, ты понимаешь, что я не могу ... Я имею в виду, я не буду. Тебе и не нужно

- Ты трахнешь меня сегодня. Ты говоришь мне, что заботишься о нас вечно.

- Нет, тебе больше не нужно этого делать.- Я почти умоляла его понять. - Твоя мама был ... ну, она просто не знал, Роландо, что ... не везде так. Тебе больше не нужно себя продавать. Не только потому, что ты со мной, но

-Это ты мне скажи, - тихо произнес он и продолжал монотонно, сдерживая слезы. -Но ты не знаешь. Ты не мексиканец. Я не думаю, что ты когда-нибудь едите мусор других людей только для того, чтобы не умереть с голоду ... Мама знал. Она знал единственный выход. То, чему она меня научила, что дал мне Большой Джон. Это все, что у меня есть, Мистер. Ты не даешь мне этого, у меня ничего нет.

Его слова были как ледяная вода, выплеснутая мне в лицо. Неужели я так мало понимаю этого мальчика?

- Ты говоришь, что я не могу этого допустить ... и... Я ... - он с трудом сдерживал слезы. Я протянул руки, обнял его и прижал к груди. Я нежно поцеловал его в макушку, пытаюсь успокоить, пытаюсь понять, чего он хочет, в чем нуждается.

- Говорю тебе, милый, я позабочусь о том, чтобы у тебя был хорошая жизнь. Тебе не нужно... заниматься любовью со мной за это. Или с кем-то еще. Неужели ты не понимаешь?

- Но ведь это Вы не понимаете, Мистер! - Я почувствовал, как он отрицательно покачал головой, его шелковистые волосы скользнули под мой подбородок. - Я хочу этого! Мне нужно... к... Ты должен быть моей ... есть человек ... внутри меня или меня Ты не трахаешь меня, я чувствую ... как... Я заблудился....

- Роландо!- С силой выкрикнул я сквозь собственные эмоции, ненавидя свою неспособность утешить его. Заставить его понять, или понять его.

- Я не могу заниматься с тобой любовью, Роландо ... поверь мне, я бы ... просто умри, если бы ты был моим парнем, моей любовью, я бы трахал тебя день и ночь, если бы ты этого хотел, просто чтобы показать тебе свою любовь, но я"

- Почему ты так не считаете, Мистер? Ты говоришь, что я красив, ты хочешь меня. Я знаю, что ты хочешь меня, но ты не хочешь меня!

- Роландо, - я старался сохранять спокойствие, не желая причинять ему боль и думая, что, возможно, он поймет только правду.

-Я могу сделать это только с тем, кого люблю, и Я. .. есть еще один ... парень, ждет меня

- Мальчик?

Клянусь, я физически ощущал в нем облегчение. Он напрягся с новой силой, и напряженность вернулась в его пристальный взгляд, как будто я только что дал ему повод поверить, что все сомнения, страхи и все другие эмоции неадекватности или потери, которые он чувствовал, могли быть бесполезны.

- Какой мальчик? - тихо спросил он. Не вызываяще, не обвиняюще. Я услышал удивление в его голосе.

-Его зовут ... - Я не мог не прошептать имя моего дорогого, благоговейно, с чувством безмерной радости и даже облегчения, что произнес его имя вслух в присутствии другого, открывая свою любовь тому, кто мог бы понять его.

-А этот мальчик, Уишис, он ждет тебя? Ты идешь к нему?"

Я кивнул.

- Я тебе нравлюсь, но у тебя есть кто-то еще?

Я кивнул.

- Он единственная причина, по которой ты не хочешь меня трахнуть?

Как на это ответить? Я был сердцем и душой влюблен в Уишу, и перед лицом 37 лет одиночества и вопреки всем осуждениям общества, я не мог представить, что когда-либо будет по-другому. Уишис был частью меня, и я знал, что я был частью его, и однажды мы станем одним целым. Но если бы не Уишис, что бы я чувствовал к Роландо? Не зная, что сказать, я сказал то, что, по моему мнению, было хорошо для Роландо, и, возможно, правду.

- Роландо, я думаю, что если бы я никогда не знал Уиши, то упала бы перед тобой на колени, и поклонялась бы тебе всем сердцем, и любил бы тебя, пока не высохнут океаны ... и я буду трахать тебя постоянно, пока ты не начнешь умолять меня уйти.

Он молчал в течение долгого времени. Наконец я лег на спину, потянув его за собой, чтобы он и Деметрио снова могли спать рядом со мной. Я прижал его к себе и завернул в одеяло.

-У тебя мальчик. Вот почему ты меня не трахаешь.- Я слышал его шепот.

Он казался погруженным в свои мысли, поэтому я не ответил. Я понял, что он имел в виду. Я знал, что ему нужно было знать о Уиши, иначе он никогда бы не понял, почему я не могу полностью посвятить себя ему.

Возможно, я все равно не смог бы ответить. Я почувствовал холод на щеках, прежде чем понял, что начала плакать. Долгие минуты молчания дали мне достаточно времени, чтобы подумать. Обнимая этих двух милых мальчиков, я так хотел дать им все, в чем они нуждались и чего заслуживали, но как я мог заполнить пустоту в сердце Роландо? То, что он хотел, я не мог дать никому, кроме Уишиса.

О, мой дорогой милый Уишис. Я тоже плакал по нему. Наверное, плакал и о себе тоже. Я представил его в постели, на чердаке хижины Найтов.

Одинокий, возможно, немного напуганный, гадающий, вернусь ли я. Единственный человек на Земле, который имел полное право на мое сердце, но у меня все еще было больше миль между нами.

Глава 4

Когда Уишис открыл глаза, по краям каменной плиты, закрывавшей вход в башню, пробежали струйки желтого света, и он понял, что солнце уже поднялось над дальним краем Канью.

Как раз вовремя! Он хотел в туалет!

Смешной. Давление внутри него, ощущение того, что вся эта моча вот-вот взорвется из него, как будто он собирался кончить прошлой ночью! Ну, не так уж хорошо! Но он снова почувствовал легкое покалывание в пипетке, и глубоко в животе, толкаясь, желая наружу. Он даже почувствовал это там, внизу, между яйцами и задницей!

На мгновение он закинул руки за голову, выгнув спину, приподнял туго натянутый живот и грудь с мягкой кровати, напряг все мышцы стройных ног. Он чувствовал себя таким живым! Даже пальцы ног приходилось растягивать и шевелить.

Он плюхнулся на матрас и посмотрел на свое распростертое тело. Его маленький бело-розовый пенис стоял прямо и прямо! Гототы к взрыву! Жаль, что он не взорвал эту белую штуку. Эта сперма.

Пока! Тег сказал, что когда-нибудь он это сделает.

- Это было так здорово, Тег, прошлой ночью,-сказал он вслух приглушенным голосом, а затем начал хихикать, вспоминая, как засунул палец в задницу, когда дробил. Почти не думая об этом, он поднес палец к носу и вдохнул, пробуя самый интимный запах собственного тела.

Он все еще чувствовал ее запах ... в воздухе витал какой-то запах ... почему-то пахло хорошо... грязный... но....

Он вздрогнул, внезапно почувствовав себя очень непослушным, но ему это понравилось. Он сделал именно то, что Тег велел ему сделать прошлой ночью, и это было так хорошо!

Уишис практически вскочил с кровати, чувствуя себя совершенно отдохнувшим. Все было не так уж плохо! У него был еда, прямо здесь. И он, вероятно, сможет найти больше. А как насчет копченой ветчины, висящей в сарае? Где-то здесь был и погреб. Он слышал тетушку

Ладно, подумай об этом позже.

- Ой! Но плечо все еще болит, - пробормотал он, осторожно размахивая рукой.

Он снова вздрогнул и забыл о своем плече. Он едва удерживался, чтобы не попрыгать на носках - ему ужасно хотелось в туалет, и прямо сейчас!

Уишис пробежал по утопанному земляному полу к двери и наклонился, чтобы всем телом откатить каменную плиту. Он казался намного светлее, чем прошлой ночью.

Это было все равно что шагнуть в мир, осыпанный золотой пылью! Солнечные лучи освещали золотыми искрами каждую частичку пыли, висевшую в воздухе, каждый лист осины у самого края пещеры, каждую грань стены каньона. Облака, плывущие над головой, были пушистыми белыми пучками, окрашенными в золотисто-желтый цвет!

Золотой мальчик вышел в свои собственные, волшебные золотые владения. Он стоял высокий и стройный, обнаженный перед всем миром, и когда он с удивлением подошел к краю крыльца башни, солнечные лучи поймали его волосы и осветили его лицо в ауре яркого света.

На улице было прохладно, и он забыл надеть ночную рубашку. Мурашки побежали по всему телу, и он вздрогнул, когда подошел к краю уступа.

Он взял свой маленький твердый как моча пенис двумя пальцами, затем задрожал еще сильнее и захихикал, почувствовав, как горячая струя мочи потекла вверх по его члену и вышла из маленькой щели в его члене. На мгновение все его тело непроизвольно содрогнулось. Золотая дуга мочи дымилась в прохладном утреннем воздухе, и Уишис играл с маленьким туманным следом, который он мог создать, поднимаясь над потоком мочи. Он слегка пошевелил двумя пальцами, заставляя поток подниматься и опускаться, оставляя за собой конденсационный след. Облегчение в мочевом пузыре и покалывание в пенисе снова заставили его содрогнуться.

"Чувствует таааааак а так," прогудел он, потом посмотрел вниз между ног, как моча потоком потекла к концу. Не переставая играть, он провел пальцами по уретре, доя оставшиеся капли и дико разбрызгивая их вокруг.

- Ухх. ...!- Вдруг взвизгнул он в тревоге. Как по волшебству, мягкая кожа, покрывающая его головку члена, больше не сопротивлялась движению его пальцев назад, и его девственные, слегка сливового цвета головки внезапно открылись его взору впервые в жизни! На мгновение ему показалось, что с ним что-то не так, что он поранился. Не слишком ли сильно он накачал свой пенис прошлой ночью?

Паника начала утихать, но он чувствовал, как сердце колотится в груди. Дрожащими пальцами он медленно, осторожно оттянул крайнюю плоть. Она легко поднялась над раскаленным гребнем его головки и шлепнулась обратно. Осторожно, указательным пальцем, он ощупал губчатую плоть. Он был такой мягкий! И немного мокрый. Она блестела на солнце.

Он снова вздрогнул, на этот раз больше от удовольствия, чем от физического ощущения, и улыбнулся. Большим и указательным пальцами он снова ощупал голову, слегка надавил на нее, проверяя, насколько восхитительно мягкой и чувствительной был эта красноватая лампочка на конце его глазка!

«Нет причин для беспокойства» - подумал он. Кожа Тега тоже отодвинулась, и ему, казалось, понравилось, когда Уишис пошарил под крайней плотью, чтобы почувствовать мягкую, податливую плоть внутри.

- Тег!- Сказал Уишис вслух, тихо, но взволнованно. - Сегодня вечером! Теперь у меня есть новый способ запомнить тебя, Тег!"

Облегченно вздохнув, но все еще продолжая ощупывать пенис, Уишис отвернулся от края уступа. Он проголодался. Очень голоден! И холодно. Времени, чтобы позавтракать. Тогда ему придется спуститься вниз и найти погреб.

Он подошел к куче консервных банок, которые спас из горящей хижины. Он даже выудил несколько из обугленных руин. Они почернели, а на нескольких банках шты по краям, казалось, были сломаны, но он решил, что ему понадобится все, что он сможет найти, прежде чем Тег вернется. Однако они выглядели не очень аппетитно, поэтому он выбрал одну из несгоревших банок. Во-первых, огонь!

Когда Уишис в полном одиночестве приступил к новой утренней рутине, ему стало хорошо. Обновленный. Взволнован! Прошлой ночью он доказал это. И вот сегодня утром он обнаружил в себе нечто новое и удивительное! Он снова с удивлением посмотрел на свой пенис и лениво потрогал его, позволяя своим красноватым глазам выглянуть наружу. Он собирался сделать это. Все будет хорошо. С ним все будет в порядке, он будет ждать здесь Тега.

- Еще один день потрачен впустую, черт возьми.

- Почему, черт возьми, так жарко, так рано утром?

Большой Джон Смолли выругался про себя, недовольно бормоча.

От пота шляпа прилипла ко лбу, и он почувствовал неприятную влагу вокруг ленты.

Не помогло и то, что у него болела голова, а шея и плечо все еще болели от того ублюдка, который подстерг его.

Что еще хуже, он сидел на вершине 2000 фунтов горячего Форсе Флес, окруженный зноем, уже подняв от песков пустыни.

- Бездорожье, - пробормотал он.

В сотый раз он спрашивал себя: что он здесь делает.

Не поэтому он был здесь. В этом он был уверен. Он собирался убить человека. Но сначала надо найти его.

Он должен был признать, в сотый раз, что потерял след на последней переправе через реку. Повернуть на юг, в Альбукерке, или продолжать путь на восток, к Санта-Фе?

Беда в том, что никто не знал, кто этот человек и куда он направляется, пока он не уехал с Роланом и Метрио.

- Ублюдок!

При мысли о Роландо боль вернулась.

- Черт!

«Это безнадежно», подумал он. Он не собирался снова найти Ролан этот путь. Он никогда не найдет его снова. Если....

Если только он не выяснит, кто этот человек. Никто в Миранде не знал. Или не говорили. Там все вдруг стали необычайно несговорчивы.

Что ж, у него было много времени, чтобы поработать над достойными гражданами Миранды.

А как насчет человека, который напал на него?

Не собирался выяснять, куда он направляется Интересно, откуда он взялся Возможно, по тропе Черной Горы в Миранду

Злобно, дергая удила обратно в рот его лошади, Большой Джон вытащил вокруг.

Был не один способ заставить этого человека заплатить.

Мы проснулись в объятиях друг друга, теплые детские ножки лежали на моих, нежная хватка их маленьких пальчиков так мягко впивалась в мою плоть, где они держали меня всю ночь. Их теплые вдохи и выдохи были легкими пушинками против моего оружия.

Мне было жаль нарушать их ангельский покой, но не было никакой возможности выскользнуть из-под одеяла, не разбудив их, как я так легко сделал накануне утром.

Пора вставать и возвращаться на тропу, пора оставить позади еще одну дикую поляну, где я делил такие интимные моменты с этими мальчиками.

Я осторожно потянулся, не совсем готовый потревожить их, и почувствовал, как мой пенис начал расти и пульсировать, пытаюсь подняться с живота, несмотря на сопротивление одеял. Меня вдруг осенило, что я не кончил прошлой ночью, потерявшись все время в куда большем удовольствии, и мне нужно, прикоснуться, ласкать, целовать, лизать, сосать ... проникать. .. чтобы доставить удовольствие этим мальчикам. Я не кончил, но чувствовал более продолжительное и осмысленное насыщение, духовное, чем если бы я просто пролил свое семя на землю или даже на одно из их коричневых тел.

Я закрыл глаза и представил, что нахожусь со своим желанием. Я не пролью с ним свое семя! Он выпил мою сперму, заявив, что хочет меня внутри себя. Мне не нужно доставлять ему удовольствие этим деревянным фаллосом.

Я бы наполнил его своей, и выкачал бы свою сперму глубоко внутрь него

Деметрио зашевелился справа от меня, и я почувствовал, как он резко сел. Я открыла глаза и увидел, что он улыбается от уха до уха, просто смотрит на меня, одной рукой протирая сонные глаза. Разбитая губа быстро заживала, и он даже не поморщился.

Одеяло соскользнуло с его обнаженного тела, и он сидел, освещенный лучами восходящего солнца. Изящество и миниатюрность его фигуры были для меня еще более очевидны. Узкие плечи, казавшиеся карликами по сравнению с моими руками, когда я потянулся и притянул его к себе на грудь. Он хихикал, когда я быстро водил кончиками пальцев вверх и вниз по его грудной клетке с обеих сторон, издавая при этом музыкальные трели, как будто его ребра были клавишами пианино.

Роландо подвинулся ко мне с другой стороны и тоже сел, только медленнее и грациознее, его блестящие черты омыло прямыми лучами солнца.

Не открывая глаз, он лениво поднял руку, чтобы собрать длинные пряди волос, упавшие на лицо. Его губы были слегка сжаты, и я слышал, как он глубоко дышит через нос.

Он приподнял брови, словно пытаюсь поднять веки под мертвым грузом сна. С томной грацией он наклонился и оперся на негнущуюся руку, положив ладонь на одеяло. Его волосы струились вниз, к одеялам, гладкие и безукоризненные, словно только что расчесанные.

Я следил за линиями его идеально вылепленной груди, вниз, мимо его маленького плоского живота, к лобку. Его маленький пенис был мягким и торчал между сомкнутыми штанами. Просто закругленным половиной пузыря одного яичка были вытолкнуты между ног.

Я снова ощутил возбуждение в собственном пенисе и сдерживаемое чувство в собственных яйцах. Мне пришло в голову, что я могу получить освобождение сегодня утром, а не ждать до вечера в нашем следующем лагере.

Деметрио что-то сказал брату по-испански. Роландо ответил или, скорее, прохрипел, как будто его голосовые связки тоже еще не проснулись.

Он как ни в чем не бывало перевел: - Он сказал ... прошлая ночь сделала его очень, очень голодным, мистер. Что мы будем есть сегодня утром?

Мой член быстро набирал полную силу, я чувствовал одного мальчика так близко к своей груди, и смотрела на манящий маленький пенис, выглядывающий между ног другого мальчика. Какой был лучший способ дать им знать, что я

Вопрос Деметрио, должно быть, задел Роландо за живое, потому что он вдруг потянулся и начал подниматься со словами: «Мистер. Теперь мы можем поесть?»

Я видел, как его глаза блуждали по седельным сумкам, гадая, что там внутри.

Я задержал дыхание, пытался успокоить сексуальное напряжение. Похоже, мне придется подождать до вечера. О, прямо сейчас я видел, что это будет длинный день! Я покачал головой и тихо рассмеялся над собой. Несколько дней назад я отдала бы годы жизни за один-единственный шанс быть с мальчиком, а теперь я предвкушала третью ночь сексуальных игр с двумя мальчиками!

В сотый раз за сегодняшний день Роландо отвел лошадь мальчиков в сторону и бросил на меня быстрый взгляд сквозь прозрачную вуаль своих черных волос. То, как он это сделал, было почти незаметным взглядом. Или было бы, если бы это не было так очевидно.

Он весь день молчал, погруженный в свои мысли, и я не был уверен, что он вообще сознавал, что так часто оглядывается назад. Проверяет меня. Это казалось почти произвольным действием, неосознанным, подсознательным дополнением к его мрачным мыслям.

Его глаза не были пустыми, но почему-то не смотрели прямо на меня. У меня сложилось впечатление, что одного взгляда на мою фигуру было достаточно, чтобы успокоиться.

Ни злости, ни негодования, которые я ошибочно ощутил в первый день нашего путешествия. И никакой живости и непринужденности вчерашнего общения.

В сотый раз я усмехнулся про себя, гадая, о чем он думает, теперь уже совершенно уверенный, что этот мальчик-смесь эмоций, взглядов, надежд ... и требования ... этого я не мог быстро понять или предсказать.

И все же он был мальчиком. Неужели так трудно понять, чего хочет и в чем нуждается мальчик в его положении? Этот мальчик, в частности? Безопасность для себя и младшего брата, которого он держал перед собой в седле.

Помимо безопасности, немного заботливой преданности. Любовь. Возможно, сильные отцовские руки ... и любовника.

Какое-то подобие безопасности у них было с этим грубияном Большим Джоном. Какая-то форма заботы, любви ... или нужда и желание. Я не мог смириться с мыслью, что мужчина, который бьет мальчика, может предложить ему любовь.

Разве не это Роландо искал в моих одеялах последние две ночи?

Больше, чем секс, которого он научился жаждать. Ему нужна была моя уверенность в отцовской любви, и даже больше - в любви его мужчины.!

В сотый раз за день, когда я размышлял об этом, мой пульс участился, как и пенис. Я ехал с мальчиком - двумя мальчиками, - которые хотели разделить со мной все радости, какие могут быть у отца и его сыновей ... и все радости, которые только мужчина и его сын могут знать!

Я чувствовал, что прошлой ночью мы с Роландо достигли взаимопонимания, и больше не боялся его заигрываний. Этот вечер не мог прийти достаточно скоро для меня.

Я выпрямился над одеялами, бросил кальсоны на седло и потянулся к небу. Голый, как сойка. Прохладный вечерний воздух, как тоник, оживлял мои усталые мышцы.

Смотреть, как мальчики раздеваются рядом со мной, тоже было чудесно для мышц между ног! Мои руки были вытянуты вверх, пальцы тянулись к тонким бугоркам, но пенис торчал прямо, такой твердый и длинный, что крайняя плоть оттянулась от головки, даже не коснувшись ее.

Глаза были единственной частью моего тела, которая не тянулась вверх. Я ни за что не променяю небесные виды на тела мальчиков!

Сегодня в лагере было сухо, и у меня не было возможности осмотреть маленькое тело Деметрио, пока я его мыл, поэтому я поспешила на ужин, вымыл посуду и предложил всем пораньше лечь спать.

Слава Богу, Роландо положил их одеяла рядом с моими, по обе стороны от меня, как и прошлой ночью.

- Твоя мама сказала, что мы должны прикасаться к голой коже, чтобы согреться ... - Шутил я, быстро раздеваясь.

О, я уже был возбужден, но видя, как оба мальчика начали отбрасывать одежду в сторону, открывая все больше и больше своей сладкой, гладкой плоти, должно быть, добавил еще один дюйм к моему семидюймовому члену!

Кончик головки уже был мокрый от смазки. Боже, я так хотел этих мальчиков! Какой первый?! Идти вперед или позволить Роландо задавать темп, как он делал это две предыдущие ночи?

Я сглотнул и громко ахнул, чувствуя лихорадку и напряжение, когда опустил руки и стоял, наблюдая, как два маленьких коричневых члена появились в поле зрения.

Мне просто нужно было снова взять в рот петушок маленького Деметрио, а потом и Роландо! Я хотел заставить обоих мальчиков петь от удовольствия, и если Роландо снова понадобится помощь с деревянным фаллосом, я точно знал, как ему это понравится. Затем... о, мне было все равно, как это случилось, просто так получилось ... осмелюсь ли я попросить Роландо отсосать у меня? Или я могу заставить маленького Метрио обхватить обеими руками мой ствол и накачать меня? Это не имело значения, пока я мог кончить!

- Похоже, ты готов к встрече с мальчиком, Мистер, - сказал Роландо, словно прочитав мои мысли.

- Да! А у меня их два - Я начал отвечать, слишком поспешно, голосом, уже хриплым от моей похоти.

- Твой член хочет твоего мальчика, да? - Роландо продолжал.

- О да! - Я улыбнулся. Мысль о Уишис не сделала ничего, чтобы обуздать мои ожидания. Если бы я мог заняться с ним любовью сегодня вечером, но предлагая свою любовь этим мальчикам, разве я не отдаю дань уважения моему мальчику!?

Я не испытывал никакой вины в этой мысли. Теперь я был выше всего этого. Мое семя было для Уиши. Только он мог получить мое семя. А до тех пор я с радостью, свободно, открыто поклонюсь на алтаре мальчика!

"Ты читал слишком много классических авторов, Теглин", - упрекнул я себя, но не слишком резко. Именно так я чувствовал себя сейчас по отношению к Уишису и этим двум мальчикам.

- Да, Роландо, - я посмотрел в его поднятые глаза и улыбнулась, увидев в них все тот же отсутствующий взгляд, который он, казалось, не замечал весь день. Так вот о чем он размышлял! Мой дорогой Уишис! Мне. Уишис. Мужчина, его сын. - Мой член определенно хочет моего мальчика, Роландо. Он определенно хочет Уишиса.

Интересно, хочет ли он услышать больше о моей любви? - «Ты этого хочешь ... аааааааа!"

Не успел я договорить, как его глаза сузились и сфокусировались. Его губы были сжаты, все еще отражая его глубокие мысли. Целеустремленно, почти благоговейно он медленно опустил взгляд и обеими руками нежно обхватил мой длинный, тяжелый ствол! Шок от его нежного прикосновения к чувствительной нижней части моего пениса заставил меня ослабеть в коленях. Я невольно протянул руку и положил ее на плечо каждого мальчика, чтобы не упасть.

Я с благоговением уставился на свой торчащий член. Это был один из самых эротических изображений, которые я когда-либо мог себе представить! Деметрио, видя, как его брат осторожно поднимает мой член, тоже протянул обе руки! Все четыре их маленькие ручки, бок о бок под моим инструментом, не охватывали его длины!

Моя распухшая головка, обнаженная, почти огненно-красная, с почти прозрачной каплей смазки, образовавшейся в разрезе мочеиспускательного канала, казалась маленькой ручонкой Метрио.

Их бронзовая коричневая плоть образовала ложе, на котором покоился мой белый ствол, пульсирующий, живой. Они держали меня легко, то вытягивая пальцы, то так нежно, что я чувствовал под собой все двадцать кончиков их мизинцев. Клянусь, я чувствовал линии на их ладонях, с каждым крошечным движением их рук. Они держали меня нежно, с любовью, словно приносили в жертву богам сокровище.

"Вхххххххх" ... У меня перехватило дыхание, когда Роландо внезапно убрал левую руку и поднес кончик указательного пальца к щели на конце моего члена. Он позволил прозрачной жидкости соскользнуть на палец, затем прижал к нему большой палец и начал медленно двигать его.

- Вот. .. только для Уишиса, мистер? - тихо сказал он. Его голос не был похож на голос флейты, как у Уишиса, он был сладок, как далекий колокол, высокий и мелодичный.

-Это ты так сказал. Ты только трахнешь своего парня, Уишис.

- Да, - выдавила я шепотом, едва позволяя себе дышать.

- Ты так его любишь.- Это было утверждение, а не вопрос, но я все равно ответил. Я должен дышать, чтобы ответить на это заявление!

- Да!- О, сила мальчика, что он заставил меня стоять перед ним по стойке смирно и свидетельствовать о власти надо мной другого мальчика!

Роландо помолчал, как ему показалось, несколько минут, глядя на свои пальцы, в которых он все еще крутил мою смазку. Деметрио стоял молча, как всегда следуя примеру старшего брата.

Когда Роландо поднял голову, я увидел, что из его глаз медленно текут слезы.

- Обнимите меня, Мистер? - Он нарушил молчание, но едва-едва.

- Конечно.. - произнесл я, когда он нежно, так нежно обхватил обеими руками мой пенис и начал тянуть меня вниз к одеялам.

Я был бы шокирована и испугана его слезами, но я чувствовал по его взгляду, что он не грустит!

Он отпустил мой пенис и так же мягко схватил мою левую руку, положив на нее голову еще до того, как мы успели пригнуться к Земле. Я увидел, что Деметрио стоит неподвижно, глядя на нас с некоторым недоумением. Я быстро нащупал одеяла, чтобы убедиться, что смогу натянуть их на всех нас, затем потянул Деметрио к себе с другой стороны.

Через несколько секунд оба мальчика снова лежали рядом со мной. Они оба прижались ко мне под теплыми одеялами и устроились поудобнее.

Я чувствовал тепло слез Роландо на своей руке, но он казался таким спокойным. Он шмыгнул носом.

- Что ты с нами сделаешь, мистер?- наконец прошептал он. В его голосе не было ни намека на страх или беспокойство. Он был в праве расспрашивать.

«Доверие», подумал я. Я завоевал доверие этого мальчика.

Я знал, что он говорил не о сегодняшнем вечере. Сегодня вечером речь шла не о сексе. Он хотел видеть картину в целом.

- Я найду для тебя дом, Роландо, где у вас обоих будет все, что нужно. Все, от образования, до еды, одежды ... и... кто-то, кто любит тебя.

- Но не так, как ты любишь ... Уишис, а, мистер?

- Я. .. Я не знаю... насчет этого, Роландо ..."

-Ты не оставите нас с собой?

- Я оставлю тебя у себя, если мы не найдем для тебя лучшего дома, - сказал я, и это было правдой. У меня уже были кое-какие идеи на этот счет. У моего друга в Элизабеттауне был хороший дом, и он был бы прекрасным отцом для этих мальчиков. У него не будет предубеждения против мексиканцев, как у некоторых. Если это не работает, я могу позвонить родителям на Восток.

Снова наступило долгое молчание.

- Я тебе нравлюсь, Мистер?

- Конечно, ты мне нравишься, Роландо.

- Ты знаешь, откуда я ... то , что я делал с Большим Джоном....

- Все это не имеет значения, Роландо. Нет, нет! Да, это действительно имеет значение. Я восхищаюсь тобой еще больше, сынок, за то, что ты делаешь ... нужно было что-то делать, заботиться о Деметрио

- Но Я а как насчет другого, мистер?.. Вы знаете... Я хотел ... Мне нужно было то, что дал мне Большой Джон

Как я мог сказать ему, что это значило для меня, как бойлавером?

- Это делает ...- Я снова начал отрицать, что для меня это имеет значение. Мне снова пришлось взять себя в руки, потому что для меня это было очень важно.

- Роландо ... как бы это сказать ... ты когда-нибудь Когда ты занималась любовью с Большим Джоном ... ты когда-нибудь чувствовал боль?

- Нет.

-Как ты себя чувствовал, когда он был с тобой?.. внутри тебя?

Он ответил не сразу, но я почувствовал дополнительное давление на свою руку, так как его эмоции заставили его сильнее сжать меня.

- С самого первого раза, мистер, - начал он торжественно, отчетливо выговаривая каждое слово, - я хотел этого. Я никогда себя так не чувствовал ... полный... так хорошо и правильно ... как когда он трахал меня. Я не любил Большого Джона, но когда он трахал меня, я хотел любить его. Я хотел любить его! То, что он дал мне тогда, я хотел....

Он замолчал, и я почувствовал, как все его тело задрожало. Он крепко обнял меня и прижался щекой к моей руке.

Наконец он продолжил: "Но .. Я мальчик. Разве это не неправильно, что я принадлежу ему?.. Как женщина? Одеваться, как его девушка? Быть его пиздой?"

Второй раз за неделю я пытался найти слова, чтобы сказать мальчику, что его чувства отличаются от чувств некоторых других, да, но то, что он чувствовал, было положительным.

- Роландо ... За все время, сколько у нас есть записи об этом, были мальчики ... возможно, большинство мальчиков, определенно особенные мальчики, которые нуждаются в... особенном мужчине. Только для них. Мужчине, с которым они могут поделиться всем ... разве ты не чувствовал себя так, когда Большой Джон был внутри тебя?..."

- Да! Я так хотел дать ему ... но....

- Большой Джон не подходил тебе, Роландо. Нет, Я ... Я не могу сказать, найдете ли вы своего человека ... но я знаю, что ты только делал, только чувствовал лучшее в себе, сынок. Я считаю, что тебе очень повезло, что у тебя есть такие чувства. Ты не был женщиной Большого Джона. Ты хотел дать ему больше, но он был недостоин того, что ты мог дать. Ты хотел быть его любовником, его мальчиком.

Я остановился, интересно, если бы я сказал, что это правильно для него, надеясь, желая, чтобы я мог выразить в словах, просто, как замечательно это может быть для мальчика, чтобы найти своего человека, для человека, чтобы найти своего мальчика. Понял ли он? Я закрыл глаза в молитве, чтобы он это сделал.

И тут я почувствовал его ответ. Он понял! Он на мгновение оторвал щеку от моей руки, и я почувствовал, как его губы мягко прижались к ней, совсем ненадолго, прежде чем он снова повернул голову и прижался к моей руке.

Снова слезы. На этот раз мой. Он поцеловал меня в то же самое место, где Уишис поцеловал меня на лугу, где мы играли в бейсбол. Еще один момент, когда я мог бы уверенно сказать себе: "Ты молодец, Теглин.»

Его дыхание стало таким ровным, а тишина такой долгой, что мне показалось, будто Роландо уснул вместе со своим младшим братом. В какой-то момент я понял, что, несмотря на все эти вопросы и слезы, я оставался твердым! Я не испытала оргазма, и теперь я знал, что не испытаю его этой ночью, но все же я чувствовал себя хорошо, удовлетворенной. Я был мужчиной и сделал добро мальчику.

Два мальчика. Три мальчика! "Твоя работа на сегодня закончена, Теглин", - подумал я и тут же почувствовал, как моя эрекция начала спадать.

- Мистер ...? - Роландо снова нарушил молчание, теперь уже сонным голосом.

- Да. .. да, Ролан?

- Мистер, завтра ты подстрижешь меня.

- Э. .. ладно... сынок, я сделаю это, - и пока я размышлял об этом, мне вдруг показалось, что это правильно. Конечно, он хотел, чтобы его подстригли. Больше не девушка Большого Джона. Только Роландо, мальчик.

- Ты и мне купишь мальчишескую одежду?"

Я тихо усмехнулся.

- Да, дорогой. Завтра ты получишь одежду для чудесного, красивого, особенного мальчика, которым ты являешься.

- Ты делаешь меня очень счастливым, Мистер, - ни с того ни с сего сказал Роландо, медленно втирая пену в свои теперь уже гораздо более короткие волосы. Какое это было зрелище - обе руки высоко подняты, а он все еще имел привычку время от времени приподниматься на цыпочки, когда умывался! Стоять всего в паре футов от него и помогать ему купаться было как во сне. Я перевел взгляд с его намыленной голоты на скользкую от воды грудь и живот, проследил за струйкой воды, которая естественным образом стекала в лобок и тонкой струйкой стекала с кончика его маленького коричневого петушка!

Я чуть не ответил: "Ты тоже делаешь меня очень счастливой! Просто позволь мне стоять здесь и лить теплую воду на твое идеальное тело!"»

Вместо этого я зачерпнул еще воды из ведра, стоявшего у огня, и медленно полил ее ему на голову, помогая смыть пену с волос и глаз.

- Почему, Ролан?- Я просто спросил. Я взглянул на Деметрио, который уже принял душ и сушился на солнце, лениво свесив ноги со своего насеста на стволе упавшего дерева, всего в нескольких футах от меня.

Мы были меньше чем в дне пути от Элизабеттауна, и я хотел, чтобы мальчики выглядели как можно лучше, когда Билл Сандерс впервые увидит их. Не то чтобы Роландо мог выглядеть иначе, чем великолепно, независимо от того, сколько времени прошло с момента его последней ванны, во что он был одет, как коротко подстрижен или любой другой возможный вариант Бога-мальчика.

- Ты все еще тверд, мистер! Ты все еще тверд, и Я стригусь, ношу мальчишескую одежду, и ты ... ты все еще хочешь меня, не так ли?"

Значит, он заметил! Я криво усмехнулся про себя. Три дня без секса, после того как он научил меня ожидать его первые две ночи, и я начал задаваться вопросом, не был ли я достаточно

очевиден! Расхаживал с важным видом, а маленький Теглин поднимался по любому поводу. Каждый раз, когда Роландо хотя бы дышал!

- Я хочу тебя больше, чем когда-либо, милый! Ты ведь не сомневалась в своей красоте только потому, что подстриглась?

- Мама заставил меня отрастить длинные волосы. Она знала, как заставить мужчину хотеть

- Э. .. Роландо? Я перебил его - Позвольте мне сказать вам кое-что. Твоя мама, без сомнения, была замечательной женщиной, но она была женщиной! Держу пари, что только мужчина или, возможно, другой мальчик способен оценить истинную красоту мальчика! Ты никогда не выглядел лучше, и штаны ... ну, твои штаны позволяют каждому мужчине видеть все твои прелести! Это платье только что прикрыло тебя. Теперь уж точно никто не примет тебя за девчонку!

- Благодарю тебя, Мистер ...- сказал он мягко и посмотрел на меня, склонив голову почти застенчиво. Он улыбнулся неуверенно, почти задумчиво, и снова, как в тот вечер, три дня назад, когда он достал деревянный фаллос и показал, что нуждается в нем, его брови слегка нахмурились. Его глаза немного сузились, и я увидел, что его грудь начала подниматься быстрее, что-то в нем росло.

- Мистер, я вижу, у тебя три дня были проблемы, и ты даже не дронил по ночам, не так ли? - Он знал ответ, так как он и Деметрио были со мной двадцать четыре часа в сутки, и каждую ночь мы спали в объятиях друг друга. Приняв душ, я тоже был голым, и, конечно, мой инструмент торчал прямо из моего тела.

- Нет, я просто

-Ты просто ждал меня. Ты хочешь меня, но не взял. Дай мне время.

Я медленно вылил остатки теплой воды ему на голову. Он моргнул, но глаз не опустил. Там было желание, но не расчет. Теперь мы оба знали, на чьей мы стороне.

Он улыбнулся еще шире, но с соблазнительным наклоном головы. Когда я опустил ковш, он вдруг протянул руку, взял его обеими руками и бросил на землю. Он тянул мою руку вниз, заставляя меня наклоняться. Я нахмурился, ища его глаза, чтобы понять его намерения, затем посмотрел вниз, где он тянул меня за руку. Его маленький пенис!

Он сказал что-то Деметрио по-испански, что-то, в тот самый момент, когда мои пальцы легли на его член. Я почувствовал, как Деметрио спрыгнул с бревна, но не отвел глаз от своей добычи!

Было жарко! Даже мокрый, я чувствовал, как его кровь приливает к маленькому трехдюймовому инструменту. Я осторожно оттянул крайнюю плоть назад, открывая его набухшую головку, почти пурпурную на фоне темно-коричневой кожи. Я начал сгибать колени, я хотел его член в рот, наконец-то! Еще раз!

- О нет!- он сделал мне выговор, протянув руку и крепко ухватившись за мой торчащий пенис! Используя его как ручку, он заставил меня снова встать и хихикнул.

- Просто стойте здесь, мистер.- Он приказал.

Он был как вихрь, внезапно, когда отпустил мой член.

Он быстро вытерся старым платьем, которое мы все использовали как полотенце. Я с восторгом наблюдала, как он вертелся, изгибался, давая мне возможность увидеть его темно-коричневый задний проход, когда его ягодицы немного раздвигались, его гладкие, длинные ноги, когда он проводил тканью по каждой из них. Я чувствовал, что могу кончить, просто наблюдая за ним. Даже в спешке каждое движение его рук и пальцев, каждая поза были от природы плавными и грациозными. Я снова хотел быть художником, чтобы запечатлеть его линии на все времена!

Его длинные волосы были всегда придавали ему ореол таинственности, как он упал, так или иначе, когда-либо затеняли одну часть его тела, всегда намекая, позволяя мельком только, скрытых сокровищ, которые можно знать только, став его любовницей. Теперь, когда эти роскошные локоны

были острижены, я сожалел об их потере, об утрате того обольстительного очарования, которое было постоянным источником возбуждения и возбуждения. Тем не менее, мое возбуждение было не менее постоянным теперь, когда он носил волосы, как у Дементио, достаточно длинные, чтобы закрывать уши и спускаться до середины шеи.. Как я мог быть менее возбужден, когда теперь я мог видеть каждый нюанс его грациозного движения? Теперь, когда мне было предоставлено право видеть то, что раньше мог только его любовник.

Он поспешно высушил волосы, отбросил платье в сторону, снова посмотрел на меня, застенчиво улыбаясь, и сделал шаг ближе.

- Ты были очень, очень терпеливы, Мистер. Думаю, за это тебе нужна награда."

С этими словами он снова потянулся к моему члену. На этот раз он использовал его, чтобы тащить меня за собой. Я охотно последовал за ним, когда он потащил меня туда, где уже были расстелены наши одеяла.

Он остановился, глядя на меня, и немного поиграл с моим членом, все время воркуя, как будто у него был новая игрушка . Он склонил голову набок и поджал губы, словно посылая мне воздушный поцелуй.

Я так долго сдерживалась, что его прикосновение уже приблизило меня. Мое дыхание стало прерывистым, но я стоял неподвижно, позволяя Роландо контролировать каждое мое движение.

Он снова крепко обхватил пальцами древко, ниже головки, но на этот раз потянул меня вниз. Я последовал за ним, как его добровольный раб, повторяя его движения, когда он опустился на одно колено, затем на оба.

Его язык высунулся из его губ, и он медленно облизал их, затем, не отрывая глаз от моего пениса, он придвинулся ближе ко мне и сел на лодыжки. Он наклонился вперед. Без дальнейших церемоний он широко открыл рот и взял в рот кончик моего члена. Теплое, влажное прикосновение его губ и его острый язык, уже исследующий мою щель, заставили меня почувствовать себя обманутым. Он простонал:"Ммммм", смакуя мой вкус. Я наблюдал сквозь полуприкрытые глаза, как он медленно наклонился и позволил моему члену скользнуть в его рот.

Его язык блуждал по всей моей головке, то заостренный, то прижатый, то плоский и скользкий от слюны. Его губы образовали тугое кольцо прямо за краем моей головки, он начал дразнить меня языком, просовывая его туда и сюда между его плотно сжатыми губами и моей опухшей плотью. Это было так вкусно! Каждый отдельный поцелуй вдоль моего члена был доказательством куртизанских навыков Роландо. Должно быть, мать хорошо его воспитала! Вместо одного ошеломляющего нарастания ощущения в моем члене, я получил уколы экстаза, сначала вдоль одной стороны моего члена, затем другой, затем ниже, прямо на моем уздечке!

Роландо не качал меня, он не делал никаких движений руками, все еще обхватившими мой ствол. В этом не было необходимости! К третьему, твердому, ощупывающему лизанию моей уздечки я больше не мог сдерживаться и закричал, откинув голову назад, подталкивая свое тело к нему, вонзая свой член глубоко в его рот. Когда я почувствовал, как моя головка прижалась к его горлу, мои яички, казалось, судорожно сжались во мне, и моя сперма начала извергаться в него!

Я подался вперед, как будто меня хлестнули, и оперся руками о его спину, прижимая его к себе. Я почувствовал, как он давится, когда моя сперма брызнула снова и снова, поэтому я ослабил хватку и позволил ему начать отступать. Он отодвинулся и позволил моему члену выскользнуть из его рта, но затем использовал свои руки, чтобы направить мою все еще истекающую сперму на его лицо.

Это было самое похотливое зрелище за все время моего опыта, бессмысленное проявление его желания угодить мне, когда он позволил моей сперме забрызгать его нос, щеки и подбородок. Капли спермы потекли из его рта. Он не глотал его. Он посмотрел на меня и ухмыльнулся, затем поднес правую руку ко рту и вытолкнул всю мою сперму себе на ладонь.

- Дементио, мисмо! - он приказал.

Другой мой мальчик, очевидно, был молчаливым и терпеливым свидетелем минета. Теперь я понял, что он стоит рядом, протягивая деревянный фаллос.

- Можно, Мистер?- Спросил меня Роландо, взяв фаллос и указывая рукой, наполненной моей спермой, на древяк деревянного члена. Он уже выглядел скользким от крема, который, должно быть, наложил на него Деметрио, поэтому Роландо хотел не смазочного эффекта моей спермы.

- Я. .. Ролан. ..!- Я заикалась, так сильно желая поддаться каждому желанию этого парня, но даже в моем лихорадочном состоянии, я знал, что он хотел трахнуть себя снова, с моей спермой, смазывающей его фальшивый фаллос. Даже если он не мог иметь меня внутри себя, неужели он так отчаянно хотел моего семени? Но... это было для Уишиса, и только для Уишиса!

Он увидел на моем лице отвращение и шок.

- А, понятно, мистер. Это действительно только для своего парня? - он улыбнулся, ничуть не расстроенный моей реакцией. - Ты имеете в виду то, что говорите, не так ли, мистер? Ты говоришь правду.

- Ролан. .. Я. .. - все еще ошеломленный, я просто не мог пробраться через этот лабиринт. Был ли такая глубина в каждом действии этого мальчика? По правде говоря, он был прав. По правде говоря, я не шутил, когда говорил, что мое семя предназначено только для Уиши. По правде говоря, я не шутил, когда говорил, что позабочусь о Роландо и Деметрио.

Этот двенадцатилетний мальчик обладал силой вознести меня к высотам, где я мог парить, он поднимал меня телесно и духовно. Он был не просто опытной проституткой. Более чем опытная куртизанка. Даже больше, чем мальчик в беде.

- Что. .. вы...?- Спросила я вслух, давая волю своим мыслям.

Он, казалось, понял, даже не колеблясь в своем ответе.

- Просто мальчик, мистер. Позаботься обо мне и Метрио. Теперь мы тебе доверяем. Полностью.

Он снова улыбнулся мне, затем опустил руку на край одеяла и вытер мою сперму там. Затем он потянулся к своему лицу и начал вытирать капающую сперму. Я потянулся к его щеке и помог ему.

- Мне тоже нужна любовь, Мистер, - сказал он, поднимая длинный деревянный фаллос. Его улыбка смягчилась, когда он сосредоточился на инструменте.

- Ты даришь мне одну любовь, а я найду другую. Но сейчас ты снова pomoжешь мне, Мистер. У меня тоже было три долгих дня. Мне нужно чувствовать ... этот... внутри меня, снова!

- А ты знаешь ... мисс... Большой Джон ... Роландо?- Глупо спросил я.

- Нет. Я хочу этого во мне, потому что мне это нужно. Я должен его получить, мистер. Есть кое-кто для меня, мистер. Ты pomoжешь мне найти его, я знаю. Когда-нибудь это будет он! Пожалуйста, поторопитесь! Он наклонился вперед на одеяле, положил на него свободную руку, приподнялся, приподнял ягодицы и прижал фаллос к боку и помахал им с нетерпением.

Я опомнился и поспешил принять прежнее положение, быстро подползая, чтобы опуститься на колени позади его приподнятых ягодиц. Я взял у него фаллос, даже не взглянув на него. Мои глаза были прикованы к его обнаженным и открытым ягодицам, гладкая, светло-коричневая трещина спускалась к темному кольцу ануса.

Я почувствовал, как мой пенис снова затвердел, через несколько мгновений после оргазма. Вид Роландо, лежащего в этой позе, положив обе руки на одеяло, спиной к земле, опустив голову и нетерпеливо покачивая ею из стороны в сторону, заставил меня покраснеть от желания угодить ему, услужить ему. Я почувствовал, как во мне закипает адреналин.

- Теперь быстро!- он окликнул меня. Я слышал отчаяние в его умоляющем тоне, потребность.

- Как.. в какую сторону, Ролан? - спросила я, все еще не опытный в том, как использовать инструмент к его величайшему удовольствию.

- Как будто ты меня трахаешь, мистер! Воткни его быстрее. Я готов к этому! Я хочу чувствовать его во мне! Глубоко во мне. Сейчас же!

Я быстро поднес головку деревянного пениса к анусу Роландо и заметил, что его собственный маленький пенис безвольно свисает между ног, болтаясь в такт его яйцам, при каждом движении. Должно быть, он был настолько сосредоточен на своем желании, что потерял эрекцию. Я немедленно вошел, повинуясь его команде.

Я почувствовал, как он оттолкнулся, и деревянная головка легко скользнула внутрь мальчика. Его спина напряглась, голова поднялась. Я услышал, как он судорожно вздохнул, потом задержал дыхание. Я остановилась, думая дать ему привыкнуть к этому ощущению, но он, прерывисто дыша, приказал мне: "Тужиться". Тужься! Тужься!"

Держась обеими руками за огромные яички фаллоса, я продвинулся глубже, чувствуя лишь легкое сопротивление, когда проход Роландо принял незваного гостя. Он застонал, когда член проник в его особое место. «Будет ли у Уишиса это особое место?» - удивился я.

Я продвигался все глубже и глубже, пока не достиг шести или семи дюймов десятидюймового фаллоса внутри мальчика. Сопротивление, казалось, внезапно возросло, поэтому я остановился. Тишина и покой были полны и абсолютны. Деметрио неподвижно стоял перед Роландо. Я опустился на колени позади него, зачарованный мыслью о вырезанной головке могучего фаллоса, погребенного глубоко в кишках послушного мальчика. На мгновение он замер. Я даже не слышал его дыхания.

- Трахни меня, - хрипло прошептал он. Я увидел, что руки у него затекли и что он вцепился в одеяло кулаками. Костяшки пальцев побелели от напряжения.
- Трахни меня!- умолял он громче.

Я сглотнул, понимая, что тоже застыл на месте, ожидая его реакции. Начав медленно, я вытаскивал фаллос на пару дюймов, наблюдая, как край его ануса, который скользнул внутрь, вместе с проникновением фаллоса, теперь вытаскивал. Даже сквозь темную, бронзовую кожу я видел, что его анус покраснел, напрягаясь, чтобы схватить инструмент по всей окружности, напрягаясь, чтобы втянуть его обратно, даже когда я вытаскивал его. Потом толкнул.

"О, дааааа!"- он застонал. Он снова попытался оттолкнуться, когда я толкнул фаллос внутрь, но теперь фаллос внутри него был под контролем, и его тело качнулось вперед вместе с ним, когда я снова погрузил его, почти на семь дюймов глубоко в него.

- Быстрее, мистер!- умолял он.

Так что я ускорил движение, первый вывод, затем нажать на штырь, в , из, в, из, в. Чувствуя, как все его тело поддается поршневному движению, я бессознательно начал качать и свое тело. Я все еще стоял на коленях, но выпрямившись. Мой член был как шомпол. Он имитировал мужественность вечно твердого деревянного инструмента.

Я трепетал от каждого стога и вдоха Роландо, помогая ему вернуть чувство, без которого он явно не хотел жить. Я наполнял его, вводил в него фаллос. Его мужчина, опосредованно, символически. Я начал воображать, что делаю это по-настоящему, с моими желаниями. Заменяю деревянный инструмент своей плотью, вонзаюсь в него, слышу его стоны и вздохи удовольствия, желания, потребности!

Я высвободил одну руку из фаллоса и обхватил бедро Роландо, помогая оттягивать его слабеющее тело назад с каждым гребаным ударом.

Он был Уишис горячая плоть, что я чувствовал! Кончики моих пальцев соприкоснулись с висящим пенисом Роландо. Он был пенис Уишиса, я начал его гладить, вытягивая его, мять его, делая его слишком твердым! Я начал дробить ему, рассчитывая каждый удар погружением фаллоса глубоко в него! Он издал сдавленный, почти жалобный крик всепоглощающего экстаза.

Его крик полностью освободил мою любовь. Я знал, что он хочет, чтобы я наполнила его своим семенем. Я чувствовал, как мой фаллос пульсирует в нем. Даже когда я вошёл глубоко в него, я почувствовал, как его тело внезапно напряглось, заставляя меня прекратить трахаться с ним, когда ощущения взорвались внутри него, и он закричал во весь голос, крича от радости, чтобы все услышали.

Почти сам по себе я почувствовал, как деревянный фаллос начал выниматься из ножен, поэтому я осторожно, с любовью вытаскивал его, теперь держа Роландо другой рукой. Судя по всему, он сделал ложный выпад в оргазме.

Его руки безвольно повисли на одеялах, блестящие черные волосы скрывали от меня его лицо.

Его анус оставался открытым, слегка подергиваясь, как будто почувствовав внезапную пустоту внутри и желая, чтобы фаллос вернулся в него. Я заметил капельки спермы на его ягодицах и с удивлением посмотрел на свой собственный, теперь уже размягчающийся пенис. Семя текло из моей головки. Я тоже кончил? Неужели одна только мысль о том, чтобы заняться любовью с моим собственным желанием, заставила меня кончить?

Нежно-нежно укладывая Роландо на одеяла, я закрыл глаза и представил себе моего дорогого Уишиса. О, если бы он только мог почувствовать мою любовь, прямо сейчас.

Уишис сидел спиной к нагретой солнцем каменной стене своей башни, и выпустили его сырым и покалывание пениса. Он рассмеялся. Сегодня он дробил уже в третий раз. Он поймал себя на том, что все время играет с пиписькой, с тех самых пор, как обнаружил, что может вытаскивать крайнюю плоть из своей луковичной головки.

Ничто не доставляло ему такого удовольствия, как эти мгновения, когда он чувствовал, как внутри него нарастает напряжение, сосредоточенное вокруг его пипки и его маленьких шариков, но, казалось, везде, сразу! Теперь это был его единственный источник удовольствия, на мгновение освободивший его от постоянной тоски по Тегу. Он стоически переносил каждый день. Еды было достаточно, так что он не был голоден. Погода была хорошая, значит, ему не было холодно. Но он задавался вопросом, Может ли мальчик умереть от одиночества.

Только когда он дробил, как учил его Тег, он чувствовал себя хорошо. На некоторое время. В эти моменты сильных ощущений он представлял себе Тега рядом с ним, прикасающегося к нему, целующего его. О, просто быть с ним!

Поэтому его рука часто блуждала по пенису. Сегодня он чувствовал себя особенно ... непослушный... экспериментальный. В большинстве случаев он дробил, ощупывая анус другой рукой, но сегодня ему вдруг пришёл в голову мысль ... что, если бы он мог положить туда что-то еще, кроме пальца?! Было бы лучше, если бы он был больше ... дольше?

Он посмотрел вниз и лениво потрогал свою коллекцию возможных заменителей пальцев. У него еще не хватило смелости воспользоваться им, но он хотел! Если так приятно ощущать, как его палец скользит туда-сюда, втирается и выкачивается, почему бы не почувствовать себя еще лучше с этим гладким, затвердевшим початком кукурузы, который он принес из подвала? Или ручка щетки?

Он взял щетку и принялся лениво полировать ее гладкую ручку из слоновой кости тканью ночной рубашки. Она определенно была длиннее его пальца. И, конечно, больше вокруг! В два раза больше. Поместится ли она в нем? Она была гладкой, с закругленным концом. Около шести дюймов длиной? Эй, только немного короче, чем пипи Тега, когда он становился твердым и длинным!

Уишис перестал полировать и уставился на ручку щетки, внезапно ощутив покалывание внутри, но на этот раз в груди. Его дыхание внезапно участилось, и он почувствовал, что краснеет. Он был

меньше, чем член Тега, но не настолько. Если бы он мог получить ручку щетки внутри себя, когда он дрочил..

«Но... но... положил бы Тег свою штуку туда? Что, если что, если бы - он сейчас лег на спину и что, если Тег перелезет через него и ... - он поднял ноги и

Уишис закрыл глаза, представляя себе такой момент. В уголках его глаз появились слезы. Почему это не может произойти сейчас? Все, чего он хотел, это чтобы Тег был здесь сейчас! Если бы он был здесь, он бы ... сделать это?

Уишис улегся на теплом крыльце своей шаманской башни и задрал ночную рубашку до пояса. Он повернул бедра, открывая доступ к ягодицам, и осторожно провел гладким концом щетки по трещине между ягодицами. Она была немного холодной, по крайней мере, холоднее, чем его плоть, но он чувствовал себя хорошо. Когда он положил кончик прямо на анус и поднял ручку, чтобы держать его прямо из отверстия, его другая рука снова нашла его эрегированный пенис.

Он закрыл глаза, приступая к уже знакомому ритуалу, стягивая крайнюю плоть с головки, а затем позволяя ей соскользнуть назад-только начало того чувства, которое, как он знал, возникнет в его пенисе. Он всегда представлял себе там руку Тега. Он покажет Тегу свой новообретенный член и позволит ему скользить по нему мягкой кожей. Тег знал бы, когда начать делать движение более ритмичным, более длинным, потирая весь свой пипи. Положил бы Тег туда свой большой пипи? Будет ли он давить?

Уишис медленно покрутил ручку щетки, слегка нажимая на нее, представляя, как Тег нависает над ним. Удивляться, мечтать ... сделает ли это для него Тег? Он планировал рассказать Тегу о том, как использовал там свой палец, и как это было приятно, но сейчас ... возможно ли то, о чем он сейчас думает? Сделает ли Тег это для него ?..?

Уишис позволил себе помечтать. Когда кончик ручки щетки вошел в его туго натянутое анальное кольцо, он вздохнул, наслаждаясь ощущением.

Теперь над ним нависал Тег. Тег нежно поглаживал его по головке. И это был Тег ... наполнял его

Глава 5

К полудню мы добрались до Элизабеттауна и двинулись по скользким от грязи улицам-стокам гидравлических шахт, разрывавших овраги над городом. На нем было написано: "Город-призрак будущего", магазины с фальшивыми фасадами, несколько ресторанов в палатке и никаких признаков муниципального планирования. Похоже, это был процветающий город. Суждено смыть или сдуть, как только мины высохнут.

Мы нашли дорогу к дому моего друга. Он жил недалеко от окраины города, в районе, очевидно, претендующем на более престижное звание. Профессионалы вроде Билла, возможно, инженеры или владельцы шахт, которые либо сделали его богатым, либо, по крайней мере, настояли на том, чтобы Элизабеттаун был их домом. Никаких заборов с зелеными лужайками, но, по крайней мере, дом Сандерса представлял собой солидную, в мексиканском стиле гасиенду с глинобитным фасадом и арочным входом, расположенную прямо на грунтовой дороге. Арка вела в маленький дворик. С одной стороны виднелись конюшни, возможно, кухня и помещение для прислуги, а справа, без сомнения, гостиная Сандерса. В этой части дома вдоль стены тянулись узкие цветочные клумбы, а крыльцо с решетчатыми стенами было увито вьющимися розами.

Вышел маленький, сухонький старик-мексиканец вышел из конюшни. Я подозреваю, что за многие годы он повидал все это, потому что едва взглянул на Деметрио и Роландо с удивлением и сказал мне просто: "Buenas días, сеньор".

Возможно, по привычке мальчики последовали за стариком, когда мы спешили, он взял поводья и направился к конюшне. Я уже собирался позвать их обратно, когда из резиденции выскочил Билл Сандерс, выкрикивая приветствие. Это остановило их, и я прижал их к себе, по одному с каждой стороны.

Когда я впервые подняла глаза, Билл улыбался той небрежной, не вызывающей улыбкой, к которой я так привыкла. Он побледнел, и маска упала на его лицо, когда он увидел двух маленьких мальчиков, которых я тащил за собой. Я не подумал, как он может испугаться, увидев Роландо и Деметрио после того, как потерял своего Джоя.

Я никогда не видел Билла таким ... нервный, беспокойный. И вдруг, так неожиданно сдержанный. Даже когда я навестил его на похоронах жены и заметил, как он отдалился от собственного сына Джоя.

Он неловко протянул мне руку и хриплым от нервного напряжения голосом произнес : - Тэглин". Еще более неловко, он подошел ближе, и мы обнялись. Я заметил, что он нерешительно смотрит на Роландо слева от меня. Мимолетный взгляд, как будто он боялся задержать взгляд на лице мальчика. А потом еще один, как будто его глаза были как мотылек, привлеченный пламенем.

Билл быстро взял себя в руки и посмотрел мне прямо в глаза, положив руки мне на плечи.
- Не знаю, как и благодарить тебя за то, что ты ответил на мой вызов, Тег. Я ужасно волновалась за Джоуи, и мне ничего не оставалось, как ждать

- Ты знал, что я приду, Билл, - сказала я, когда мы снова обнялись.
Затем, отступив назад, я приступил к делу: "есть новости от властей?"

"Власти? О. .. ах. .. нет, Тег ... Я, ах, не мог сообщить ... этот...."

- Черт возьми, что ты говоришь!- Я был ошеломлен. - Что ты имеешь в виду? ...

- Тег! - он прервал мое увещевание, подняв обе руки и покачав головой; губы его были так плотно сжаты, что мне показалось, он вот-вот заплачет. Мрачное выражение его лица, внезапно посеребрившегося, сказало мне, что у него были свои причины. Я предполагал, что скоро узнаю.
- Я. .. Я тебе все расскажу, Тег ... ах, - сказал он, опустив глаза в землю, выходя испуганным, обиженным, смущенным. Он рассеянно поковырял сапогом затвердевшую глинобитную поверхность двора, затем, казалось, к нему вернулось чувство времени и места.

Подняв глаза, он сказал с натянутой веселостью и фальшивой улыбкой: «Идем... Тег, И... и... ваши ребята. .. конечно...». Он взглянул на мальчиков и сделал им знак выйти вперед. Быстро, нервно он повернулся и, наклонившись, крепко обнял Деметрио за плечи, чтобы проводить его в дом.

Он начал делать то же самое для Роландо, но я увидел, как его рука нерешительно зависла над плечом старшего мальчика, а затем отпрянула. Его застенчивость удивила меня, потому что Билл Сандерс всегда был общительным. «Рубаха парень». И все же я заметил в нем такую же нерешительность и сдержанность, когда ездил на восток на похороны его жены, а он, казалось, не мог или не хотел даже прикоснуться к собственному сыну. Что-то в этой трагедии, и это, что заставило его отказаться от проявления привязанности?

Я последовал за ними по ступенькам в его дом, удивляясь странной новости о том, что власти не были проинформированы о похищении Джоуи, и встревоженный явным дискомфортом Билла с Роландо, по крайней мере. Я вдруг испугался, что мне придется искать для них другое жилье. Какое-нибудь другое убежище. Мысль о том, чтобы упаковать их в поезд и отправить в Бостон, пугала. Но Уишис отправился с Востока один. Так что я знал, что они тоже могут. Черт!

- Ты... солгал мне, Билл, - тихо сказал Я двадцать минут спустя. Мне пришлось сделать глубокий вдох на середине фразы, из чистого, ошеломленного ужаса и недоверия.

Первым моим побуждением был гнев, но потом, если бы не телеграмма Билла, я бы никогда не встретился со своим желанием. Поэтому я искал что-то, на что мог бы справедливо рассердиться.

- А теперь давайте разберемся. Ты нанял

- Нет, я его не нанимал. Его прислали из Йеля. Он изучал инженерное дело

Я подняла руку, чтобы он остановился, давая себе время подумать. Слава богу, мальчики были где-то в доме, возможно, на кухне, их кормили. Экономка Билла начала ухаживать за ними, как только увидел. Единственное светлое пятно за последние двадцать минут.

Когда она вошла, и я увидел, что у Сандерса была красивая молодая мексиканка в доме как домработница, я сделал очевидный вывод, и заметил с леера, и понимающе кивнул головой в сторону ее удаляющейся фигуре: "я вижу, что ты подружился в плане женского общества, Билл.» Он выглядел ошеломленным и тут же покраснел, когда я увидел, что он украдкой бросил еще один взгляд на Роландо, а затем загадочно ответил: «Если бы это было так, Тег.»

Он уронил подбородок на грудь и уныло продолжал, качая головой: «если бы это было так. Ничего бы этого не случилось.»

Не тот Билл Сандерс, которого я всегда знал. Его взгляды на Роландо были украдкой, бегло, но почти бессознательно очевидны, как будто он потерял контроль над собой. Я мог только думать, что каким-то образом 12-летний напомнил ему о Джоуи.

Он рассказал мне эту историю. Зачем меня вызвали, Что случилось с Джоуи. Я слушал, ошеломленный, не веря своим ушам. Желая разозлиться, но только еще больше запутавшись в невероятной картине, которую нарисовал Билл.

- Хорошо, сейчас. Этот индеец ... о, вот первая твоя ложь. - Я поднял указательный палец, раскачивая его - Этот индеец, скорее наполовину индеец был не из племени команчей, а из одного из цивилизованных племен, из очень заселенной части территории Оклахомы. Устроился настолько, что его отправили в Йель!

- Два! - Я поднял еще один палец. - Тебе не нужен следопыт. Ты знаешь, откуда он родом! А теперь, черт побери, Билл, какого черта я тебе здесь понадобился? Я начинал злиться, даже зная, что это бессмысленно. Слава богу, он солгал мне. Я просто не мог понять своего лучшего друга, кого я знал с тех пор, как мы были детьми в Бостоне, с кем я жил в одной комнате в Йеле, с кем я стоял на его свадьбе и похоронах его жены-я не мог понять, как он мог лгать мне.

- Я же говорил тебе, Тег, - ответил Билл, все еще глядя вниз и качая головой, словно стыдясь. - Я ... не могу....

- Да, да, да, я слышал. Ты не можешь просто запрыгнуть в поезд в Ратоне и отправиться туда из-за того, что может сделать Джоуи. О да, это потребует некоторых объяснений, Билл. Ты его отец, черт возьми! Это было достаточно плохо во время похорон, но теперь, неужели ты действительно не заботишься о Джоуи? Объясните мне, почему ты не связались с властями и не посадили этого полукровка в тюрьму? И вернуть сына?!

Нет, я имел богатого юнца за дымом, наконец. Не потому, что меня притащили сюда с ложью, а потому, что действия моего друга по отношению к собственному сыну казались в лучшем случае странными, а в худшем отсталыми, даже безразличными.

- Что, ты не можешь оторваться от своей мексиканской шлюхи, чтобы пойти за собственным сыном?- Я сказал самую возмутительную вещь, какую только мог придумать, и тут же пожалел об этом. Я покраснел, понимая, что поступил несправедливо по отношению к Биллу, его экономке и даже к Роландо и Деметрию. Я только что вытаскивал их из ситуации, когда Роландо держали как шлюху, для всех практических целей. Я знаю, что Билл Сандерс не был Большим Джоном Смолли, и у меня не было ни права, ни причины клеветать на его экономку.

Билл не дал мне возможности извиниться. Он ударил кулаком по столу и быстро поднялся со стула. Сердито, но без малейшего признака ненависти-просто чистая мука-он закричал: - И я никогда не смогу это объяснить!

Потом он рухнул на стул, закрыл лицо руками и разрыдался.

С минуту я стоял молча, все еще ошеломленный. Еще больше ошеломлен!

- Я прошу прощения у миссис Мартинес, - процедила я сквозь зубы. - Я не имел права говорить о ней то, что сказал. Я не извиняюсь перед тобой, Билл. А теперь я пойду за припасами, которые мне понадобятся, чтобы добраться до Джоуи. Надеюсь, ты сможешь все объяснить, когда я вернусь.

Он даже не поднял глаз, когда я повернулся и вышел. Я велел старику в конюшне сообщить моим мальчикам, что скоро вернусь, и направился в город.

Зрелище, которое я увидел, вернувшись несколько часов спустя, было, конечно, неожиданным.

На этот раз миссис Мартинес встретила меня в дверях и сказала, что Сандерс и мои мальчики в саду. Она провела меня через холл, взяв на себя заботу о вещах, которые я оставил в фойе. В доме стояла мертвая тишина, как и положено поздним вечером, сразу после сиесты, с толстыми глинобитными стенами. Я прошел через гостиную в кабинет и увидел Роландо в саду, через застекленную дверь в левой стене комнаты.

Из-за яркого света снаружи кабинет казался темным, но прямо у стены, рядом с дверью, стоял Билл, словно прячась от мальчиков в саду. Полностью сосредоточившись на происходящем снаружи, он не почувствовал моего присутствия в другом дверном проеме, и по какой-то причине я остановился как вкопанный.

Ну, я знаю причину. У каждого есть те воспоминания, когда они что-то видят, и это мгновенно проходит через их разум, что они видели это раньше, переживали это раньше, были здесь раньше. Вот что случилось со мной.

Здесь был Билл Сандерс, мой самый близкий и близкий друг с тех пор, как мы были детьми в Бостоне, во время учебы в колледже и даже после того, как я уехал на Запад. Стоя вне поля зрения снаружи, вглядываясь через дверной проем в Роландо и Деметрио. Я тут же вспомнил, как много лет назад, еще в колледже, он стоял в тени, чуть поодаль от окна нашей комнаты, глядя на какие-то семьи, собиравшиеся в торговом центре. Стоя так тихо, задумчиво и напряженно наблюдая, как сейчас ... с эрекцией, выступающей из штанов ... как и сейчас.

Тогда я сам смотрел на торговый центр и видел, как мальчики и девочки играют вокруг своих родителей, укрывшись одеялами для пикника. Рядом стояли и разговаривали две студентки, одна из них-его будущая жена. Мальчики привлекли мое внимание, особенно один темноволосый малыш без рубашки!

У меня самого был стояк, тогда и там, но я подумал, что Билл смотрит на тех девушек из колледжа.

Много лет спустя, после похорон, я снова видел Билла таким. Почему выжившие после смерти всегда собираются после похорон, чтобы поговорить, поесть, посмеяться, поиграть? Ну, это то, что семья Билла делала на заднем дворе его дома. Я застыл, глядя на Джоуи, который резвился со своими маленькими кузенами. У него снова встал. Никаких сомнений. На его лице также был самая печальная маска, каждая линия его лица была сжата, нижняя губа дрожала от боли. Он явно следил за каждым движением Джо и пытался сдержать слезы. Я подумал, что он, должно быть, думает о своей дорогой жене или о потере, и это сильное чувство вызвало у него эрекцию.

Сильные чувства могут сделать это, я знал. Мужчины, мальчики, могут показать больше, чем просто сексуальное влечение через опухоль их пенисов. Видя, в каком состоянии Билл, я снова устыдилась себя, потому что мне тоже становилось все труднее смотреть на Джо, как я всегда делала рядом с ним, но не из-за непреодолимой печали.

Но теперь... В третий раз. Как я мог объяснить то, что видел? Билл Сандерс, левой рукой вцепившийся в дверной косяк, правой медленно полз по брюкам, пока пальцы не коснулись выступа инструмента.

Он смотрел прямо на Роландо, который сидел на скамейке рядом с небольшим фонтаном, похожий на Римского мальчика, созерцая судьбы, одна рука вытянута, чтобы поддержать его тело, ладонь опущена на скамейку, другая лениво, изящно перебирает его все еще длинные, черные волосы. В

профиль Роландо был просто ошеломляюще красив, солнечные лучи создавали ауру вокруг всего его тела, каждая его тонкая черта была четко очерчена. Его лицо было расслабленным, выражение мягким, не застенчивым, умиротворенным. Лицо Билла, напротив, снова исказилось, что могло быть печалью, но могло быть и печалью ... глубокое, жгучее, почти болезненное желание, которое я испытывал каждый раз, когда видел мальчика ... зная, что он не будет моим ... лицо ... жажда....

Внезапно все встало на свои места. Эрекция Билла. Его эмоции, как сейчас, так и в прошлом, в тех других случаях. И тут я вспомнил наше детство. Никто из нас ни разу не упомянул об интересе к девушке. Ни разу. Но никто из нас не проявлял интереса к другим мужчинам. Я вспомнил тот день, когда он рассказал мне о своих планах на будущее, о своем решении жениться ... Я вспомнил слезы в его глазах, когда он рассказывал мне об этом. Как будто, решая судьбу с женой, он отказывал себе в каком-то другом, большем желании. Я вспомнил, как ругал его через две недели после похорон жены, потому что он, казалось, почти боялся общаться с Джоуи ... И его ответ, что я никогда не узнаю, через что он проходит, что я никогда не пойму, почему он не может быть тем отцом, которым хочет быть.

Все встало на свои места. Теперь я понял. Мы с Биллом Сандерсом всегда делились больше, чем когда-либо знали.

-Так и есть ... он такой красивый, правда? = Наконец я нарушил молчание и дал ему понять, что присутствую, говоря так тихо и благоговейно. Как еще я мог говорить о Роландо?

- Да, он я ...- Билл начал было отвечать, но тут же понял, что обращается не к себе, а ко мне. Он отшатнулся, потрясенный, потрясенный собой. Я прочел страх и смятение на его лице. Он просто смотрел на меня, ошеломленный, ничего не говоря, его глаза округлились от страха перед тем, что я скажу. Потом, спотыкаясь, подошел к столу, упал в кресло и опустил голову, обхватив ее руками.

Я почувствовал, что дрожу. За исключением Уишиса, Роландо и, возможно, Деметрио, если он вообще что-то понимал, я собирался впервые открыть свою любовь другому человеку. За моего лучшего друга. В другой мальчишколюб. Я был уверен, что это ответ на то, через что Билл проходил в течение многих лет. Ответ на все те вещи, которые я видел и никогда не понимал в нем. Меня переполняла печаль, что мы упустили годы и годы, в течение которых мы могли поддерживать и понимать друг друга, но я также был взволнован тем, что, наконец, я мог рассказать другому мужчине о своей любви к мальчикам.

Судя по его виду, Билл тоже нуждался в освобождении.

Я вошёл в комнату и встал у двери, ведущей в сад, почти так же, как Билл несколько секунд назад. Мы собирались поговорить о мальчиках. О любви к мальчикам. Передо мной стоял один из самых красивых, замечательных мальчиков, каких только можно себе представить. Я хотел видеть его, пока мы разговаривали. Так и будет ... например, представлять интересы всех мальчиков

- Билл, подними голову со стола, - снова мягко приказал я.

- Я вижу то же, что и ты. Скажи мне, если это не то, что ты сейчас видишь, когда смотришь в свой сад.

- Он... твой смысл жизни. Он-воздух, которым ты дышишь. Священная земля, по которой ты ходишь, потому что его нога ступает туда же. Волосы, лоб, губы, плечи, руки ... его существо. ... определение красоты в этом мире. Его дух, его смех, его вздох ... это музыка, которая поднимает вашу душу. Он... мальчик. Мальчик!

Я замолчал, удивляясь собственной способности превращать поэзию в прозу. Потом я снова посмотрел на Роландо и понял почему. Даже если Билл Сандерс не был бойлавером, я был так счастлив, что я наконец-то сказал правду. Образ моего возлюбленного Уиши всплыл в моем сознании, я закрыл глаза, вздохнул и улыбнулся.

Я услышал, как Билл тихо всхлипывает за своим столом. Этого ответа было достаточно, чтобы я понял, что попал в цель.

Я посмотрел на него и увидел, что там изображена моя собственная многолетняя агония.

- Это все объясняет, Билл. Теперь я знаю, через что тебе пришлось пройти. Что произошло после того, как Маржерет умерла. Почему ты отдалилась от Джоуи. Почему ты боялся быть отцом, когда чувствовал нечто большее. Это также объясняет, почему он сбежал.

Он поднял голову и удивленно посмотрел на меня сквозь слезы.

- Это также объясняет, почему ты не позвонили в органы. Этот другой человек, этот индеец, дал Джоуи то, что ему было нужно, не так ли? Чего ты не хотели, потому что боялись. Джоуи ушел с ним добровольно, не так ли?

Билл втянул в долгий, остановив дыхание, и произнес: "Да. Как ты?"

- Смотри, Билл, - продолжал я, снова оборачиваясь к Роландо, который наклонился, чтобы поиграть с Деметрио, у которого на полу лежала какая-то игрушка. В кабинет ворвались их певучие голоса. - Нам нужно о многом поговорить."

Я повернулся к своему давнему, но только теперь понятому другу и снова вздохнул.

- Нам надо поговорить ... мальчики. Джоуи, Роландо и Деметрио ... мальчики.

Я медленно подошел к его столу и сел на стул с моей стороны.

Я больше не видел Роландо, но слышал его голос, и этого было достаточно. У меня на улице был мальчик, который напоминал мне о Уиши, и обо всех мальчиках, и напротив меня сидел мой друг, который теперь все поймет.

Билл смотрел на меня в почти ошеломленном молчании, его глаза были широко раскрыты, опухшие от слез. Я снова услышал его прерывистое дыхание, когда мои слова дошли до меня. Он был сильным человеком. Такой же волевой и умной, как все, кого я когда-либо знал. Сильный, но обремененный несправедливо навязанным обществом позором. Нам обоим нужно было поговорить, чтобы снять груз с наших плеч.

К тому времени, как мы с Биллом закончили разговор, я почувствовал себя легче, чем когда-либо в жизни. За исключением, когда в присутствии Уишис! Не было никаких препятствий. Мы говорили о наших мальчиках, и мы говорили о любви. Мы говорили и о подавлении и отрицании нашей любви к мальчику, и о том, что это начало нашей новой жизни.

Ну, Уишис был началом моей новой жизни, но я знаю, что дала Биллу много поводов для размышлений. Я рассказал ему о Уишисе и о Роландо.
Всё.

Он рассказал мне о Джоуи. Запретная любовь к собственному сыну и явная любовь, которую Джой нашел у своего индейца.

Мы расстались, когда я принял его миссию: найти Джоуи и вернуть его, чтобы они могли восстановить свои разрушенные отношения. Тогда они решат, как друг Джоуи-индеец будет вписываться в их жизнь.

Я давил на Билла с целью: создать дом для Роландо и Деметрио.
Он согласился все обдумать, пока я немного посплю, прежде чем уйти.

После недели в пути я спал как убитый и проснулся с ощущением, что каждый нерв в моем теле воспламенился, готовый снова пуститься в путь. Мне предстояло пройти еще много миль, уводя меня от Уишиса. Как больно!

Был поздний вечер. Я попросил, чтобы меня разбудили до десяти, поэтому решил, что еще рано. Убывающая Луна бросала мягкий свет в окно моей спальни. Я не стал зажигать лампу, а просто

поспешно собрал все свои пожитки и оттащил их в гостиную, где сидела миссис Уизли Мартинес упаковала и подготовила мои покупки.

Теперь надо было узнать, что решил Билл и не нужно ли мне послать телеграмму родителям на Восток о двух моих новых подопечных. Потом снова на тропу, к Джоуи и моим желаниям.

Я хотел крикнуть, но это было почти святотатством-нарушить мирное очарование лунного света, тишины и прохладного, неподвижного воздуха внутри глинобитных стен. Поэтому я решил тихо пройти по дому, пока не найду Сандерса. Я решил, что мои мальчики-надеюсь, его мальчики-крепко спят. С болью я вспомнил, что это был первый раз с тех пор, как я спас их, что мы не спали вместе. Я сожалел не о сексе. Я действительно полюбил этих двух мальчиков, во всех отношениях. Я чувствовал, что они ответили на мою любовь.

Не успел я сделать и нескольких шагов по кабинету, как услышал их приглушенные голоса. Низкий, глубокий, спокойный голос Сандерса и мелодичные мальчишеские голоса, отвечавшие ему тихим смехом.

Я остановилась, не желая прерывать его. Сердце мое радостно забилось. Может, мне все-таки не придется отсылать мальчиков?

Сквозь сетчатый экран я увидел Билла, сидящего на скамейке у фонтана. Он держал Деметрио на одном колене и лениво, ритмично покачивал его, нежно держа обеими руками за живот Метрио.

Я прочел сцену почти мгновенно. Это было довольно легко, так как я был там, где Билл Сандерс был сейчас, всего несколько дней назад.

Я разговариваю с Деметрио, Роландо в стороне, наблюдает ... и устраивает шоу. Обстановка был другой. Перед этим Роландо стоял по щиколотку в воде и задирает платье через голову, открывая свое гибкое тело. Его волосы были такими соблазнительными и окутывали его ореолом таинственности. Мальчик, открывающий себя целеустремленно, соблазнительно, из-под одежды девушки. Мальчик, зовущий меня, заставляющий меня смотреть на него, околдовывает меня.

Здесь, в почти классическом саду, похожем на Атриум римской виллы, я увидел, как произносят еще одно заклинание. На этот раз Билл был молчаливым свидетелем танца Роландо. Теперь вся тайна был раскрыта. Длинные волосы мальчика были острижены. Не было ничего, что могло бы скрыть его идеальные, мальчишеские черты.

Ничего, что могло бы скрыть изящество его узких, округлых плеч, ничего, что могло бы скрыть ямочки на спине или изящный изгиб поясницы.

Я видел, что, хотя Билл держал Деметрио, все его внимание было приковано к Роландо, стоявшему у фонтана. Он стоял в профиль к Биллу, сняв рубашку - теперь это был тряпка. Он грациозно, медленно окунул ее конец в фонтан, затем поднес к залитой лунным светом плоти. Сначала по обе стороны от его шеи - я затаил дыхание, увидев, как он снова встал на цыпочки и принес мокрую тряпку, чтобы успокоиться, - он сделал это с такой неосознанной грацией, что я вдруг понял: он делает это бессознательно.

Роландо был так невероятно красив, так благословен в своем совершенстве, что даже бессознательно каждое его движение, сама его поза были естественным выражением его красоты.

Да, я знал, что Роландо делает это целенаправленно, все еще занимаясь искусством куртизанки, которому его научила мать, но теперь я также знал, что он был гораздо больше, чем просто кокетка. Он был мальчиком в нужде, и мальчиком, который мог дать так много любви. Если бы он мог найти эту любовь в Билле Сандерсе, я не мог бы быть счастливее ни за одного из них.

В отличие от той ночи, когда он впервые разделся передо мной, Роландо заговорил. Я видел, как Билл вздрогнул при звуке мягкого голоса мальчика. Мне было знакомо и это чувство-почти оргазмический трепет оттого, что мальчик-Бог говорит с тобой, когда его сознание полностью настроено на величественное видение перед ним.

- Мистер Теглин рассказывал вам о нас? Его голос мягко разносился сквозь журчание фонтана.

- Да. .. Всё. - Билл ответил приглушенным, неуверенным тоном, как будто не был уверен в своем праве говорить в присутствии Бога. Деметрио внезапно замер на коленях у Билла, почувствовав, что, когда Роландо так говорит, это важно.

- Он сказал тебе ... обо мне? Ты знаешь, что у меня есть ... потребности
Руки Роландо замерли в воздухе. Я чувствовал напряжение, чувствовал чудовищность вопроса. Значит, у него все еще оставались сомнения и страхи. Он не полностью контролировал ситуацию. Он действительно нуждался в помощи. Мое сердце потянулось к нему. Кровь бросилась мне в голову. Не должен ли я выйти и заверить мальчика, что все будет в порядке?...

- Ролан.- Голос Билла стал сильнее, глубже, все еще приглушенный, но уже командующий. Я прислонилась к дверному косяку и заставил себя стоять неподвижно. - Можно Мне?.. могу я звать тебе, Ролан? Это такое красивое имя.

Он помолчал, ожидая ответа Роландо. Мальчик чуть повернул голову к Биллу, и я увидел его дрожащие губы, его попытку улыбнуться и сдержать слезы. Теперь уже не имело значения, что скажет Билл.

Тон его вопроса сказал Все. То, чего боялся Роландо. Возможно, насмешка, осуждение, отрицание его потребностей, отрицание его желаний, отказ - всё были рассеяны простым вопросом Билла. Я мог бы выбежать и поцеловать Билла, так я обрадовался!

Роландо выдохнул: «Даааа». Затем, казалось, ослабел, затем наклонился вперед к краю фонтана, чтобы собраться с силами. Он бросил рубашку в бассейн. Правой рукой он держался прямо, а другой откинул назад упавшие волосы, чтобы скрыть лицо, и заправил их за ухо. Я увидел влагу на его щеках. От слез.

Билл тоже их видел. Он ухватил Деметрио правой рукой, а левую протянул Роландо.

- Подойди.. Ролан. Садись со мной. Садись с нами.

Роландо снова вздохнул. Казалось, с этим вздохом он освободился от всех дней напряжения и сомнений. Возможно, даже месяцы, годы сомнений и страха. Когда он повернулся к Биллу и подошел к скамье, на его лице не осталось и следа лукавства. Он сел рядом с великаном, выглядя теперь таким невинным, с широко раскрытыми глазами и надеждой, как только может выглядеть мальчик. Он подвинулся ближе к Биллу, почти касаясь его, когда большая, сильная рука моего друга протянулась, сначала неуверенно, чтобы притянуть мальчика к себе. Для Билла это тоже был важный момент. Я видел, что, крепко обхватив рукой обнаженное тело Роландо, он наконец - то принял то, о чем мы говорили сегодня вечером, - что он наконец-то может принять и обнять свою любовь, что ему больше не нужно бороться с ней, что он может показать свою любовь к мальчику.

Роландо сидел вполоборота и прижимался к сильному телу Билла. Он хотел, чтобы его обняли, ему нужно было это простое выражение согласия. Потом он немного отодвинулся и посмотрел Биллу в лицо.

- Мистер, только я ...

- Теперь Роландо, - перебил его Билл. - Если мы собираемся ... жить вместе. .. Тебе не кажется, что ты должен звать меня ... по крайней мере... Билл?- Он помолчал, потом сказал чуть более неуверенно, хрипло - или ... Папа?

Глаза Роландо снова расширились. Как хорошо я знал эту ситуацию! Вот мальчик, которому нелегко доверять!

Он долго сидел, глядя Биллу в глаза, потом слегка кивнул и слегка улыбнулся в знак согласия: "хорошо, Билл ...Папа."

Билл крепче сжал тело Роландо и снова обнял его. Мальчик позволил себе слиться с более крупной фигурой мужчины.

Я больше не видел его лица, но слышал, как он продолжал: -Ты знаешь обо мне и Метрио, но ты хочешь дать нам дом?

- Да, - без колебаний ответил Билл.

-Ты делаешь это ради своего друга, Теглина? - "Ха! Значит, он все-таки знает мое имя! Упрямый маленький негодяй.»

- Я бы сделал для Тега все, что угодно, Роландо, но не только. Я хочу, чтобы ты был здесь. Я. ...

- Значит, ты делаешь это из жалости, потому что Теглин говорит тебе, что у нас ничего нет?

- Ну, это не совсем так, Ролан. С Тегом у тебя есть все, что тебе нужно. Это совсем не то. Я. ..."

Билл остановился. Я знал, что будет дальше. По крайней мере, я на это надеялась. Я научил его этому. Подтолкнул его к этому. Я знал, чего хочет Роландо. То, что ему нужно. Я также знал, что нужно Биллу, если он хочет исцелиться.

- Послушай, Ролан, это я ... нечто новое. .. для меня... быть честным о своих чувствах, поэтому ... но... с того момента, как я увидел тебя сегодня, я ... хотел, чтобы ты ... будь со мной ... Тег помог мне понять мои чувства, Ролан. Мне нужен сын - два сына! Мне нужно показать свою любовь, мне нужно ... вы... и я верю, что могу быть мужчиной, которого ты тоже хочешь. Отец, который тебе нужен ... и... больше...

пожалуйста, скажи, что останешься со мной. Пожалуйста, скажи мне, Ролан."

Билл внезапно снял Деметрио с колена и поставил его на землю, затем повернулся на скамейке лицом к Роландо, который удивленно смотрел на него. Билл взял обе руки мальчика в свои и поднес одну к губам.

- Я постараюсь быть всем, что тебе нужно и чего ты хочешь, Ролан. Ты можешь мне не верить, но это правда, что с того момента, как я увидел тебя, я полюбил тебя так, как никогда в жизни не мог себе представить! Я думаю, что любил тебя всю свою жизнь, и все, что я когда-либо делал, подготовило меня к этому моменту ... Я сделал так много ошибок, но если ты рискнешь со мной"

Роландо сидел с широко раскрытыми глазами, искренне удивленный признанием Билла. Я знал, каким будет его ответ. Билл так и сделал, когда мальчик прервал его речь, внезапно наклонившись вперед и поцеловав его в губы! Просто легкий стук, но на его лице была такая радость, когда он это сделал.

Деметрио хихикнул, как обычно молчаливый, доверчивый свидетель приключений своего брата.

Что касается меня, я знал, что моя работа сделана. То, что началось, когда я увидел, как Большой Джон жестоко шлепает маленького Деметрио, и когда я нашел Роландо, завершилось здесь. Теперь у мальчиков был хороший дом. Я был уверен, что Роландо нашел человека, который ему нужен.

Я ускользнула от двери, оставив их на всю оставшуюся жизнь. Билл Сандерс будет спать с Роландо по ночам и будет для него всем, чем я хочу быть для Уишиса.

Я прошелся по темным комнатам дома и наконец нашел миссис Уизли.

Родригес на кухне. Я передал ей сообщение для Билла и мальчиков и сказал, что отправляюсь немедленно. Затем я вернулся в свою комнату, собрал все свои вещи, и вышел в конюшню.

Седелные сумки были на месте, и я как раз собирался отвязать поводья, чтобы вывести лошадь наружу, когда Билл и мальчики вошли в конюшню, держась за руки. Я бы сказал "мальчики и Билл", потому что они вели его, как собак на поводке, торопливо таща за собой, чтобы найти меня.

Деметрио отпустил его руку и подбежал, чтобы обнять мою ногу. Я засмеялась, наклонился, подняла его и целовала в лицо, пока он не захихикал. - Веди себя хорошо, сопляк, - сказал я с напускной веселостью. Теперь я надеялась сдержать слезы.

- Я не знаю, что сказать, Тег, - серьезно сказал Билл. Мы посмотрели друг другу в глаза и обменялись рукопожатием. он притянул меня к себе для медвежьих объятий, затем оттолкнул. - Ни у кого не было лучшего друга. Я знал, что ты найдешь Джоуи для меня"

Теперь он начал задыхаться!

"Я .. никогда не мечтал ... даже ты мог бы принести мне такую радость, Тег ...- он замолчал, снова обнял обоих мальчиков за плечи и прижал к себе.

Все это время я чувствовал присутствие Роландо сильнее, чем кого-либо другого. Как может быть иначе для любого мужчины, тем более для меня, после того, что мы пережили вместе за последние несколько дней. По какой-то причине мне вдруг не хватило смелости посмотреть прямо на него ... пока он не заговорил.

12-летний мальчик, и его мягкие слова приказали нам обоим замолчать. Но мы оба любили его. Мы оба поклонялись земле, по которой он ходил.

- Теперь ты уходите, мистер?"

В конюшне мгновенно воцарилась тишина. Я взглянула на его безупречное лицо, затем застенчиво опустила голову, снова испытывая благоговейный страх, как часто делала в последние дни, наблюдая, слушая, прикасаясь и даже занимаясь с ним любовью.

"Гадать. .. думаю, да, Роландо, - пробормотала я, шаркая по земле ботинками. Как мне хотелось обнять его и поблагодарить за то, что он стал частью моей жизни! Спасибо ему за существование! Не знаю, почему я не смог этого сделать.

Черт возьми, я так близко общалась с этим мальчиком ... но сейчас я не мог смотреть ему в лицо. Что со мной не так? Я спас его. Я позаботился о нем. Я нашел для него новый дом .. я нашла для него человека, но не мог смотреть ему прямо в глаза прямо сейчас!

Никто из нас не произнес ни слова. Думаю, мы все четверо были на грани слез. Наконец Билл откашлялся, схватил поводья и повел мою лошадь. Он схватил меня за руку и тоже вывел наружу. Деметрио схватил меня за руку. Я чувствовал, что Роландо следует за нами.

Мы вышли на улицу, и я решил, что пора, поэтому я сел в седло и помахал рукой, надевая маску храброго, сильного человека. Не плачь!

Я уже собирался пришпорить коня и погнать его к старику, который открыл мне ворота, когда в последний раз услышал волшебный голос.

- Эй, ты!"

Ну, вот и все. Я ухватился за луку седла, надеясь, что это не будет слишком ловким маневром, и выскользнул из седла.

Сквозь слезы я оглянулась и увидел, что он стоит рука об руку с Биллом Сандерсом. Мужчина и его сын. И какой мальчик.

Его прекрасные щеки тоже были мокры от слез. Я видел, как крепко Он сжал руку Сандерса. Но он попытался улыбнуться слабой, искренней улыбкой, дрожащими красными губами. - Теглин!"он позвал. - Тег!"

- Да, милый, - выдал я из себя в ответ.

- Спасибо, Тег! Те АМО."

"Я тоже люблю тебя, дорогой. До свидания."

И снова я повернул коня и поскакал прочь от любимого мальчика.

Уиши проснулся в полной тишине и почти в полной темноте даже посреди ночи. - после полудня, в убежище в башне шамана. Большой камень, которым он запечатал дверь, был на месте, свечи догорели до Огарков. Сегодня утром он даже не хотел вставать с постели, поэтому, помочившись, вернулся в башню и лежал безжизненный, неподвижный в своем несчастье. Периоды крепкого сна чередовались с оцепенением сознания. Он потерял счет дням ... было 18, 20?

Почти три недели. Может, уже три недели.

Он чувствовал себя таким одиноким. Даже во сне. На этот раз не сон. Ничего, чтобы облегчить его полное ... одиночество. Если бы только во сне он мог видеть Тега, как видел его во сне весь день

Стеснение в груди, одиночество, сжимавшее сердце, было сейчас более болезненным, чем постоянный голод в животе.

Еды почти не осталось. Теперь он использовал только одну банку в день из тех, что спас от огня. Пара обугленных и распухших банок с помидорами и одна с соленой свининой, вокруг которой росла какая-то плесень.

Чувствуя, что вот-вот снова расплечется, он опустил руку к безжизненному пенису. Возможно, если бы он мог думать о чем-то другом. Как поцелуй Тега ...

Тег прижимал его к себе ... ощущение руки Тега, поглаживающей его лоб ... да, если бы он мог дрончить, он бы чувствовал себя лучше.

Он закрыл глаза. Даже в темноте, закрыв глаза, он иногда мог сосредоточиться на образе Тега. Образы возникали, но почему-то он не мог остановиться ни на одном из них. Они мелькали в его сознании, как будто недостаточно сильные, чтобы быть реальными для него. Он погладил свой вялый член, пытаясь заставить его затвердеть. Он закрыл глаза плотнее, но ... он чувствовал тесноты в горле ... О Боже, как он скучал по Тегу и

- О Тег, мне так одиноко здесь. Я чувствую, что ты уедешь от меня навсегда, и никогда не вернешься!"

Он почувствовал, как онемели. Мертвый в его пенисе, мертвый в его разуме. Он терял магию ... если Тег не вернется в ближайшее время ... он просто не хотел жить

Уишис опустил руку свободной от его петушка. Его крайняя плоть лежала мягко и сомкнулась вокруг головки, его член отказывался набухать, чтобы удовлетворить его потребность.

Он повернулся на бок, лицом к каменной стене своей башни, и позволил слезам беспрепятственно течь по щекам, впитываясь в одеяла.

Большой Джон пинком распахнул дверь салуна и, пошатываясь, вышел на пыльную главную улицу Миранды. Ему было все равно, что он повернулся спиной ко всем этим деревенщинам внутри. Там не было позвоночника, можно найти в этом городе, уж во всяком случае не один достаточно храбр, чтобы стрелять Большой Джон Смолли в спину.

Итак, в какую сторону? Вернуться на ранчо к ужину и еще одной ночи размышлений ... без Роландо? Или, наконец, отправиться на поиски человека, который его похитил? Сколько раз за последнюю неделю он стоял здесь, пытаясь решить.

Каждый день он собирал седельные сумки, приезжал в город, напивался и возвращался домой.

Он глубоко вздохнул, пытаясь очистить разум.

Не в этот раз. На этот раз он не вернется в пустой дом. Он должен найти этого человека. Или у него дома. Так или иначе, этот ублюдок должен заплатить.

Он посмотрел на запад, в сторону Черной горной тропы. Вот куда он должен был пойти.

Иииииииии ... Бах!

Мои глаза открылись еще до того, как дверь захлопнулась. Я заставил себя не поднимать голову. Люди входили и выходили из дома весь день, хлопая сетчатой дверью. Этот, должно быть, в задней части дома, так как звук был немного слабее.

Я осторожно поднял голову, чтобы выглянуть из-за высокой траты на опушке леса, окружавшего дом, когда услышал крик. Детский крик. Возможно, мальчика.

Джоуи?

Я еще не видел его, но тропа вела сюда, как и указания, которые дал мне Билл Сандерс. Хороший, ухоженный фермерский дом, двухэтажный, с верандой вокруг. Ну, я не видел спину, но она шла с трех сторон. В "цивилизованной индейской" части территории Оклахомы. Несомненно, эти люди были очень преуспевающими. Если бы Джоуи был здесь, он бы не страдал.

Иииииииии ... Бах! Снова задняя дверь. Я уже двинулся назад, в лес, чтобы обойти дом сзади, когда услышал сердитый мужской голос. И снова крики мальчика.

У меня в животе все оборвалось, и я почувствовал, как меня охватывает страх.

Билл думал, что Джоуи пошел со своим ... человек, добровольно. Если да, то были ли его крики признаком того, что все пошло не так?

Я должен был знать. Встав на четвереньки, я снова посмотрел на крики и увидел маленькую фигурку, мелькнувшую в поле моего зрения между домом и сараем, направляющуюся к лесу. Он непрерывно визжал и кричал, потом замолчал, как будто вошел в лес.

Мужчина кричал что-то вроде: "Я тебя достану. Ты заплатишь за это."

Он тоже вскоре замолчал, но когда я сам добрался до леса, то услышал, как мальчик и мужчина кричат вдалеке. Они не сомневались, что идут по следу и быстро. Теперь, когда с поляны меня не было видно, я со всех ног помчался через густой подлесок, надеясь напасть на их след, стараясь не шуметь, потому что под ногами хрустели сухие ветки, одежда свисала с плеч и вырывалась из цепких шипов лиан кошачьего когтя, а ветки вырывались из моих рук, когда я бросался вперед сломя голову.

Полог был достаточно густым, чтобы покрыть землю густыми тенями, даже при ясном небе и солнце все еще стояло высоко в полдень, но я мог видеть достаточно ясно над низким подлеском.

Вглядываясь в крики, я увидел фигуру человека, который гнался за мальчиком. Они, должно быть, шли по следу, потому что он бежал во весь опор и быстро удалялся от меня.

Вместо того чтобы последовать за ним, я свернул вправо. Мой единственный шанс догнать их до того, как он успеет причинить вред мальчику, - добраться до тропы.

Вскоре я наткнулся на него, но не раньше, чем понял, что они обогнали меня на 50 ярдов на полной скорости. Поэтому, быстро оглянувшись на тропинку, ведущую к дому, чтобы посмотреть, нужно ли мне прикрывать спину, я побежал за ними. Тропа казалась хорошо протоптанной, хотя и не широкой. Конечно, не по дороге и не верхом.

Лес состоял в основном из дубов и кизила. Теперь, когда мне не нужно было освобождать ноги от кошачьего когтя или продираться сквозь свисающие ветви, я мог видеть довольно далеко.

Местность была плоской, но я видел, что впереди она резко обрывается. И мальчик, и мужчина уже исчезли за краем обрыва, но я слышал пронзительный крик мальчика вдалеке.

Пока я мог слышать его, я, по крайней мере, знал, что он еще не пойман, но к тому времени, когда я добрался до края обрыва, прошло десять, пятнадцать секунд с тех пор, как я что-либо слышал. Мой страх возрастал с каждой минутой.

Я остановился на вершине утеса. Она резко обрывалась, заставляя тропу петлять вниз, к речному дну-или тому, что могло быть речным дном сотни лет назад, так как настоящая река находилась на некотором расстоянии за верхушками деревьев, которые теперь закрывали мне обзор остальной части тропы подо мной.

Низина казалась менее густой, чем лес, через который я только что пробежал, и вдалеке, ближе к реке, я увидел заросли высоких тополей.

Следующие пятьдесят или двадцать секунд были такими же напряженными и полными опасности, как и все, что я пережил в своей жизни. Опасность для других, не для меня. Я помчался вниз по склону, срезая дорогу. Это был один из способов опередить мальчика и его преследователя. Теперь след вводил прямой, как стрела за реку, может быть, 100 ярдов.

Там, в тополиной роще, на небольшой, похожей на парк поляне, затененной речными гигантами, я заметил человека. Он склонился над мальчиком, прижимая его к Земле. Его руки двигались, быстро, возможно, избивая мальчика, связывая его? Я не мог еще сказать, но так или иначе я собирался положить этому конец. Я выбежал на десять ярдов или около того. Мужчина стоял ко мне спиной, и я видел только ступни мальчика и часть его ног, лежащих на земле.

Не желая, чтобы человек знал, что я был там, я замедлился настолько, чтобы бежать только на шарах моих ног, чтобы сделать меньше шума. И тут я услышал, как мальчик хихикнул.

Хихиканье!

И его ноги дергались, как будто он немного извивался, но он, казалось, не сопротивлялся.

Спотыкаясь, я остановился не более чем в десяти футах позади них и тихо двинулся влево, за упавшее бревно и подлесок.

С этого места я вижу, что ребенок действительно мальчик. Действительно, Джоуи!

Девять лет? Да... чуть тоньше, чем я предпочитаю, короче на пару дюймов. Худой и изящный, его копна темно-каштановых волос рассыпалась по земле. Симпатичный носик-пуговка с широким лбом. Темно-синие глаза, нежнейшие, очень прямые губы. Мой маленький мальчик Джоуи.

Кто-нибудь назвал бы Джоуи красивым? Или великолепным? Конечно, это была бы немедленная реакция при виде Уишиса. Джоуи, с другой стороны, надо отдать должное ... милый мальчик. Миниатюрный. Приятный. Активный. Милый!

Конечно, за эти годы я несколько раз влюблялся в него.

Каждый раз, когда я навещал его семью. Особенно последний визит, на похороны матери. На этот раз он был таким тихим, замкнутым, убитым горем и смертью матери, и явным отсутствием интереса со стороны отца. На этот раз не подпрыгивая от одного действия к другому, всегда на полном ходу. Он был таким грустным и ранимым. Его отец держался отчужденно, поэтому "дядя Тег" был рядом.

Мальчик, которого я видел сейчас, лежа ничком на земле, прижатый к Земле неуклюжей фигурой преследователя, был тем же самым мальчиком, которого я держал на коленях, плакал всего год назад, теребя его волосы, как чашку Чили, ухаживая за ним. Тот самый маленький мальчик, который разжигал мои страсти в одинокие ночи на моем ранчо. Фантазии о любви к Джоуи поддерживали меня, воспоминания о его прикосновениях.

Это был мальчик, чье тело я мечтал исследовать, а теперь он хихикал и застенчиво улыбался своему бывшему мучителю. Я почувствовал, как мой пенис затвердел, когда я растянулся на нем, глядя поверх бревна на моего маленького племянника.'

Сначала я слышал только его хихиканье, пронзительную трель его голоса и низкие, гортанные ответы. Должно быть, Антонио. Человек, который приехал в Элизабеттаун работать с Биллом. Человек, который забрал Джоуи. Билл описал его именно так. Довольно высокий, крупный мужчина для индейца. Длинные черные волосы собраны в хвост. Смуглый, но не темно-рыжий, как у чистокровного индейца. Красивый, сильный, властный.

На нем был суконный вечерний костюм! Пальто на нем не было, но жилет был расстегнут, открывая черный камбербан и жесткую белую форменную рубашку накрахмаленного цвета. Что ж, в фермерском доме была какая-то паства. Я видел, как в дом вошли еще несколько официально одетых мужчин.

В основном пожилые джентльмены. Насколько я мог судить, ни один из них не был индейцем. Джоуи тоже был одет. На нем был маленький Вечерний пиджачок, галстук-бабочка и, по-видимому, официальные черные панталоны. Его маленькие воскресные туфли были начищены до блеска, а маленькие белые носки натянуты до колен. Антонио оседлала его средней части, а его руки были скованы на запястьях. Он склонился над Джоуи, злобно глядя на него.

Итак, я очутился посреди территории Оклахомы, прячась за бревном, наблюдая, как мой маленький Джоуи и этот довольно искушенный и определенно "цивилизованный" индеец играют в кошки-мышки. Джоуи определенно был очарован этим парнем. Я легко это понял, но то, как он с восхищением смотрел на этого человека. Он мило улыбнулся, отвечая на нежный взгляд мужчины. Я почувствовал укол ревности.

Если бы он сел всем своим весом, то, несомненно, раздавил бы мальчика, но я видел, что он легко оседлал Джоуи, подпрыгивая вверх-вниз своими сильными бедрами. Когда я бежал по тропе, он действительно был занят. Теперь он дразнил Джоуи, рассмеивался ему рубашку, часто останавливался, чтобы пошутить и посмеяться.

Дыхание мое успокоилось, звон в ушах стих, и я начал различать их лепет.

- ... а ты думал, что будет легко убежать, олененок! - человек упрекнул Джой, с издевкой.

- Может быть, я не хотел уходить. Вот так! - Джой показал Антонио язык.

- Да, тогда почему ты убежала из дома?

- Может быть, я не хотел уходить ... от вас. - Он сказал это более тихим голосом, но я слышал его достаточно ясно и чувствовал в нем мольбу.

-О, и почему же, олененок?- Сказал мужчина. Он закончил расстегивать рубашку Джоуи и теперь начал снимать пиджак и рубашку, осторожно, осторожно. С любовью. Я слышал, что сказанная сказка, щепнистых охриплость строительных страсть в его голосе.

- Ну. .. там было совсем не весело, все эти судьи, сенаторы и все такое.- Джой надул губы.

- Нет, не было. Я не могу понять, почему отец настаивает, чтобы на этих собраниях присутствовал весь дом.

- Этот старый судья Уайт все щекотал меня, - поморщился Джой.

- Отец заметил. Он сказал, что ты хорошо ладите.

-Да, он был очень мил. Мне понравился приём....

- О! Олененок любит, когда его щекочут старики?! - С этими словами Антонио принялся за подмышки Джоуи, отчего тот взвизгнул от восторга и расхохотался. Он извивался под его лихорадочно ощупывающими пальцами. Он умолял Антонио остановиться.

- О? Ты не для этого меня сюда притащил?- Поддразнил Антонио, остановившись и держа пальцы над голой маленькой грудью Джо.

- Ты знаешь, зачем я тебя сюда притащил.- Сказал Джой, затем плотно сжал губы и строго посмотрел на мужчину.

-И что же это будет?"

Джой несколько раз приподнял бедра, упираясь ими в пах мужчины.

- Ты знаешь, - тихо сказал он.

- Хммм, кажется, я понимаю. Ну, как бы мне ни хотелось угодить, я не думаю, что маленький олень может получить это три раза за один день! И когда он захочет!

- Почему бы и нет, Тонио, мы не делаем этого каждый день ... время от времени, давай проведем такой день - Джой заскулил и снова надул губы, как будто собирался заплакать. Я, как и Антонио, видел настойчивое желание мальчика.

Его глаза были широко раскрыты, и он смотрел вверх ... Наверное, я должен был это сказать ... прямо в глаза "своему мужчине".

- Ну, во-первых, мы трахались сегодня утром. И снова в сарае перед обедом! И теперь ты хочешь этого снова, два часа спустя? Я хочу этого так же сильно, как и ты, Джоуи, но это займет гораздо больше времени, и отец захочет, чтобы мы вернулись, и ...

Джоуи попытался высвободить руки, но Антонио отпустил его и откинулся назад. Мальчик потянулся к поясу Антонио и начал расстегивать его брюки.

- Джоуи. ...- Предупреждал Антонио, но, очевидно, без особой убежденности.

- Я хочу, чтобы он был во мне, сейчас, Тонио. Ты обещал, что заберешь меня и займешься со мной любовью в любое время, в любом месте, и всегда будешь моим мужчиной.

- Мягко предупредил Джой, - продолжая расстегивать ширинку Антонио. - Ну, я ничего не могу поделать, если хочу, чтобы ты все время был со мной. Ты единственный, на кого я могу рассчитывать, Тонио ... и это ... так хорошо

Теперь он расстегнул брюки Антонио и протянул руку, чтобы схватить и вытащить мощное оружие. И могуч он был! Я был впечатлен. У меня перехватило дыхание. Я беспокоился, как бы не пронзить Уишиса своими собственными семью дюймами. Пенис Антонио казался гигантом в цепких руках Джоуи! Он был на дюйм длиннее моего члена и определенно больше в объёме. Смуглый, как и цвет лица мужчины, но, возможно, чуть темнее-вероятно, из-за того, что был переполнен его страстной кровью. Форсекин почти полностью закрывал голову, но Джой тут же отдернул его, и огромные пурпурно-красные глаза Антуанио заблестели в пятнистом солнечном свете, пробивающемся сквозь кроны тополей.

Его огромный красновато-коричневый инструмент, торчащий прямо из тела, выглядел именно так ... дикарь... в маленьких изящных белых руках Джоуи. Возможно, он уже трахал Джоуи дважды в тот день, но Антонио был в расцвете сил-я видел каплю смазки, свисающую с кончика его головки. Джой быстро поймал его и любовно размазал по всей головке. Антонио откинул голову назад, когда даже мизинцы Джоя коснулись его набухшей головки, и громко вздохнул сквозь стиснутые зубы.

- О, Джоуи! - он застонал, затем наклонился вперед, его глаза широко раскрылись от страсти, и его губы коснулись губ мальчика. Джой отпустила член Антонио и обхватила его голову обеими руками, явно не желая, чтобы поцелуй заканчивался.

Я чуть не ахнула вслух. Вот как мы с Уишисом выглядели, когда целовались!! Маленький мальчик, каждая черточка которого был такой мягкой, гладкой и нежной, лежал под массивной, могучей тушей взрослого мужчины, казавшийся карликом рядом с ним, но в этом поцелуе, завершённом им. Когда их губы так плотно сжались, и я увидел, как грациозно двигаются их головы в танце поцелуя, я сразу понял, каким будет результат этого путешествия. По крайней мере, для Джоуи. Когда я увидел, как Джой открыл рот еще шире, как их языки скрестились, как Джой засунул свой большой язык в маленький рот, я понял, что у них было то же, что и у меня с Уишисом.

Антонио приподнялся, пытаясь прервать поцелуй. Джой не отпускал его ни на секунду, и мужчина поднял голову и плечи мальчика с земли. Он осторожно вытащил руки Джо из-за головы. Мальчик неохотно отпустил его и, когда Антонио осторожно опустил его на землю, сказал: «Если ты действительно хочешь меня сейчас!»

- Да! Пожалуйста, Тонио. Сейчас.- Взмолился Джой, лежа ничком и выглядя таким беспомощным и уязвимым. Такой маленький мальчик, и он умолял мужчину заняться с ним любовью!

Я смотрел, думая, не прервать ли их сейчас? Мне нужно было поговорить с Джоуи. Я должен был подтвердить уже принятое решение. Я не мог просто уйти от этого. С другой стороны, как я мог помешать мальчику и его мужчине заниматься любовью?! Ради этого я и жил. Вот о чем я мечтал с Уиши. Мне отступить? Оставить их наедине с их священным союзом? Осмелюсь ли я смотреть, как мне так хотелось, только для того, чтобы увидеть, как огромный инструмент мужчины вонзается в крошечное тело Джоуи!?

Было так легко просто лежать, так трудно даже думать о том, чтобы уйти. Поэтому я остался.

Антонио, не теряя времени, обратился к Джоуи. Он быстро отодвинулся от мальчика и начал расстегивать трусики, затем стянул их с бедер. Не успел я и глазом моргнуть, как маленький член мальчика Джоуи вырвался на свободу, такой маленький, такой сладкий и такой твердый! В центре кремово-белой плоти лобка. Я ясно видел очертания его коронального гребня под крайней плотью. Покрывало было туго натянуто и едва прикрывало его. Он выглядел таким девственным, и все же, судя по их разговорам, они с Антонио трахались уже довольно давно, и он был способен часто брать в себя своего мужчину. Три раза в день!? Я сразу же подумал, что он уже снял колпачок со своей головки.

Антонио, как сумасшедший, дергал Джоуи за штаны, стягивал их с него прямо на ботинки. Джой лежал голый на голой земле, если не считать ботинок и носков. Его тело было еще прекраснее, чем я когда-либо мечтал. Мягкие, мальчишеские очертания, которые я мечтал погладить, теперь были обнажены для нежных прикосновений другого мужчины. Однако моя ревность исчезла. Я просто смотрел и восхищался красотой мальчика!

Такой маленький, драгоценный, маленький мальчик, возможно, всего 60 фунтов, может быть, 4 '5". Он едва доставал Антонио до живота, если они стояли. И все же эти двое были влюблены друг в друга и хотели осуществить свою любовь на моих глазах.

Радостная любовь к Джоуи выплеснулась из моего сердца-мне просто захотелось окружить его ею. Мне захотелось подойти к Антонио и обнять его, поблагодарить за то, что он спас Джо от его отчаянной потери и пренебрежения.

Любовник Джоуи застонал, как животное, и рванулся вперед, раздвигая ноги Джоуи. Он быстро прошел вперед на коленях, а затем поспешно наклонился, чтобы перекатить Джо из стороны в сторону, расстелив куртку мальчика так, чтобы его нежная плоть не была ранена неровной землей, когда они трахались. Все это время его огромный пенис торчал из открытого разреза его собственных штанов. Он выглядел почти комично в своем официальном наряде, с грубо торчащим членом, но так великолепно!

Он быстро опустился на одно предплечье, уткнувшись лицом в промежность Джо, и без церемоний проглотил член мальчика. Он громко втянул его в рот и, освободив левую руку, начал ласкать мальчика повсюду, начиная от его затвердевших, крошечных сосков, вниз по бокам, чтобы найти его маленькие яйца и размять их. Затем безумно, лихорадочно вверх по телу к шее, груди, животу!

Джоуи начал толкаться в рот Антонио, и из горла мальчика вырвался низкий, непрерывный, почти вибрирующий звук. Как мурлыканье! Голова Джоя был запрокинута назад, он мотался из стороны в

сторону, кадык торчал в изгибе узкой шеи, плечи попеременно, без рисунка, поднимались и шлепались на пиджак. Его ноги были упругими и прямыми, казалось, затвердевшими стальными отростками. Его ноги застыли в туфлях, как будто пальцы болезненно загнулись внутрь, к подошвам. Антонио торопился, но он определенно знал, как заставить мое маленькое тело Джоуи петь! Он качался вверх и вниз на двухдюймовом маленьком члене Джой, как сумасшедший. Временно обезумев от вождения к своему мальчику, от желания, чтобы его мальчик почувствовал это удовольствие.

Джоуи был как животное в течке. Должно быть, он думал об этом моменте, планировал его, надеялся на него, потому что прошло всего несколько мгновений, прежде чем я понял, что он собирается кончить. Он вытянул руки вперед, так же напряженно, как и ноги, и начал хвататься за землю, пытаясь найти опору для пальцев. Не сумев этого сделать, он наклонился, чтобы схватить Антонио за волосы, и держался за них всю жизнь.

- Джоуи! Брат!

Это был женский голос, доносившийся с тропы. Похоже, она все еще была на вершине утеса. Я услышал его, и это потрясло меня.

Джо и Антонио тоже услышали. Голова мужчины отскочила от петуха Джоя, как одна из ракет, которыми Веллингтон стрелял при Ватерлоо, и он дико огляделся, пытаясь понять, кто это. Джой откинулся на спину, словно оглушенный, его маленький пенис теперь был покинут, но влажно блестел и слегка покраснел от сосания. Он либо был ограблен на грани оргазма, либо только начал его.

Я наблюдал, как все его тело замерло, и на секунду подумал, дышит ли он еще. Его глаза были широко открыты, смотрели в небо. Потом он задохнулся, судорожно глотая воздух, и с испуганным видом покачал головой, когда Антонио в панике крикнул ему: «Вставай, Джо, Молли идет!»

Он схватил Джо за руку и рывком поднял на ноги.

Джо заскулил от разочарования, быстро схватил свой маленький член и начал его качать.

- Джоуи!- Прошипел Антонио и рассмеялся. - На это нет времени! Молли увидит тебя. Мы!

Он начал поднимать с земли одежду Джоуи и бросать ее в мальчика. Молча, но уже хихикая, они одели его. Антонио стряхивал грязь с куртки Джоуи, когда мальчик снова засмеялся и указал на промежность мужчины. Некогда безудержный инструмент Антонио теперь безвольно свисал из прорехи в штанах, и с его все еще наполовину распухшей головки капала слюзь.

Он висел там, темный и дряблый, все еще толстый и мощный, но все же довольно жалкий по сравнению с его могучей стойкой только что. Они оба рассмеялись, когда Джой протянул руку и бесцеремонно начал запихивать его обратно в брюки Антонио, а затем, словно в панике, стал возиться с пуговицами.

Антонио стоял, смеясь, и любовно гладил мальчика по голове.

Я вдруг подумал о своем положении. Увидит ли меня кто-нибудь, идущий по тропе? Я занял позицию вдоль бревна, довольно хорошо замаскированную низким ростом.

Когда я снова поднял глаза, они стряхивали друг с друга грязь и ветки. Их хихиканье было прервано, когда женщина позвала снова.

- Так вот, как я и думала.- Она вела себя скорее как королева, идущая по покрытой ковром дорожке, чем по грязной и усыпанной листьями дорожке.

Она была одета по моде Матроны-возможно, женщина из этого явно очень зажиточного дома, но все же в ней было больше туземной крови, чем в ее брате. Ее кожа была темнее, и у нее было больше отличительных черт.

- Мы были здесь

- Я понимаю. Вы двое не можете держать руки подальше друг от друга, - она укоризненно покачала головой, уперев руки в бока и наблюдая за двумя, стоящими теперь перед ней в некотором смущении. Я не почувствовал ни возмущения, ни осуждения в ее поведении. Это было больше похоже на то, как она говорила: "вы, два негодяя."

- Однако, если отец думает, что это брак, заключенный на небесах, то кто я такая, чтобы жаловаться? Давайте, вы двое. Отец определенно не рад, что тебя так долго не было, Тонио. - Она протянула к ним руки, и они пошли обратно по тропинке. Джой улыбнулся ей и позволил слегка потрясти себя за шею, пока они с Антонио шли, держа ее за руку.

Я просто лег на спину и попытался собраться с мыслями. Я нашел Джоуи. Что же теперь делать?

Не торопясь, я последовал за ними к дому, у меня было о чем подумать.

Несмотря на очевидную любовь между Джоуи и Антонио, несмотря на то, что я знал, что должен принять решение о том, что произойдет сейчас, встреча с ним после стольких лет навевала столько воспоминаний. Вместе с воспоминаниями пришли сомнения.

Во время похорон я помог мальчику отвлечься от трагедии, связанной с кончиной его матери, и в какой-то степени даже избавил его от мрачных мыслей о кажущемся отсутствии заботы со стороны отца. Мы ездили верхом, купались в реке, играли во дворе. Просто проводили время вместе. На мгновение он почувствовал себя счастливым. Как и положено мальчику.

Если я оставлю его здесь с человеком, которого он любит, потеряет ли он возможность снова быть тем маленьким мальчиком? Какая ирония. Я мог бы задать тот же вопрос о Уиши. И все же ни на одно мгновение я не думал о том, чтобы не вернуться к моему любимому Уиши.

Но Джоуи был другим. У него был отец, который был хорошим человеком. Билл тоже стал другим человеком, не тем, от которого сбежал Джой. Я чувствовал, что он снова будет любящим и внимательным, больше не обремененным сомнениями.

Нужен ли Джоуи его друг-индеец, когда вернется его собственный отец?

Вопросы очень даже мутит меня, даже когда я попросил их. Мой дорогой друг велел мне вернуть его сына или убедиться, что он в безопасности. Это был священная задача.

Но любовь, свидетелем которой я был, заставил меня оставить этих двоих в покое. Очевидно, Джоуи и Антонио любили друг друга точно так же, как мы с Уишисом. В жизни Джоуи, как и в случае с Уишисом, это было положительно.

Отрицать любовь мужчины и мальчика было бы просто злом. Я не мог этого сделать.

Что я мог поделать? Что мне делать?

Когда я снова занял позицию на опушке леса, уже стемнело. В воздухе повеяло прохладой, и я погрузился в беспокойный сон. В моих снах мелькали образы Уишиса. Я вернулся в его долину, но не мог до него добраться. Кто-то разлучал нас. Мы должны были быть вместе, но кто-то отказывал нам в нашем праве. Я видел его, но каждый раз, когда я пытался заговорить с ним, кто-то уводил его все дальше

Я проснулся в кромешной тьме безлунной ночи. Я проснулся с уверенностью. Я должен поговорить с Джоуи сейчас, Сегодня вечером. И я должен был вернуться к Уишису прямо сейчас, Сегодня вечером.

Гости, по-видимому, разъехались. Их колясок и лошадей нигде не было видно. В лагере воцарилась тишина. По моим прикидкам, было около девяти. Не похоже, что я спал слишком долго.

Собак, к счастью, нет. Поэтому я просто встал, чтобы прислониться к ближайшему стволу дерева, а затем поискал наилучший подход. Ближе к задней части дома, где начиналась тропа к реке, я мог

сократить расстояние до дома вдвое, прижимаясь к стенам сарая. Тогда придется стрелять в дом. Да будет так.

Пять минут спустя я стоял на веранде, которая действительно окружала дом со всех четырех сторон. Медленно продвигаясь вперед, избегая каких-либо предательских узоров в скрипе и скрипе полов, я начал проверять комнаты. На полпути я нашел его. Я сразу понял, когда услышал его бормотание! Либо он разговаривал сам с собой, либо во сне. "Папа. .. иду с Тонио"

Я проскользнул в открытое окно, в крошечную тьму. У дальней стены я разглядел его кровать. Если бы я только мог разбудить его, не напугав

Внезапно в щели под дверью, у изножья кровати, появился свет. Дверная ручка начала поворачиваться с низким, очень низким скрежетом. Я быстро отступил назад и прижалась к стене.

Это был Антонио в ночной рубашке и чулках. Он быстро вошел и осторожно запер дверь, потом поставил лампу на столик в ногах кровати. Не останавливаясь, он поднял свою ночную рубашку выше и выше, открывая свое обнаженное тело под ней, его огромный член уже поднимался, твердея. Его тело было безволосым, как и у большинства индейцев, если не считать клочка темных волос вокруг члена. Он выглядел великолепно, его светлая, медного цвета кожа блестела в желтом свете лампы, как масло. «С распущенными волосами,- вдруг подумал я,- Роландо может выглядеть так через много лет.»

Это была печальная, пронзительная мысль. Напоминая мне о неизбежном течении времени. Мальчики должны вырасти в мужчин. В грядущие годы я хотел быть рядом с Уиши. Нельзя было терять времени. Чувствуя каждый нерв в моем теле, каждый мускул, напрягаясь, чтобы вернуться к моему мальчику, мои чувства были в огне. Я хотела выскочить из тени прямо сейчас, вытащить Антонио из комнаты и, наконец, поговорить с Джоуи ... и все же я знал, что стану свидетелем чего-то священного. Я должен был это увидеть!

Антонио приподнял одеяло. Мальчик тоже был голый! Ждущий. Готовый. Линии его маленького тела светились в свете лампы. Я видел его золото окрашенный белой мякотью, с плеч вниз его узкие бедра. Покрывало пересекало его тело по диагонали, чуть ниже груди и ниже лобка. Его маленький член все еще был скрыт, но мягкий холмик лобка заставил меня почти стонать от желания.

Антонио осторожно сел на матрас и наклонился, чтобы поцеловать своего любимого. Глаза Джоуи затрепетали при первом прикосновении губ Антонио, и вдруг он проснулся. Грациозно, но быстро он скользнул руками по обнаженным бокам Антонио, по его плечам, сцепил их за головой и притянул его к себе для более глубокого поцелуя. Все еще целуя, Антонио медленно подвигает себя, подталкивает Джоуи, обнимает спину и попу мальчика, так что они могут лежать вместе, прикосновение плоти к плоти, с голоты до носок Джоуи.

- Ты. .. окончательно пришёл. ...- Прошептал Джой сквозь поцелуи.

- Нас держал отец ... слишком долго, дорогой. Прости. Но у тебя получилось ... немного поспать ... по крайней мере.

- МММ ... зная тебя, мне нужно отдохнуть ...- Сказал Джой, слепо протягивая руку, чтобы схватить теперь уже окоченевший член Антонио. Он лежал темный и мощный на фоне светлой плоти бедра мальчика. Джой погладил и сжал его, затем начал тереть им из стороны в сторону по своей гладкой коже.

- Ахххх ... Я хочу тебя... сейчас, Джоуи!

Антонио начал подтягивать колени и раздвинул ноги Джо, чтобы устроиться между ними. Внезапно Джой прервал поцелуй и, как змея, быстро высвободился. Он быстро встал и подошел к полкам.

- Зачем ты это сделал?.. Оооо ..., - Антонио удивился, но потом его вопрос повис в воздухе.

Маленький зад Джоя затрясся, когда он встал на цыпочки и поднял коробку.

Довольно большой деревянный ящик. Он повернулся, молча отнес его обратно к кровати, положил на пол, затем протянул руку и вытащил кусок веревки. Похоже на мягкий белый аккорд, примерно полдюйма в диаметре. Молча, теперь уже почти торжественно, Джой протянул аккорд Антонио, который все еще полулежал, приподнявшись на локте.

- Ты .. этого хочешь, малыш?- хрипло спросил он.

Джой не ответил. Он снова взмахнул веревкой, протягивая ее Антонио. Как он был красив! Совершенно голый, передняя и ближняя сторона его тела были освещены золотистым светом лампы, а спина темная и мягкая. Его маленький член напряженно торчал, показывая, что все, что он имел в виду, возбуждало его в ожидании.

- Почему ты так хочешь?

- Ты показал мне, Тонио, - тихо ответил мальчик. Однако в его голосе слышалась настойчивость. Его голос слегка повысился, умоляя.

- Но только один раз, ради забавы, дорогой. Я рассказывал историю. Я тебя не ждал

- Мне нравится, Тонио. Пожалуйста!

Настойчивость в голосе Джо явно удивила Антонио.

- Я. .. почувствуй что-нибудь ... на этот раз по-другому, - сказал он.

Джой опустил глаза и сказал уже тише, но в его голосе все еще слышалась настойчивость или потребность.

- Он. .. Я чувствую себя особенной, понимаешь? Как будто ты никогда меня не отпустишь, Тонио.

- Аххх. - Антонио ответил так же торжественно. Он сел на край кровати, взял Джо за подбородок и приподнял его лицо, чтобы посмотреть ему в глаза.

- Ты знаешь ... мы не обязаны это делать. Я всегда буду рядом, дорогой. Я никогда не выпущу тебя из своей жизни.

Джой не ответил. Он просто снова толкнул веревку.

Антонио мягко улыбнулся и погладил Джо по щеке.

- Если ты этого хочешь, дорогой, конечно, я это сделаю. - Он встал, его твердый как камень член подпрыгивал вверх и вниз прямо под подбородком Джоуи. - Теперь ложись, милый, а я начну.

Джой сделал, как велел ему слуга, и лежал на кровати, не шевелясь, опустив руки и вытянув ноги, в полной сознательной готовности.

Тонио снова перелез через него и опустился на колени рядом с ним, держа веревку в руке.

Медленно, в такт напевной литании, которую он начал произносить, он приподнял левую ногу Джоя и согнул ее в колене, затем приподнял еще выше, так что бедро Джоя оказалось почти параллельно его туловищу и руке.

- Олененок был несчастным мальчиком. Ему не нравилось жить со своими людьми, потому что они были жестоки к нему. Никто не заботился о нем. Поэтому маленький олень решил найти дорогу в другую деревню. По дороге через лес его увидел сильный молодой храбрец из другого племени. Храбрец был очарован., заколдованный. Он чувствовал, что никогда в жизни не видел никого и ничего прекраснее олененка. Воспользовавшись своим правом и долгом, храбрец взял мальчика в плен. Как и положено, маленький олень дрался и дрался, поэтому сильный храбрец связал его веревками и отнес мальчика к племени храброго.

Рассказывая эту историю, Антонио начал осторожно связывать лодыжку, бедро и предплечье Джо, чтобы они лежали параллельно друг другу, крепко связанные и неподвижные. Джой лежал неподвижно, с готовностью принимая путы, и напряженно вглядывался в серьезное лицо Антонио.

- Все в деревне храбрецов приняли мальчика как нового члена племени. Это был путь. Теперь мальчик должен был стать частью семьи храбреца.

Антонио мягким рывком завязал веревку. Я видел, что веревки были туго обвязаны вокруг маленьких конечностей Джоя, оставляя небольшие выпуклости вокруг ремней. Затем он переместился на тело Джоя и повторил процесс. Я не знал, как ко всему этому относиться. Мой Маленький Джоуи лежал там, похожий на беспомощного олененка, в то время как мужчина связывал его в полную, абсолютную покорность.

- Олененок плакал и плакал день за днем, живя с новым племенем .

Антонио продолжал бубнить, поднимая левую ногу Джо и прижимая ее к телу мальчика.

- Его похититель держал мальчика связанным большую часть времени, чтобы помешать его побегу. Храбрец отчаянно пытался удержать олененка от побега, потому что влюбился в мальчика.

Антонио помолчал, прежде чем связать Джоуи левую руку и ногу. Он легонько погладил Джо по лбу и щеке. Он с любовью смотрел в глаза мальчика, и я чувствовал, что происходит между ними. Джоуи выглядел несчастным и подчинённым, в одно и то же время. Его лицо было искажено печалью, как будто он играл роль маленького олененка, но было что-то еще в его выражении. Широко раскрытые глаза, полные желания, слабая улыбка, когда он с готовностью, безрассудно подчинился движениям Антонио.

Антонио продолжал хлестать и продолжал свой рассказ.

- Каждую минуту он разговаривал с олененком и прислуживал олененку, надеясь, что добротой и любовью сможет склонить мальчика на свою сторону и заставить его остаться.

Обе ноги Джоуи были подтянуты и теперь надежно связаны, ягодицы высоко подняты, половинки раздвинуты, а маленький анус широко раскрыт.

Я застыл, словно прикованный к месту, чувствуя, как красота Джоя, его желание, его покорность возлюбленному - все это вместе взятое завораживало и волновало меня. Теперь я не смог бы прервать двух влюбленных, даже если бы захотел. Я видел, что его сфинктер был красноватым и слегка припухшим по краям. Больше похоже на использованное дно Роландо, чем на девственную нору Деметрио. Идеальное доказательство того, что Джоуи и Антонио значили друг для друга, даже если каждый их взгляд и прикосновение уже не говорили мне то же самое.

Я почувствовал запах Джоуи. Возможно, мое воображение вложило силу в это ощущение. Это был пьянящий, дурманящий. Этот мальчик предлагал все, что имел, своему мужчине. Не было ничего, что не разделяли бы эти двое.

Никакого секрета, никакого личного прикосновения или взгляда ... или запах ... зарезервировано для кого-то другого.

- Наконец, спустя много недель, мальчик согласился, что никогда не убежит из-за любви и заботы, которые могучий храбрец дал ему так свободно. Веревки и путы больше не нужны, сказал он, потому что храбрецы так крепко связали свои души.

Антонио закончил вторую связку, снова провел рукой по лбу Джо и успокаивающе погладил его ноги. Руки и ноги Джоя стали розовыми, красноватыми от притока крови.

- Храбрый олененок стал любовником и оставался им до конца времен. Раз в год могучий храбрец связывал олененка веревками, связывал его и занимался с ним любовью, символизируя истинные узы, которые всегда держали их вместе.

При этом Антонио наклонился, чтобы поцеловать восприимчивые губы Джоуи. Когда он поднял голову, Джоуи сказал: "Мои руки, Антонио."

- Ох, олененок, но разве это не больно, когда я забираюсь наверх?

- Немного. Но я хочу этого, Тонио.

- Ты мой навеки, ты знаешь, - сказал мужчина, выживая из ящика еще один кусок веревки, затем опустился на колени под перевернутым задом Джоя и начал связывать запястья мальчика. - Связан ты или нет, но ты всегда будешь со мной.

Я увидел, как по щеке Джоуи скатилась слеза. Он плакал. Было больно? Я снова начал двигаться, желая закричать от боли. Но о чем мне плакать? Потеря матери? Как его отец не обращал на него внимания? Страстное желание и потребность в любви, которые наконец-то подарил ему Антонио?

Я снова застыл на месте, оставаясь в тени, изо всех сил пытаюсь сдержать слезы, не желая производить ни малейшего шума.

Я видел, как Джой робко сглотнул, потом произнес одно слово: "Ещё».

Антонио в замешательстве поднял голову.

– В этом нет необходимости, Джой, дорогой, - быстро сказал он.

- Сделай это, Тонио. Для меня....

Мужчина вздохнул, смирившись с тем, что придется исполнить желание мальчика, и снова соскользнул с кровати, чтобы порыться в ящике. Он вытащил широкий ремешок из черной кожи, на обоих концах которого были металлические петли. К петлям были привязаны два старых, потрескавшихся кожаных ремня.

- Жаль, что я спас этот старый рабский ошейник, - пробормотал Антонио. - И показывал тебе.

- Это то, чего я хочу, Тонио. Сделай это для меня, хорошо?

- Для тебя, олененок. Если это заставит тебя чувствовать себя больше похожей на меня, пусть будет так. Я просто хочу, чтобы ты знал, что тебе не нужны ни эти веревки, ни этот ошейник, чтобы стать моим.

- Я знаю это, Тонио. Я просто хочу этого, хорошо?- Взмолился Джой.

- Ладно. - Тонио обхватил затылок Джоя ладонью и приподнял его, одновременно просовывая под голову кожаный ремешок. Он опустил голову Джоуи, затем вытащил из-под нее ремни. Одна петля был больше другой, так что, когда он застегнул ремень на шею Джоуи, Антонио просунул меньшую петлю через большую и полностью затянул ремень.

Затем он закрепил каждую стяжку по обе стороны кровати. Джой был полностью связан. Он мог поворачивать голову из стороны в сторону и, возможно, с большим усилием поворачивать тело. Однако он не двигался, а просто следил за каждым движением Антонио своими желтовато-коричневыми глазами, полностью подчиняясь своему мужчине. Это был действительно мощный символизм, просто видеть его. Я тоже это почувствовал. Я чувствовал, что должен чувствовать Джой - маленький мальчик, который так отчаянно хотел быть любимым и которому нужно было дать и получить это доказательство того, что его мужчина всегда будет любить, лелеять и обладать им.

Длинный, твердый член Антонио предлагал более наглядное доказательство любви, которую эти двое разделяли. Я тоже это почувствовал. Мой собственный член торчал, застряв в штанах. Даже когда я увидел, что наполовину обнаженная головка Антонио был влажной от его спермы, я почувствовал, как моя собственная сочится, чтобы испачкать штанину. Он молча погладил свой член, и собрал смазку в руке, затем отодвинул крайнюю плоть назад на его головку и осторожно распространил естественную смазку вокруг его теперь покрытого члена. Он встал над вздернутым задом Джоуи.

- Возьми меня. .. Тонио, - голос Джоуи дрогнул.

- Хорошо, олененок. Сейчас.- Торжественно произнес Антонио. Он наклонился вперед и уронил лужицу собственной слюны на открытый задний проход Джоуи, затем медленно, с любовью закрутил ее вокруг вздувшегося анального кольца двумя средними пальцами, смачивая, смазывая каждую поверхность. Джоуи ахнул, когда средний палец Антонио погрузился в его прямую кишку, и

он повернул всю руку на ней, позволяя подушечке пальца смазать внутреннюю плоть Джоуи, смешивая его слюну с собственными телесными жидкостями Джоуи.

Джой, казалось, был на грани слез. Не от боли или страха, а от желания, которое скоро исполнится. Он попытался поднять голову и посмотреть на Антонио, но рабский ошейник крепко держал его. Он закрыл глаза и откинул голову назад.

- Возьми меня. .. возьми меня... возьми меня... бери....- его голос перешел в шепот, а затем полностью оборвался, когда он почувствовал, как его мужчина прижал свой член к его маленькому анусу.

Мои глаза перескочили с лица Джоуи на невероятное зрелище огромного восьмидюймового инструмента, опускающегося в тело маленького мальчика. Массивное, мускулистое, медного цвета тело Антонио затмевало скрюченную фигурку его маленького любовника. Джо напрягся, но, не открывая глаза, как Антонио использовал свой указательный палец, чтобы нажать вниз на валу его члена, и заставить его головку войти в отверстие Джоуи. Медленно, медленно ... Я видел, как обнажается головка Антонио, входя в мальчика, поскольку крайняя плоть был сжата анальным кольцом. А потом он оказался внутри! Антонио замер, опершись на руки, по обе стороны от мальчика, его длинный поршень был направлен прямо в крошечное отверстие Джоуи.

Джой втянул в себя воздух. Его анальное кольцо было вытянуто бескровно белым вокруг обхвата члена Антонио, чуть ниже коронального гребня его члена. Вся головка находилась в теле Джоуи.

Мальчик снова попытался поднять голову, но на этот раз почти гипнотически, с закрытыми глазами, как будто его голова естественно стремилась вперед в ответ на погружение члена в его тело. И снова тугий воротник заставил его запрокинуть голову и застыть. Не в состоянии двигаться, он застонал вслух, с задержкой. Все происходило как в замедленной съемке, как во сне.

Запах их союза донесся до меня еще сильнее. Острый, но сладкий запах трахнутого мальчика!

Антонио был в своем собственном мире грез. В какой-то момент его глаза были закрыты, и он сконцентрировался на ощущении своего члена, крепко зажатого в заднице мальчика. Затем он открыл их, откинул голову назад, глубоко вдохнул и любовно посмотрел на мальчика под собой.

Очевидно, они трахались много раз и хорошо знали потребности друг друга.

Джой, казалось, сознательно сжимал и разжимал анус, в ответ на что Антонио тихонько мяукал. Мужчина держался прямо, напряженно, не желая погружаться глубже, пока его возлюбленный не будет готов к этому.

Внезапно Джой, казалось, расслабился. Даже связанные и связанные в жесткую покорность, его мышцы напряглись, чтобы сдержать вторжение мужского члена. Теперь он, казалось, просто еще больше отдался под контроль Антонио.

Он откинул голову назад, закрыл глаза и теперь дышал ровно и глубоко. Его руки, так крепко сжатые в кулаки, разжались, и он положил их на кровать. Со связанными запястьями, его предплечья были погребены под спиной, но он, казалось, игнорировал любую боль, которая мог бы вызвать.

Должно быть, это был сигнал, которого ждал Антонио. Без дальнейших колебаний он позволил себе упасть в своего мальчика, его член плавно скользнул в полость Джоуи, пока не вошел в нее на целых четыре дюйма.

Джой только улыбнулась и снова застонал, на этот раз долго и сладко. Казалось, он наконец-то, после бесконечного ожидания, почувствовал то, чего так желал. Он был сыт. Его любовник был внутри него.

Антонио начал свой ритм. Три дюйма внутрь, за его выпуклыми головками, три дюйма наружу-его головка члена постоянно прощупывала мальчика.

Три вошли, три вышли. Внутри, наружу, наружу. Его движения были плавными и отработанными, по-видимому, рассчитанными на то, чтобы поддержать стоны удовольствия Джоуи. Мужчина замолчал, но достаточно было взглянуть на его напряженное лицо, чтобы понять, что он и сам испытывает мучительную мольбу.

- Хооооооооо ...- Простонал Джой, когда Антонио вошел.

- Хоооооооаа ...- он вышел. - Хуууууууххх ...Хоооооооааааа.

Я был очарован слышимым экстазом мальчика и видимым свидетельством того, где этот экстаз сосредоточился. Его яички широко раскинулись в расплюсненном мешке, а маленький пенис мягко свисал вдоль лобка, забытый и на этот раз проигнорированный, лениво покачиваясь взад и вперед. Сейчас его мир сосредоточился в прямой кишке. Его анус сдвигался и раздвигался, всегда сопротивляясь движению члена его любовника. Когда инструмент вошел внутрь, плоть Джоуи была втянута вместе с ним, каждый нерв в анальном кольце привлекал внимание. Когда инструмент вытаскивался, складка снова образовалась вокруг древка и сопротивлялась движению наружу. Джой не мог использовать руки, чтобы удержать любовника внутри себя, но его анус сжался сильнее.

На лбу у обоих выступил пот, и Джой начал поворачивать голову из стороны в сторону в такт толчкам Антонио и его собственным стонам. Я подумал, что, возможно, другие в доме не услышат мальчика, но из того, что сказала сестра Антонио, все в доме знали, что происходит, и приняли это.

Почти незаметно Антонио ускорил движение. Как только он это сделал, его погружение так же незаметно углубилось. Его древко теперь блестело более чем на полпути к корню, мокрое от слизи из внутренностей Джоя. Каждый раз, когда мальчик отворачивался, из него вырывалась желтоватая слизь, которая начинала скапливаться и стекать по щели к яйцам.

Я буквально чувствовал ускоренный, более интенсивный темп их любви. Меня переполняли ощущения-звуки их стонов и сосание плоти о плоть, мягкий шлепок тяжелых яиц Антонио по спине Джоуи, запахи, и очень реальный вид 200-фунтового взрослого мужчины, насаживающего связанного и обездвиженного 65-фунтового мальчика на свой массивный член. Вот бык лось трахает своего олененка.

Пот блестел на их телах. Тот холод, что был в комнате, сменился жаром их страсти. Мерцающий желтый свет лампы, казалось, струился по их мокрым телам, окрашивая мужчину в более темные, медные тона, а мальчика в мягкие золотистые тона.

Теперь мужчина входил и выходил на пять дюймов, а мальчик вбирал в себя целых шесть дюймов мощного орудия. Тело Джоуи колотили молотком. Он был связан в комок, не в состоянии двигаться, и вся сила толчков и отдачи ушла на то, чтобы толкать его глубоко в матрас, а затем снова поднять. Он не мог поднять голову, и ремни ошейника не давали шее подпрыгивать в такт с нижней частью тела. Я бы подумал, что это жестокая пытка, но один взгляд на его лицо сказал мне, что это был изысканная пытка, если вообще был. Теперь Джой сидел с открытым ртом, тяжело дыша, то стискивая, то разжимая зубы, то кусая нижнюю губу. Она был красной и воспаленной. Его волосы прилипли к мокрому лбу или рассыпались во все стороны, когда он мотал головой из стороны в сторону.

Когда он открыл глаза, они были лихорадочно-голубыми и смотрели невидя. Воистину, все его сознание было сосредоточено в кишечнике.

Член Джоуи все еще был мягким, но я знал, что он кончает. Я знал, что все, что я читал, было правдой, что мальчик может кончить, просто стимулируя свою простату погружающимся членом своего мужчины. Роландо доказал это, а теперь и Джо. Он пришел как раз перед Антонио. Его стоны прекратились, и его тело снова напряглось, переходя от вялого подчинения к твердому, как камень, напряженному спазму, в одно мгновение. Я думал, он разорвет свои путы, и древняя кожа рабского ошейника лопнет. Я видел вздувшиеся вены над воротником, выпуклости на его руках и ногах, казалось, внезапно расширились и покраснели еще сильнее. Прошло, должно быть, секунд десять, пока он лежал в мучительной, не дышащей неподвижности, затем так же быстро, как и начался, его оргазм достиг своего пика, когда он, наконец, закричал бессвязно. Его пальцы впились в матрас и, казалось, потянули ткань вверх. Его тело содрогнулось.

Оно пульсировала волнами, заставляя его скрюченный торс подняться еще выше над кроватью.

Оно встретило следующий удар его любовника, и Антонио, казалось, погрузился в мальчика.

Казалось, все его восемь дюймов по самую рукоятку вонзились в Джоя! Он тут же кончил.

Джой снова закричал, чувствуя, как горячая сперма брызжет в него. Интересно, он тоже кричал от боли? Его внутренности должны были быть раздроблены и проколоты от вторжения этого массивного члена, но в его выражении не было боли, только возвышенное, непрерывное блаженство!

Возможно, чувствуя, что такая глубина невозможна, но в момент кульминации Антонио быстро отступил. Даже когда он рухнул на мальчика, позволив своей груди упасть на Джоя, прижимая его тело вниз, я увидел, что он выгнул свой таз вверх, напрягая бедра, чтобы убедиться, что его член не вошел так глубоко снова. Он сделал пять или шесть коротких, судорожных толчков в зад Джоя, громко кряхтя при каждом толчке, затем позволил себе упасть на бок, полностью вытащив свой инструмент из мальчика. Сперма брызнула дико, когда его головка с шлепком выскочила из ануса Джоуи.

Джой все еще был связан, его зад все еще был поднят. Он мог только расслабиться, как и раньше, расслабив напряженные мышцы и пытаясь дышать ровнее. Прежде чем его анус начал закрываться, я смог заглянуть в красный туннель, который принял член его любовника.. Он дрогнул и начал исчезать, когда анальное кольцо неумолимо сжалось. Сперма смешалась с желтоватой слизью, вытекая из тела Джоуи.

Антонио был в пост-кульминационном бреду. Я решил, сейчас или никогда. Мне было жаль прерывать их любовь, но я должен был завершить свою миссию. Я вытащил пистолет и шагнул из темноты к кровати.

Джоуи увидел меня первым. Конечно, он был ошеломлен. Думаю, он на мгновение забыл о необычных обстоятельствах.

- Кто!!.. - он начал кричать в панике.

Потом: - Дядя ... Тег? Это ты?

- Да, Джоуи, это я, Тег. - Я быстро ответил, прежде чем Антонио успел сообразить, что сказал Джо. Он открыл глаза и начал подниматься. Я навел на него пистолет, и тихо сказал: "Успокойся, Антонио. Я здесь не для того, чтобы кому-то навредить, тем более Джоуи."

- Кто вы?- потребовал он.

- Так и есть ... мой дядя Тег ... О боже, ты все видел?- Ответил Джой, но тут же вспомнил о своем положении, когда я протянул свободную левую руку и начала развязывать его путы.

Я должен отдать должное Антонио. Он не был трусом. Он едва заметно побледнел. И он не волновался. Спокойно, чувствуя, что Джой не испуган, а скорее смущен, он медленно сел, показывая мне руки, и начал развязывать Джоя с другой стороны.

- Да, Джой, я все видел. И мы должны поговорить об этом.

- Так и есть. .. извини... , - начал заикаться Джой, как в нашу последнюю встречу. Он никогда раньше не заикался. Наверное, из-за потери матери и того, как Билл пренебрегал им.

- Джоуи. - Я остановил его, настойчиво, но мягко. - Не нужно извиняться. Я знаю, ты любишь Антонио. Я знаю, что он любит тебя. Я понимаю. Я уберу пистолет в кобуру, и мы поговорим. Конечно, меня прислал твой отец. Я предлагаю вам двоим одеться, и мы сядем здесь и поговорим..

Через час я покинул их. Они сидели, взявшись за руки, как и положено влюбленным, пока мы обсуждали все, что привело к этому моменту. Вокруг было полно слез. Печаль от того, что заставило его убежать. Радость от того, к чему он бежал. Слезы, которые я проливаю за себя и за Уишиса.

И соглашение. Антонио отвезет Джоуи обратно в Нью-Мексико. Домой, где его ждал Билл Сандерс. Новый дом. Где Сандерс сам понимал и принимал их любовь. Где он нашел своего возлюбленного. А еще там, где Антонио сможет закончить учебу, на службе у Сандерса. Больше не надо убегать и прятаться.

Теперь я тоже мог вернуться домой. В жилище. Туда, где остался Уишис.

Глава 6

Я поднялся по двум высоким ступенькам вагона, затем повернул в длинный проход между рядами и огляделся. Большинство мест пустовало.

Было жарко, и даже с открытыми окнами, воздух был душный. Я надеялся, что они быстро отправят поезд.

«И не останавливайся!»

Когда я оставил Джоуи и Тонио, чуть меньше 36 часов назад, у меня было 600, может 700 миль, чтобы вернуться к Уишису, и четыре дня, чтобы сделать это. Я знал, что это невозможно. Я мог бы загнать несколько лошадей, но такое долгое путешествие никогда не проходит гладко. Вспоминая его слезы, холодные, белые дорожки на бледных щеках и беспомощный страх в его глазах, когда мы расстались, я не мог разочаровать моего мальчика. Я бы и в самом деле попытался сделать невозможное, но уже несколько дней в моей голове зрело другое решение.

Хороший способ преодолеть непреодолимое препятствие. Обойти его. Так что я чуть не врезался на лошади в землю, направляясь на север, а не на Запад. На север, к железнодорожной станции в Канзасе. Добрался до Уичито на следующий вечер. Пришлось прождать 12, казалось бы, бесконечных часов в ожидании следующего поезда на Запад.

Каждую минуту этого ожидания я задавался вопросом, правильно ли я поступаю? Если бы я пошел другим путем, я бы хоть что-то делал!

О боже, когда поезд подошел, я был как комок нервов. Я вскочил, бросился наблюдать за погрузкой моей лошади в вагон, убедился, что у нее есть все необходимое, чтобы оправиться от моего грубого обращения, и затем зашагал ненужными гигантскими шагами к пассажирскому вагону.

Теперь, увидев внутренности вагона, я понял, что у меня впереди еще нескончаемые часы безделья. Это будет настоящая пытка.

Никаких мальчиков. Это было мое первое наблюдение, как всегда в любой новой ситуации. Ищи мальчиков. Если есть мальчик, я хочу быть рядом с ним. Я хочу видеть его, слышать его, радость - поговорить с ним! Черпай из него силы. Питайся его духом, чтобы помочь мне пережить долгие часы.

Никаких мальчиков. Если кто-то и видел меня, то, должно быть, заметил, как мрачно сжались мои губы и как я глубоко вздохнул.

Два дня безостановочной болтовни и сплетен с этой учительницей справа? Я мог бы посидеть рядом с ней. Без сомнения, она тоже будет рада.

Я не чувствовал себя готовым. На южной стороне никого не было. Наверное, слишком много солнца. Поэтому я прошел мимо учительницы, прошёл три ряда к совершенно пустой секции, бросил седельные сумки и сел справа у окна. Никто не был ближе ее, никто не разделял моих страданий.

Вагон накренился, затем бесшумно двинулся вперед, казалось, отделившись от железного коня в передней части поезда. Я чувствовал себя таким же одиноким. Я нервничал и боялся. Я просто не мог подвести Уишиса!

Это на меня не похоже. Обычно я не злой и не нервный. Человек делает свой выбор в жизни, а затем живет с ним. Мне пришлось оставить Уишиса, чтобы пойти за Джоуи. Теперь мне предстояло вернуться к нему кружным путем, но, скорее всего, мне это удастся. Да будет так.

«Успокойся, Тег. С твоим мальчиком все будет в порядке. Он в порядке. Это не будет преступлением, если ты опоздаешь на день. Или два или три.»

Ладно. Еще целых два дня. Двадцать четыре часа на поезде до Моголлона. Один день в седле, назад в долину. Это можно сделать. Это должно быть сделано!

Уишис почувствовал свой стояк, и покалывание, даже прежде, чем он почувствовал резкий приступ голода в желудке.

О Боже! Ему было хорошо!

Снова утро! Яркое, ясное утро, судя по всему, сквозь щель в каменной двери. Проснулся он позже обычного. Почему-то он так хорошо выспался!

Вслепую он провел ладонью по нижней стороне своего маленького члена, затем схватил его и сильно сжал. Он сопротивлялся со всей своей наполненной кровью опухшей силой. Электрические ощущения пронзили его. Он улыбнулся, глубоко вдохнул теплый воздух своей башни и вскочил. Он посмотрел вниз и хихикнул, наблюдая, как его маленький пенис дико задергался вверх и вниз на мгновение, а затем остановился по стойке смирно!

- Хорошо, я позабочусь о тебе через минуту! Держись! Сначала нам нужно поесть. Я никогда не был так голоден!

Он почувствовал, что голод скорее питает его силы, чем истощает, как это было пару дней назад. Он знал причину. Весь вчерашний день он просидел у пруда, где они с Тегом играли. Снова и снова прокручивая в голове все возможности. В конце концов, он был уверен, как никогда, что Тег уже на пути сюда. Что не имеет значения, прошло уже три недели, или один день, или два! Тег доберется сюда.

Он быстро нырнул в холодные воды пруда. Это придало сил его телу. Он даже поймал рыбу в ручье! Его удочка сгорела вместе с хижинкой и веревкой, но внезапно его осенило - почему он не может подождать там, где Тег учил его класть крючок? Черт, если бы это не сработало! Он выбросил на берег форель очень хорошего размера.

Он устроил беспорядок, очищая рыбу и отрубая ей голову. Тогда, возможно, он не получит никаких наград за приготовление пищи, но два обугленных куска белого слоеного мяса были вкуснее любой еды в его жизни.

Он вдруг просто так наполнено надеждой, и он чувствовал себя настолько сильным и чистым. У него тоже была первая эрекция за два дня! Он быстро поднялся в свою башню, заперся в комнате, отыскал кровать и погрузился в знакомый сон о любви со своим мужчиной. Видение могучего пениса Тега, нависшего над его телом, было последним воспоминанием о той ночи, перед тем как он заснул.

Один взгляд на продукты и он понял, что настал тот самый день. Он ни за что не вернется в долину и не станет терпеливо ждать, пока ему в руки попадет еще одна рыба! У него остались две банки помидоров и грязная банка соленой свинины. Все трое были предназначены для его желудка, прямо сейчас!

Помидоры в первую очередь. Присев на корточки рядом с каменной плитой, которую он называл своей кухней, он взял одну из раздутых банок и положил острие ножа прямо на нее. Он осторожно постучал по ручке кулаком. Из вентиляционного отверстия внезапно вырвался газ. Он в тревоге отшатнулся. Ни одна из других банок с едой не приветствовала его так.

Он удивленно поднял бровь. Запах, донесшийся до его носа, был сладким! У него потекли слюнки. Он уже сто лет не пробовал ничего сладкого! Помидоры сладкие? Насколько он помнил, нет. Но эти, очевидно, были. Вроде. тошнотворно сладко, На самом деле.

Поднявшись на цыпочки, он начал осторожно обходить крышку, чтобы снять ее. На полпути он поднял его, и начался пир. Сочные, коричневато-красные шарики нежных помидоров в довольно липком соке.

Он осторожно окунул указательный палец в соус и поднес его к языку. Это было действительно мило. Довольно всепоглощающе сладко! И немного острый. Он невольно покачал головой, когда запах достиг его ноздрей и носовых пазух. Не совсем вкус помидоров, какими он их помнил, но

Уишис сунул пальцы обратно в банку, достал оттуда мокрый кусок и бросил его прямо в рот. Еда! Забудь о вкусе! Это был еда, великолепная еда. Он с жадностью втянул в себя остатки банки, почти не утруждая себя жеванием. Одно только ощущение самого богатства, острого сладострастия, преодолевая чувства, наполняло его таким внутренним удовлетворением!

Он быстро повторил весь процесс и опрокинул вторую банку.

В животе у него заурчало. Это было приятное, удовлетворенное бульканье, но он подозревал, что это означало, что позже у него будет газ! Он снова хихикнул, чувствуя себя на вершине блаженства. Тег возвращался, у него был полный живот - по крайней мере, он становился полным!

Еще одна банка. Соленая свинина.

Он посмотрел на него с подозрением. Заплесневелая поросль вокруг крышки беспокоила его уже несколько дней, но какого черта. Однажды он слышал, как тетушка говорила, что плесень никому не вредит.

Он встал, на мгновение задумавшись - действительно ли ему нужно есть эту банку прямо сейчас? Он выгнул спину, вскинул руки и потянулся. О, как ему было хорошо! Солнце заливало его тело живительными лучами, но было еще достаточно рано, чтобы не слишком жарко.

Он чувствовал, как его член снова становится твердым, как будто в него вливаются жизненные соки из только что наполненного животика. Он легонько потрогал ее пальцами, зажав между подушечками большого и среднего пальцев.

Должен ли? Прямо здесь и сейчас? Еще один придурок, просто стоящий прямо здесь на великолепном солнце, вроде как в благодарность за такое доброе утро?!

Потом он снова почувствовал урчание в животе. Хммм. Член. Желудок. Член. Желудок.

Какого черта! У него может быть еще одна отличная сперма сразу после еды этой свинины!

Снова присев на корточки над разделочным столом, он осмотрел последнюю оставшуюся банку. Первый шаг-избавиться от плесени! Он повернулся вполборота, все еще балансируя на носках, перекатился и поскреб край банки о землю. Он сильно надавил, чтобы очистить ее. Она вонзилась в сухой, утрамбованный пол крыльца, и кусок засохшей грязи отлетел.

- Что это?- пробормотал он, заметив что-то, зарытое в землю прямо под поверхностью. Она был округлой, гладкой и имела мягкий оранжевый цвет. Он покопался в нем, все еще используя банку, затем потянулся за ножом. Он осторожно приподнял предмет и увидел, что это маленький

полированный камешек размером с кончик его мизинца и в нем просверлено отверстие. Как из бисера сделать ..

Уишис остановился. Он был ошеломлен. Он только что вытащил что-то ценное. Он знал это! Что-то от шамана, который когда-то жил здесь! Возможно, что-то волшебное. Ну, по крайней мере, что-то бесценное, потому что оно пришло от того, кто жил здесь раньше!

Он взял маленький полированный шар в ладонь. Цвет почти сливался с его кожей, такой мягкой! Не совсем оранжевый. Скорее коралловый цвет, который он видел на востоке. Как бусы из кораллов, которые росли в океане у восточного побережья! Он осторожно стряхнул с нее грязь. Потом смочил большой палец и вымыл маленький камешек. Он был совершенно гладкий. Гладко отполированный, в этом он не сомневался. Он мягко поблескивал в прямых солнечных лучах, не отражаясь ослепительно, но впитывая солнечный свет, и каким-то образом . Он не знал, как это описать, но это было так красиво. Должно быть, его шаман действительно дорожил им.

Были там еще какие-то сокровища? Он снова осторожно взял нож и начал копать глубже и вокруг того места, где нашел бусинку. Земля легко поддалась, открыв еще несколько цветных шариков. Некоторые были не коралловые, а более светлые, как слоновая кость. Каждый из них был похож на остальные. Отполированный, округлый, с отверстием.

Для ожерелья, он знал. Шаман когда-то носили эти бусы на шее или запястье, как браслет. Почему он бросил их здесь? Почему они лежали здесь долгие годы, похороненные? Почему он нашел их именно сейчас?

Это действительно было почти волшебно. Загадочный. Как будто он должен был держать эту банку вот так, и закапывать ее в землю вот так, вот здесь!

Уишис был так взволнован. Он совсем забыл о еде и даже о дробке, но, когда он стал копать дальше, его маленький пенис все еще торчал из его тела. Так он просидел на корточках с полчаса, копая и трепеща от открытия каждого бесценного шара.

Он знал, что должен сделать. Он тоже собирался сделать ожерелье! Он собирался надеть его и почувствовать всю его магическую силу. Это было похоже на обещание древнего шамана. Как чудесная награда за то, что он пережил все дни после пожара и был здесь ради Тега, когда он вернулся!

На два часа ближе к Уишису, может быть, еще на 24 часа на этом поезде. Я сидел как каменный, глядя в окно. Чувство возбуждения.

Чувствовать вину.

Я приближался к нему, и образы продолжали мелькать в моей голове. В какой-то момент я почувствовал запах его волос. Потом я почувствовал его руку в своей. В следующее мгновение мой язык легко коснулся кончика его плотно сморщенной крайней плоти, и я ощутила его вкус.

Интересно, я просто возбужден? Правильно ли, что сейчас я могу думать только о его плоти?

Образы возвращались снова и снова. Я провалился в них, мечтая о нескольких минутах. Каждый раз я возвращалась из сна в реальный мир, удивляясь. Неужели я вернулся только для того, чтобы снова попробовать на вкус плоть моего мальчика?

Мой мальчик! Что это значит на самом деле?

Я вернусь. Я поселюсь рядом с Найтовской фермой, чтобы время от времени быть в присутствии Уишиса. Так что я всегда буду рядом, если понадобится ему. Так что при случае мы могли бы заниматься любовью.

Этого будет достаточно? Для него? Для меня?

Прошел еще час, миля за милей тянулись пустые прерии.

Ничто не указывало на прогресс, ничто не давало мне уверенности в том, что я действительно на пути к Уишису. По-настоящему вернуться, ради него.

Для него. Для меня? Как я мог сомневаться в том, что у нас было? Как я могу сомневаться в том, что могу ему предложить? Как я мог сомневаться в том, что он значит для меня?

Сомневался ли я?

Время. Как бесконечное время этого путешествия. Вот что нам нужно, пора понять, что мы значим друг для друга.

Нет! Забудь все это. Ты уже знаешь, Тег! Забудь о сомнениях. Не позволяй ограничениям общества или незаслуженной вине стоять на пути.

Подумай о его плоти! Упивайся мыслями о его плоти!! Осознайте, что означает его плоть и что она есть.

Его рука в моей. Нежность. Нежность. Каждая маленькая цифра, не замаскированная работой. Миниатюрный. Сложная вещь красоты. Почему это волнует меня? Как это меня возбуждает? Он хочет, чтобы его держали. Нужно почувствовать мою сильную, закаленную работой хватку. Он предлагает невинно, сознавая мою силу, но совершенно не боясь. Я держу его и передаю ему часть своей силы, защищая его, лелея его. Мы образуем Союз. Просто прикосновение плоти? Просто стимул, чтобы возбудить меня? Нет, гораздо больше. Вот почему я действительно становлюсь жестким.

Прошло еще немного времени. Мои сомнения рассеялись. Долгие часы, долгие мили больше не мучить.

Как будто во сне, я повернулся полу-боком на сиденье и назвал спокойно через промежуточные места.

- Мэм? могу я.. Меня зовут Теглин, мэм.

Я кивнул ей, а учительница удивленно посмотрел на меня.

Я видел, как приятно она удивилась, вероятно, надеясь на дружеское общение. Ее глаза широко раскрылись, приятные и выжидательные, затем она, должно быть, почувствовал мою потребность, почувствовал, что какое-то большое или необычное настроение или эмоция овладели мной. Она вопросительно подняла брови. И все же она улыбалась, желая помочь, чувствуя, что я нуждаюсь в помощи.

Я чувствовал, что мои глаза, должно быть, остекленели, настолько я был сосредоточен в этот момент. Я чувствовал жгучую потребность выполнить задание. Я должен был каким-то образом навсегда запечатлеть то, что я чувствовал, что я узнал, сидя здесь час за часом в этом поезде.

- Мэм, могу я спросить, нет ли у вас бумаги, может быть, пера и чернил, которые я мог бы одолжить? Мне нужно..

Я сделал паузу. Как выразить то, что мне нужно было сделать, этому незнакомцу? Мне нужно записать, почему я существую! Мне нужно определить любовь. Мне нужно написать о мальчике!

Она уже понял. Должно быть, из-за моего безумного взгляда!

- Не нужно ничего объяснять, Мистер Теглин, - она махнула рукой, чтобы я замолчал, и начала рыться в своих вещах. - У меня есть именно то, что вам нужно, и ты получите его. Я все понимаю. Я действительно хочу. Эти пугающие мили дают много времени на размышления, не так ли?

- Разумеется, мэм.

Я с благодарностью взял бумагу и ручку, когда она протянула мне конверт. Я надеялся, что улыбнулся ей в знак благодарности.

- Я действительно хочу поблагодарить вас, мэм. Это... надеюсь, я смогу отплатить вам при первой же большой остановке.

- Не думайте об этом, мистер Теглин. Давайте, записывайте свои мысли на бумагу, пока эти одинокие, тихие мили сотрудничают с вами.

Я снова кивнул, снова попытался улыбнуться в знак благодарности и вернулся на место.

Сначала я держал ручку неподвижно над бумагой, потом она просто текла и текла.

Мое Желание ... ,

Поэтесса по имени Элизабет Браунинг однажды написала своему возлюбленному:- Как я тебя люблю? Позвольте мне считать способами.'

О, дорогой Уишис, я не поэт, но сейчас, чувствуя себя так далеко от тебя и отчаянно желая быть рядом с тобой, я осмеливаюсь принять вызов Миссис Браунинг и спросить : как? Почему я люблю тебя? Конечно, в ответах я почувствую, как ты приближаешься, пока в следующий раз я не обниму тебя.

Я вижу тебя, Уишис. Я наблюдаю красоту, определенную, в вашем присутствии я чувствую божественное. Я прикасаюсь к тебе, и моя преданность начинается. Каждое место вашего тела-это святилище. Я не могу представить себе ни одного места, которое я не хотел бы держать и целовать целую вечность.

Мне нравятся твои зеленые глаза с золотыми искорками, такие глубокие, что я могу смотреть в них вечно, купаясь в их зеленом богатстве, чувствуя себя вечно обновленным.

Мне нравятся твои почти прозрачные, серебристо-золотистые ресницы, длинные и изящные, о, такие элегантные, под шелковистыми бровями. И то и другое-прекрасные декорации для сокровищ внутри. Что я увидел первым, Уишис? Твои волосы, линия плеч? Может быть, сначала они, но я навсегда вернусь к твоим глазам, чтобы еще раз заглянуть в доброту и любовь, сияющие в них.

Я люблю твои золотисто-русые локоны, переливающиеся на солнце каскадом цветов, но все же каждый в отдельности, и все - чистое золото! Мне нравится зарываться лицом в твои волосы, вдыхать твой запах и чувствовать, как будто я могу погрузиться в твое тело. С каждым поворотом вашей головы, с каждым движением вашего тела ваши локоны подпрыгивают, плавают и кружатся, живой материал вашей энергии. Я следую за ними почти гипнотически, за каждым блестящим завитком, за каждой золотой прядью. Отдыхаешь ли ты или играешь, я вижу ваше настроение в твоих прекрасных золотистых волосах.

Твой милый носик! Я смеюсь!! Как твои уши, такие детские по форме. Ты действительно еще ребенок. Тронутая печалью, даже трагедией, но не тронутая горечью или упреком.

Твои влажные красные губы. Твои глаза закрываются, и я ищу твои поджатые губы, как новый фокус моего существа. Мы целуемся, и я присоединяюсь к твоей божественности. Я пробую твои губы языком, чувствую их гладкость и мягкость, и чувствую, как твой язык, более грубый, испытующий, но податливый, ищет мой. Мы целуемся-мы обмениваемся жидкостями внутри наших тел, зная такую близость, которую может дать только истинная любовь.

Да, эти влажные красные губы, складывающиеся в улыбку или жалобную гримасу. Первый-великолепная награда, возможно, за то, что я сделал! Другой тоже награда, потому что, когда ты показываешь мне свою печаль, Я знаю, что ты доверишь мне помочь.

Через эти губы звучит сладкая музыка твоего голоса. Я до сих пор помню, как ты впервые назвал мне свое имя, и голос твой был так мягок, легок и мелодичен, что, казалось, это был ветер. О, Уиши, твоими губами ты дышишь и поддерживаешь жизнь для нас обоих.

Я снова смеюсь! Я люблю твои драгоценные ушки, мои игрушки. Я могу целовать их, водить кончиком языка по завиткам или жадно жевать твои нежные мочки! Ты тоже смеешься! Твои уши как по волшебству, потому что я обнаружил, что могу шептать прямо в них, говоря, как я тебя

люблю, и вдруг ты поворачиваешься ко мне лицом, целуешь меня в губы, прижимаешься ко мне и тихо шепчешь своим высоким голосом: "я тоже тебя люблю".

Глаза, нос, губы, подбородок . волосы. Я мог бы восхвалять каждую прекрасно вылепленную часть твоего прекрасного лица, но как чудесно искусство богов, когда я созерцаю лик красоты.

Твое совершенство выражается во многих формах, Уиши. Боже мой, как я вижу твои прекрасные маленькие ручки! Бледно-розовые ногти, пальцы настолько тонкие, что кажется, будто внутри нет костей, но наполнены силой! Я всегда восхищаюсь твоими руками, миниатюрными копиями моих, но такими мягкими и нежными.

Способный насадить сверчка на рыболовный крючок, но в то же время способный ласкать меня. Я люблю твои мягкие ладони, очерченные тонкими линиями. Ладони в форме, как раз подходящей для моих ладоней или для того, чтобы нежно обхватить мою мужественность, когда мы занимаемся любовью.

Ладони, пальцы, способные притянуть мои руки и обхватить твое маленькое мужское достоинство.

Я люблю твои руки и плечи, такие классические. Гладкая и длинная, округлая от изящества молодости, еще не обремененная мускулами или работой.

Все еще мальчишеские руки и плечи, которые можно держать в мужских объятиях.

Тогда я смогу поднять ваши руки и найти это тайное, скрытое место, эти сверхчувствительные маленькие пещеры под вашими плечами, где я могу щекотать вас до слез (я бы сделал это!?) или вдыхайте запах своего мальчика. То, что ты иногда позволяешь мне жить там, свидетельствует о твоем доверии ко мне, о твоей любви, о твоей готовности быть известным мне, как никому другому.

Как я люблю держать тебя за плечи, и позволять моим рукам скользить вниз по твоей спине, ощущая выступающие лопатки. Или я вытягиваю их вперед и провожу по линиям ключиц. Именно здесь, вместе с твоими маленькими ручками и ножками, запястьями и лодыжками, я могу почувствовать твое маленькое тело. Когда-нибудь, обнимая тебя, я почувствую, как ты выросла. Будет ли это волновать меня меньше, пробыв с тобой все эти годы? Быть частью твоей жизни? Чтобы видеть тваой рост?

Так же чувствительны, как твои подмышки, твои драгоценные маленькие соски, которые возбуждаются каждый раз, когда я их целую. Конечно, я щекочу там, и вдоль твоих боков, где можно проследить каждый из твоих ребер, или на твоем тугом маленьком животике, но я люблю не твое хихиканье, а блеск, который появляется в твоих глазах, когда я ласкаю тебя там вместо этого! Ваша грудь, ваш живот, должно быть, связаны с какими-то нервными центрами глубоко внутри вас, потому что когда я провожу ладонью или губами или языком. Вот ты выгибаешь спину, шея вздымается, голова запрокидывается, глаза закатываются, веки непроизвольно трепещут. Ты начинаете стонать. Твои соски почти как твой маленький пенис! Не в том, чтобы стать такими твердыми и жесткими, как символ твоей любви, а в том, чтобы быть верным признаком каждого трепета, который ты чувствуешь, и той страсти, которая овладевает тобой, когда мы вместе.

Это чудо для меня, когда я внимательно рассматриваю твой розовато-коралловый ореол, это почти как смотреть внутрь твоего тела, настолько тонка и нежна твоя кожа там. Я вижу синеву твоих вен, как через окно.

Точно так же я могу скользнуть взглядом вниз, вниз, к твоему пупку, и увидеть там остатки вен, которые когда-то связывали тебя с твоей мамой. Я люблю маленькие остатки детского жира вокруг вашего пупка-подушку для моей головы, когда я поклоняюсь внизу или вверху.

Я тоже люблю лежать, положив голову тебе на грудь, потому что, когда я прикладываю к ней ухо, Я слышу твое сердце. Если я делаю это, когда ты глубоко спишь, в тишине ночи, я слышу, как воздух входит и выходит из твоих легких, тогда я могу вдыхать его в свои..

Я люблю твою спину, такую гладкую и шелковистую, длинную и плоскую, упругую с твоими молодыми мускулами, все белое пространство, разделенное посередине, где я могу видеть и чувствовать каждый твой позвонок. Изгиб твоей спины, от плеч, вниз, вниз и внутрь, а затем к двум маленьким ямочкам на ягодицах! Созданный богами для объятий твоего мужчины! Широкая спина сужается к талии и мальчишеским бедрам, каждый контур и линия так плавны и грациозны, что не поддаются измерению.

Я люблю, когда ты лежишь на животе. Думаю, когда-нибудь ты позволишь мне положить голову тебе на спину. Там я буду смотреть вниз на твое тело, на твои ноги. Твои ягодичцы будут выглядеть как холмы, идеально округлые и сформированные. Конечно, они созданы богами. Если когда-либо создадут храм любви к мальчику, он должен быть построен по форме ваших ягодич. Тем более подходящим, из - за внутреннего святилища, скрытого между вашими половинками.

Может быть, когда я буду лежать там, твоя маленькая попка замерзнет, и я согрею их своей лаской. Нежность. Вот что я буду чувствовать. Твоя задница олицетворяет всю твою мягкость. На другой стороне есть что - то твердое, могучее и сильное-твой зад всегда будет оставаться бесконечно мягким на ощупь.

Я поднимаю голову и заглядываю тебе за ягодичцы. Твои сильные бедра, изгиб коленей, гладкие икры. Все так совершенно гладко, и покрыто самыми восхитительными, крошечными, тонкими и нежными белокурыми волосками! Они отражают солнечный свет только тогда, когда я вижу их под идеальным углом.

Они такие длинные! Некоторые достигали четверти дюйма в длину, но оставались невидимыми для глаз, если их не освещало солнце или свет ночного костра.

Есть какой-то мощный афродизиак в тех скрытых волосах, которые покрывают твои ноги, и твои руки! Я пока не могу его определить. Может быть, символы, как твой эрегированный пенис, твоей мужественности? Я просто знаю, что люблю их чувствовать. Я могу закрыть глаза и почувствовать мягкость кожи на твоих ногах, и только дыхание Ангела намекает на все эти маленькие волоски.

Я люблю твои лодыжки, потому что они такие тонкие, что я могу сомкнуть вокруг тебя большой и средний пальцы, и я вспоминаю, какой ты маленький и хрупкий. Мой, чтобы лелеять, оберегать, защищать, обеспечивать.

Мне нравятся твои маленькие ножки. Если человеческая ступня-это шедевр изящества и сложности природы в сочетании с такой непреходящей силой, то твои ступни-это форма, которую боги используют для всех нас. Такие милые, длинные и стройные пальцы и розовые ногти! Я хочу отдать дань уважения твоим ногам. Я представляю, как облизываю чувствительную кожу твоих подошв, особенно вдоль твоей дуги.

Ты, наверное, будешь хихикать и распускать свои маленькие пальчики! Ты будешь извиваться вокруг них и разделять их - легкая мишень для моего зондирующего языка. Я обхватываю твои пятки своей ладонью, занимаясь любовью с твоими ногами, чувствуя себя так близко к тебе, потому что это, мое желание, мое законное место! У ваших ног! Служу тебе во времени. Это то, ради чего я живу. Вот почему я здесь, на этой земле.

Твои ноги. Они приводят тебя ко мне, когда мы расстаемся. Вот обещание. Когда ты будешь отдыхать или когда я смогу сделать это, не нарушая твоих намерений, я буду целовать, ласкать и заботиться о твоих ногах в знак признательности.

О!! Я уверен, ты спрашиваешь, почему Тег бродил по всему моему телу, рассказывая мне, как и почему он любит меня там, и все же он пропустил мою маленькую пипи?
Кажется, ему там так нравится!

Я отвечаю достаточно просто. В конце концов, мы говорим о центре моей вселенной. Твой пенис и все, что там спрятано. Скрытый от всех, кроме меня. Сокровища, известные только мне, и дарованные вами, даром.

Я люблю твой маленький пенис, Уишис. Причин так много. Совершенный и неоспоримый и никогда не подвергающийся сомнению символ твоей любви ко мне. Когда становится твердым, я знаю, что ты думаешь обо мне, хочешь меня. Твердый или мягкий, я люблю его, потому что это часть твоего тела, которая может дать тебе наибольшее удовольствие.

Я люблю, когда твой член в покое. Он выглядит таким хрупким. Мягкость за пределами описания, но я все равно попытаюсь описать эту мягкость. Мягкий, как твой голос? Я имею в виду такой пушистый свет, бархат? Мягкий, как воздух - есть ли вещество в гладкости кожи, которая покрывает ваш дюйм длиной вала?

Или крайней плоти? Настолько мягкое, что оно сливается с контурами твоей головки? Затем крайняя плоть свисает вниз и сужается, чтобы закрыться. Бесконечно мягкий, но все еще неподатливый в своей силе, защищающий, покрывающий.

А потом, когда твой маленький пенис встанет! И все же он мягкий! Твоя кожа буквально скользит по опухшей плоти! И тянется, чтобы сдержать вашу твердость-ваша крайняя плоть выглядит так, как будто она лопнет над опухолью ваших головок. Тяжело! Но такая мягкая! Что за чудо твой возбужденный пенис! Мужественный, указывающий вверх и наружу так прямо, пульсирующий твоей горячей кровью. Мне нравится, как ты сгибаешь его, и он хлопает тебя по лобку. Затем он встает по стойке смирно, твои напряженные мускулы держат его направленным к Солнцу, под углом к твоему телу, в отличие от моего, которое сильно направлено прямо. Твоя молодость, по сравнению с моей мужской гордостью, - это идеальное сочетание ожидания и осознания всего, что значит быть славным мужчиной!

Ты всегда был возбужден со мной, Уишис. Переполненный желанием. Я поймаю тебя врасплох, когда смогу, возьму твой вялый маленький член в руки или рот, а потом почувствую, как он наполняется кровью, которая только что покинула твое сердце, превращаясь из самой хрупкой вещи на Земле в твердый символ детства. Я хочу увидеть твою длинную розовую крайнюю плоть, шершавую и морщинистую снаружи, когда твой инструмент расширится внутри, а потом попытаюсь просунуть язык между гладкой шелковистой внутренней частью и твоей головкой.

Я только что взглянул на твою головку. Крайняя плоть все еще защищает её. Я видел, что она может наливаясь кровью и багроветь от ярости, когда выглядывает из-за плотной ограды, когда я тебя дрочу. Я бы тоже хотел увидеть её розовую и блестящую, когда не так напряжена. Когда-нибудь я смогу натянуть твою крайнюю плоть на твой член, как будто я снова раздеваю тебя. Его поверхность будет гладкой, зеркальной и чувствительной за пределами ваших самых смелых мечтаний!

Я могу себе это представить. Это прекрасное место, где втянутая крайняя плоть создает "V", на нижней стороне твоего пениса, вокруг уздечки. Это будет самое чувствительное место на всем твоём теле, с миллионами точек удовольствия. Я смогу довести тебя до оргазма, просто прикоснувшись к тебе кончиком языка.

Мне нравится твоя моча! На кончике твоей головки. Даже сейчас я могу отодвинуть крайнюю плоть так далеко и слегка сжать - щель слегка приоткрывается, позволяя мне заглянуть в уретру, и мне кажется, что я смотрю в твое маленькое тело.

Если кожа твоего члена легче воздуха на ощупь, то как я вообще могу почувствовать волшебную мягкость твоего члена? Какой чудесный маленький отросток, гибкий, втягивающийся, расширяющийся, окружающий два драгоценных маленьких овала внутри. Я люблю разминать эту плоть, тянуть, толкать, растягивать и сжимать ее в любую форму-если только ты не возбужден. или холодно! Ха-ха! Помнишь, как мы прыгнули в пруд? Магическая плоть мошонки сжалась в твердую защитную оболочку, подталкивая яйца высоко в тело, чтобы согреть их. Да, я думаю, у твоей мошонки есть свой собственный разум. Бьюсь об заклад, я мог бы согреть его губами и языком и заставить снова повиснуть, свободно и беззащитно.

Когда ваш мешок туго натянут и сморщен, легко увидеть небольшой гребень, который делит его на две части. Это похоже на след из Поднятой кожи, который начинается под твоей уздечкой, идет вниз под вашим членом, через твою мошонку и ведет прямо к твоему анусу. Этот узкий гребень, иногда такой бледный, белый и розовый, может стать жестким и возбужденным и вспыхнуть красным, когда я тру его. Я хочу медленно двигать языком и губами по этой дорожке, следовать за ней, облизывать ее, любить ее, до самой промежности. Я надавлю сильнее, желая, и помассирую тебя до экстаза. Бледная, розовато-белая кожа там, которая никогда не видит света, так медленно уступит место более розовой, затем слегка коричневатой, гофрированной коже вокруг твоего ануса. Еще одно чудо природы. Там было так много крошечных нервных центров, как будто они звали к кончику моего пальца или к языку ..

Мой дом! Твои ягодицы скрывают мой дом. Я хочу жить там, спрятать там свое лицо. Как мне это объяснить?? Не могу. Пока..

Как объяснить, что то, что большинство людей считают грязным, я считаю почти святым?

Часть этого в том, что ты открываешь себя только мне, Уишис. Это тайное место, личное. Ничье кроме меня. Запах, который я чувствую там, только для меня. Острый. Пахнет плесенью, даже когда ты только что умылся. Это сладчайший из ароматов, опьяняющий, интимный. И вкус. Опять же, для меня, одного. Кожа вокруг твоего ануса гладкая и мягкая, выделяя твою специальную слизистую смазку.. Я хочу попробовать его, как я хотел бы выпить бесценный эликсир. Теперь я могу только представить, но что, если я прощупаю, чтобы ослабить и отделить складки твоей кожи, ведущие вниз, вниз, в твое тело! Когда-нибудь я хочу туда попасть своим языком, своим... Ну, есть вещи, о которых я не могу написать... еще. Есть вещи, которые нам с тобой еще предстоит узнать о любви. Может быть, я могу просто дать еще одно обещание, дорогой: на твоём тайном, частном открытии, когда-нибудь мы узнаем, как присоединиться к союзу, о котором мы говорили.

Твоё тело. Мой храм. То, что я написал здесь, похоже на мой молитвенник, с нами. Надеюсь, теперь ты понимаешь, что для меня значит любить твою плоть. Я прочту тебе это при следующей встрече, и еще раз, и еще раз, на протяжении многих лет, как напоминание. Я буду петь свою молитву снова, всякий раз, когда я буду пытаться возобновить свои клятвы тебе. Возможно, это также будет напоминать тебе о моей любви, когда ты будешь чувствовать себя потерянным, одиноким или напуганным, как я сейчас.

Твой Тег

Две нити коралловых и жемчужных бусин лежали на широком плоском камне, который Уишис часто использовал в качестве стола. Он изумленно уставился на них.

Он сделал это!

Как старательно он распутал нитки из своей грязной ночной рубашки, скатал их в длинные пряди и аккуратно нанизал бусинки.

Он измерил диаметр своей шеи и сделал одну прядь вдвое длиннее для Тега. Бусин было как раз достаточно. Как будто Шаман башни действительно оставил их здесь именно с этой целью.

Время остановилось, пока он работал - почти остановилось. Только изредка урчание в животе и ползущая тень стены каньона на крыльце отмечали время. Теперь, к своему изумлению, он решил, что уже полдень.

Поначалу он чувствовал себя сытым и полностью удовлетворенным утренней трапезой.

Потом в животе у него заурчало. Это было такое странное чувство, временами заставлявшее его чувствовать себя раздутым и сытым, а иногда заставлявшее его снова чувствовать голод. Однако ничто не мешало ему в его работе.

Теперь он взял более короткую прядь и положил себе на ладонь. Он чувствовал, что должен как - то отметить этот момент-момент, когда он надел его на шею.

- Хорошо, - громко произнес он, грубо нарушив полную тишину в каньоне. Звук шокировал его, казался неуместным. Он постоял, оглядываясь по сторонам, словно кого-то потревожили, потом подошел к краю крыльца. Внизу был остальная часть его города, а внизу простирался поросший лесом каньон до небольшого ручья на самом дне.

Он чувствовал себя таким живым! Уже несколько дней он ходил голый, если не считать грубых кожаных мокасин. Он даже не надел их сегодня утром. И вот он стоял там, в самом центре своего личного мира, высокий, лоснящийся, загорелый с голоты до ног от солнечных дней. Обнаженная перед Вселенной! Ничего скрытого. Гордый.

- Тег, я сделал эти ожерелья как символы нашей любви друг к другу, - прошептал он уже тише, почти шепотом. - Я сделал их для тебя. Сейчас я надену эти бусы на шею.- Он накинул прядь ниже

подбородка и туго затянул ее вокруг шеи, как те кольца, которые носила его мама. Это был взгляд, которого он хотел, взгляд одержимости, пленения. О том, что его удерживают.

-Это значит, что я твой навеки, Тег, - сказал он, завязывая узел, чтобы удержать нить на месте.

Он посмотрел на Восток, на дальнюю стену каньона, за дальнюю стену, пытаясь вызвать в памяти образ Тега, скачущего к нему. Подняв руки в мольбе, и его голос тоже стал громче, жалобно, но все еще не плачущим, как в прошлые дни, он умолял: "Где бы ты ни был сейчас, Тег, пожалуйста, поспеши.."

Боль ударила его, как кувалда, прямо в живот. У него перехватило дыхание от ее интенсивности. Он мгновенно согнулся пополам, хотя колени его начали подгибаться. У него хватило ума протянуть руку, чтобы удержаться на ногах, иначе он свалился бы с карниза на крышу дома. Другой рукой он тщательно сжимал живот.

Ему хотелось закричать, так плохо было. Ничего подобного он раньше не испытывал! Боль пронзила его изнутри, разрывая на части. Затем он почувствовал, как поднимается желчь, ищущая выхода.

- О, Тег, Я .- умолял он сквозь стиснутые зубы, но желудок его судорожно сжимался, его рвало, и он мог только опереться обеими дрожащими руками о край уступа и позволить тошнотворной ядовитой смеси вырваться из желудка в рот, ноздри и наружу вонючей красноватой струйкой.

Ужасная вонь и отвратительная грязь заставили его отшатнуться. Он полз, едва держась на ногах. Казалось, вся его жизненная сила изверглась вместе с рвотой, и он внезапно почувствовал себя таким слабым. И боялся

Конечно, если сможет ... просто сделай это ... в башню, лечь

Он снова почувствовал, как поднимается желчь, и даже не успел вскарабкаться на край уступа - грязь хлынула наружу, а мышцы в животе напряглись и забились в конвульсиях. Так больно!

Ему хотелось закричать от боли, но все, что он смог выдать, был слабый стон. Его руки подкосились, и он упал в собственную блевотину. Он просто лежал с широко открытыми от ужаса глазами и смотрел на восток, не в силах пошевелиться.

Все, о чем он мог думать, - это образ Тега, скачущего вниз по тропе в долину и не обнаруживающего ничего, кроме пустоты.

- Я умру, - внезапно понял он с уверенностью. Он никогда не чувствовал никакой боли отдаленно похожего на это. - Тег придет за мной, но меня здесь не будет.

В агонии он рухнул на сухую пыль крыльца башни и слабо закричал в грязь.

С моей "Одой Уишису", аккуратно сложенной и засунутой в жилетный карман, я должен был чувствовать себя намного лучше. Несколько часов были потрачены впустую, а сейчас, судя по всему, был середина дня. Прошло еще несколько часов, приближая меня к моему мальчику.

На самом деле я чувствовал себя довольно самодовольным, когда ... на меня что-то нашло. Что-то шевельнулось в моем сознании. Что-то меня беспокоило. Какое-то предчувствие беды. Я был не там, где должен был быть, черт возьми! Каким-то образом я просто знал, что нужна Уишису прямо сейчас ...и меня не было рядом с ним.

Мне хотелось встать. Крик. Выкрикни мое разочарование. Мои мышцы напряглись, но я сидела как каменная. В этом не было никакого смысла. Мне хотелось плакать, оторвать подлокотник от скамейки, разбить окно рядом с собой. Да, это тоже многого достигнет.

Я глубоко вздохнул и сжала подлокотник, пытаюсь снять бесполезное напряжение.

- Я иду, Уишис! Я буду там ... скоро. Пожалуйста, пожалуйста, продержись до тех пор, дорогой!

Глава 7

Уишис стиснул зубы, пытаюсь унять стук, и все его тело конвульсивно задрожало от холода. Он не знал, как далеко сможет уйти, прежде чем окончательно рухнет. Или сойти с тропы на дно каньона. Он просто знал, сейчас или никогда.

Лучше умереть в поисках Тега, чем среди вони и грязи в башне. Всю ночь он пролежал в постели, слишком слабый, чтобы даже перекатить камень через порог. Ему не стало лучше, только тошнило... хуже... на полу, на кровати. Тег не должен найти его в таком виде!

Его мир приближался к концу. Он знал это. Когда солнце, наконец, взошло, оно не сделало ничего, чтобы рассеять холод, скрываясь за облаками. Казалось, небеса опустились на него. Мокрые серые облака висели над краем каньона. Дождя еще не было, но все, к чему он прикасался, было мокрым и холодным. Над этими туманными берегами впервые за несколько недель небо было полностью затянуто тучами. Должно быть, это поздний весенний холодный фронт ... до лета ему не видать.

Он чувствовал это до мозга костей. Холод иссушил остатки сил.

Но хуже ... он слабо застонал, чувствуя, как боль снова начинает подниматься в животе, и быстро протянул руку, чтобы ухватиться за ветку, нависшую над тропой. Она треснула под его мертвым весом, и он упал на колени, даже не почувствовав, как острые камни впились в кожу.

Он согнулся пополам, казалось, в сотый раз, чувствуя, как сухая тошнота охватывает его. Они были неуправляемы – он больше не мог с ними бороться. Мышцы живота напряглись, превратившись в тугие узелки на фоне пустоты в животе. Он пытался вырвать, хотел вырвать! Все лучше, чем эта безжалостная пытка. В эти мгновения ему казалось, что его сердце перестает биться, а мышцы груди слишком слабы, чтобы сопротивляться давлению снизу. О Боже, он хотел умереть!!

Он рухнул на холодные мокрые камни тропы. Ночная рубашка быстро впитала влагу, вернув его к действительности. Хляби небесные остановились. С долгим, отчаянным стоном он снова поднялся на ноги. Не здесь! Он не хотел умирать здесь. Тег должен найти его на тропе. Тропа из долины. На тропе, по которой вернется его человек. Как он и обещал.

Почти оцепенев от холода, Уишис плюхнулся на мелководье у края Бобрового пруда. Хорошо! Он сделал это.

Теперь Тег легко найдет его тело. След приведет его прямо к пруду.

Он найдет и чистое тело.

Уишис посмотрел на себя. Из правого колена сочилась кровь.

Он вяло наклонился, чтобы зачерпнуть воды и смыть грязное красное пятно. Ночная рубашка был безнадежна. А теперь бесполезно. Он изо всех сил пытался поднять его, снять с плеч и над головой. Ему казалось, что он не может поднять руки так высоко, поэтому он наклонился еще больше и вроде как накинул ткань на спину и голову. Он упал в воду пруда.

Он сожалел об этом. Это только сделает воду грязнее. Возможно, Тег сможет выудить его позже. Он надеялся на это. Это было такое милое место. Они с Тегом играли здесь

Мурашки пробежали по его рукам, когда он внезапно оказался обнаженным на холодном воздухе. Они исчезли так же быстро. Он догадался, что даже гусиная кожа был слишком холодной и слабой, чтобы остаться. Смешно, но это не смешно. Может быть, в другой раз. Он медленно умылся, смывая с себя следы грязи, оставленные тропой, и желчные пятна, оставленные собственным кишечником.

Его волосы. Тегу нравились его волосы. Он знал, что даже когда Тег найдет его тело, он будет баюкать его голову, нюхать и целовать его волосы. Грязные мокрые клочья свисали ему на лоб. Он протянул руку и нащупал Локки с одной стороны. Все было перепутано. Медленно, старательно он начал распутывать клубки, используя воду из пруда, чтобы размягчить и удалить грязь, используя пальцы как гребень.

Полчаса спустя Уишис мрачно выполз из пруда и медленно поднялся на дрожащие ноги. Он был чист, как только мог. И холоден до глубины души. Даже сквозь загар его кожа выглядела бледной и бледной, кровь отхлынула. Он уже ничего не чувствовал ни пальцами рук, ни ног. Впрочем, умирать здесь было незачем.

Тег должен знать, что он до последнего вздоха пытался подобраться ближе и ближе. Что он никогда не сдавался. Что он всегда верил обещанию

Почти бессознательно Уишис выставил вперед одну ногу, потом другую и зашаркал вокруг пруда. Тропа через Черную гору шла через луг, среди деревьев.

Теперь он начал туманиться. Облака опустились еще ниже, оседая, точно так же, как его мокрая ночная рубашка висел влажной и липкой на коже.

Теперь весь его мир казался серым ...

... светящиеся серые облака – где-то за ними был солнечный свет. Может быть, Тег сейчас летел над облаками, чтобы найти своего мальчика.

... гладкий серый отблеск луговой травы, которую он топтал, превращаясь в сплюснутую массу с каждым шаркающим шагом. Может быть, когда-нибудь выглянет солнце и высушит траву, и каждый листок поднимется снова, скрывая тот факт, что одинокий маленький мальчик когда-то проходил этой дорогой. Что он когда-то существовал.

... безжизненный серый цвет его собственного тела. От влажного потемневшие пряди его волос, инертных и намазанный против его головы, свинцовые капельки воды, которые падали с его подбородка, или пальцами, или от его сморщенный маленький пенис. Может, когда-нибудь

Нет. Может и нет.

Уишис добрался до деревьев на краю луга и понял, что дальше идти некуда. Не сейчас. Не когда-либо. Странно, подумал он. Здесь он попрощался с Тегом всего три недели назад. Теперь это, где он собирается ... где Тег собирался его найти.

Там, под той большой осиной, где он преклонил колени перед своим человеком и взял его семя

- Я хотел сделать для тебя гораздо больше, Тег. И с тобой. Я хотел быть с тобой всегда.

Уишис долго стоял неподвижно, онемев. Его разум почему-то не мог направить его вперед. Теперь он ощущал холод как что-то внутри себя. Его не было ни в воздухе, ни в тумане. Ни на коже, ни даже в костях. Такой холод был в его душе. Это был бесконечная печаль, что его холодная форма был всем, что Тег найдет сейчас. Это было бесконечное отчаяние, что он ничего не мог сделать.

- Я пытался, Тег. Я ждал тебя здесь. Извини. Я просто не смог прийти. Я люблю тебя.

Наконец он сделал несколько неуверенных шагов к осине и медленно опустился на землю. Ковер влажных, сырых листьев опустился под его весом, окутывая его. Он закрыл глаза и лежал без чувств, пока туман постепенно не превратился в легкий дождь.

Лист, давно мертвый, но упрямо висевший всю зиму на ветке осины наверху, трепетал при малейшем дуновении ветерка, становился все тяжелее и тяжелее от дождя и, наконец, оборвав свою жизнь, насквозь промокшим падал на мальчика вниз. Заявляя права на мальчика ... мальчик, который хотел стать единым со своим мужчиной, теперь неумолимо станет единым с самой землей.

Моя рука снова нащупала письмо, прижатое к сердцу. Бессознательное действие. Я не замечал этого до тех пор, пока в четвертый или пятый раз не свернул с тропы, не направил коня к самому краю обрыва в долину и не стал искать первые признаки присутствия моего мальчика.

Я искал дым, поднимающийся из трубы хижины Найтов. Мое сердце подпрыгнуло к горлу, когда я добрался до того места, где впервые увидел рыбака Уишиса.

Пока ничего. Его там не было.

Как мне хотелось пришпорить своего усталого коня и заставить его мчаться по этой тропе все быстрее и быстрее. Каждый нерв в моем теле покалывало, дыхание участилось, сердце забилось быстрее, сильнее.

И все же у меня хватило ума не форсировать события. И мой конь, и вьючная лошадь, следовавшая за нами на веревке, смертельно устали за последние двадцать четыре часа без остановки на тропе. Я собрал на станции все, что мог вообразить, планируя длительное пребывание в долине. Я бы построил хижину здесь, где-нибудь поблизости. Заведи второе ранчо. Продай ту, что в Моголлонах. Делай все необходимое, чтобы быть здесь с Уишу.

Поэтому я резко выпрямился в седле, позволив своей лошади идти по тропе в ее темпе, чувствуя, как вьючная лошадь тащит меня, все мои чувства обострились, готовые прыгнуть в объятия Уишиса ... если мы когда-нибудь спустимся по этой тропе!!

Вряд ли я найду его играющим у ручья в этот туманный, холодный день. Дождя еще не было, но влага висел в воздухе и блестела на каждом камне, ветке и листе. Солнце было бледным, чуть более ярким серым пятном на полностью затянутом облаками небе, не излучая никакого тепла. Этот холодный фронт преследовал меня всю дорогу с территории Аризоны, а затем, наконец, окутал меня и все, что было передо мной в течение ночи. Я надеялся, что Уишис уютно устроился у огня, возможно, читая книгу.

Я протянул руку и снова нащупал письмо. Как бы мне хотелось посидеть с ним сегодня вечером у этого самого огня и излить ему свою любовь

Моя рука замерла на месте, коснувшись письма. Мне вдруг стало еще холоднее, я что-то почувствовал ... что-то необычное? Я глубоко вздохнул, на мгновение сжал письмо в руке и, взявшись обеими руками за поводья, остановил лошадь. Не было слышно ни звука. Я даже не слышал шума тающего в долине ручья. Никакого ветерка, чтобы шуршать влажным пологом над головой. Было мрачно, холодно и мертво.

Мертвый... пустой. Я попытался сделать еще один глубокий вдох, запинаясь, мое горло сжалось от внезапного ужаса. Было больно. Глубоко внутри у меня все болело. Что-то было ... неправильный.

Я закрыл глаза и попытался успокоиться. Вы знаете, как что-то приходит вам в голову, и это так ужасно, что вы чувствуете, как оно приходит, и вы пытаетесь не позволить ему войти в ваше сознание.

Подумай о Уишис! Он сейчас внизу, ждет тебя.

Все в порядке. Просто такая погода. Достаточно, чтобы умертвить чей-нибудь дух. Но не сегодня!

Это не сработало. Я не мог избавиться от этого чувства.

«Хорошо, Тег. Забудь об этом. Спускайтесь по тропе. Найди своего мальчика.»

И тут я понял, что почувствовал.

Запах дыма. Ни следа живого дыма, поднимающегося из трубы хижины рыцаря. Всепроникающий запах ... старый дым ... затхлый, сырой, обволакивающий запах, который просто застрял в МОИХ ноздрях, как будто он покрывал все вокруг меня. Запах конденсировался на мне вместе с влагой в воздухе! Онемение, оцепенение.

Я озадаченно огляделся. Здесь не было никаких признаков недавнего пожара. И ни одного через дорогу, через долину, на склонах, возвышающихся над долиной.

Итак, нет причин для паники или страшных фантазий. Просто иди по этой тропе. Еще немного, и ты увидишь, что он ждет.

Я ускорил шаг, пришпорил коня и дернул за туго натянутую веревку, ведущую к вьючной лошади. Обе лошади начали спотыкаться, поэтому я немного притормозил. Черт возьми, это не принесет ничего хорошего, если меня убьют, спускаясь по этой тропе, и все же страх грыз меня, вопреки всем разумным объяснениям, которые я мог придумать.

Много чего может оставить этот след дыма. Небольшой лесной пожар. Может быть, Бен Найт сжигает луговую траву? Нет, не весной.

Запах был таким всепроникающим. Ладно, сено загорелось. Сожгли сарай ... и Уишис попытался помочь потушить огонь ... может, он обжег руки ... или попал в огонь и серьезно пострадал, или

Боже. Скажи мне, что он в порядке!

Мой разум тут же закрылся. Мне было невыносимо даже думать о том, что Уишис может быть слегка ранен. Я попытался заменить эту мысль чем-нибудь хорошим. Уишис на ручье рыбачит ... тянет Уишиса в пруд ... целовал его в скрытом городе в каньоне

Это не сработало. Что, если он действительно был ранен?

Изо всех сил стараясь избежать образа в моем сознании, я не удерживалась от попыток прокрасться обратно снова и снова. В моем воображении вдруг возникли сотни возможностей. Я заплакала, разразившись потоком слез и боли. Лихорадочно, я вытер слезы, зажатые в мою пасть заткнуть железной хваткой, и мысленно накричала на себя. Что я делаю?! Это было глупо! Думать о худшем без причины.

Я глубоко вздохнул, успокаивая мысли, но теперь мои страхи сменились омертвевшим ощущением безжизненности в собственных конечностях и тяжелым, опускающимся чувством в животе.

Так нельзя было встретиться с моим мальчиком!

Дело в том, что я шел по следу уже 24 часа без сна. Я сошел с поезда, не просыпаясь от беспокойного сна, окоченевший, как доска. А до этого еще 48 часов в пути, из Оклахомы! Так что пришлось сохранять спокойствие, спуститься по тропе и показать Уишису, что я вернулся, как и обещал.

Его улыбка все исправит. Только его улыбка

Полчаса спустя, у подножия тропы, я почувствовал, что могу плыть по дну его долины, ошеломленная перспективой его улыбки.

Его не было там, у ручья, где мы впервые встретились. Но это не имело значения. Я огляделся по сторонам ... вот где я упал с седлом на спине ... и он улыбнулся мне. Мы резвились в высокой траве, а он все смеялся и смеялся. И там! На другой стороне луга деревья скрывали от меня хижину Найта, но я мог видеть дальше, где маленькие деревца тополя окружали берега Бобрового пруда, где мы плескались и буквально кричали от радости.

Три недели прошли! Наконец-то! Я вернулся.

Вот тропинка вдоль ручья, мимо этого отрога деревьев, к хижине. Я сделал сдвинуть лошадей на рысь сейчас. Ровная земля, они справятся. Мое сердце билось где-то в горле. Он мог стоять прямо на крыльце хижины! Только представьте его улыбку, когда он увидел меня

Я снова пришпорил коня, миновал последнюю сосну, скрывавшую меня от глаз рыцарской хижины, и запел про себя: "Уишис, я здесь! Я вернулась, дорогой!"

Я действительно плыл. Даже когда мое холодное, безжизненное тело безмолвно сидело среди пепла хижины, мое сознание, казалось, парило над ним. Свидетельствующий. Не жить этим моментом. Никаких чувств, кроме зрения. Я увидел себя, держащего и смотрящего на обгоревшие останки Уишиса. бейсбольные трусики. Я не чувствовал текстуры потрескавшейся и обугленной ткани ... но вот он я, трогаю эту драгоценную ткань.

Я плакал? Я не чувствовал, как по щекам текут слезы ... но как я мог? Я видел все это, как во сне. Это не мог быть я.

AAA. Вот что это было ... мечта. Очень плохой сон. Мой мир внезапно, ужасно изменился. Мир снаружи ... он в нем.

Этого не может быть. Не было слышно ни звука ... даже легкого дождя, который начал падать, пока я сидел там, минута за минутой.

Во сне можно увидеть все. Странно, но в этом мире сгоревшая хижина сохранила свою форму. Почерневшие остатки стропил, которые безмолвно, массивно, словно защищая, висели над его кроватью ... обугленная часть лестницы, все еще целая, по которой он поднялся ... пепел лежал узором у самых половиц веранды, на которую он наступил

Там, в спальне Найтов, несколько койотов грызли и ломали кости. Мистер или Миссис Найт, застигнутые в постели пожаром

В ужасе я вскочил и отшатнулся, все мои чувства устремились ко мне. Теперь я отчетливо ощущал запах горелого и гниющего дерева и человеческих останков! Какой ужас-жара и поднимающееся пламя!

Удушливый дым! Ужас от того, что он не узнает окружающего, не знает, как выбраться! Слышу крики.

Их. Свой. ...

Я все еще сжимал останки моего мальчика ... маленький кусочек ткани. Теперь я чувствовал слезы, но был нечувствителен к холодным каплям дождя и к боли в ногах оттого, что больше часа неподвижно сидел среди его пепла.

Ноющая, удушающая боль внутри меня был настолько подавляющей, что я сделала ложный выпад слабостью. Мое Желание! Я захрипел в агонии, желая закричать, но силы покинули меня, и колени подогнулись. Я неловко опустился на одно колено, мои руки снова упали в пепел, руки онемели и дрожали. Я быстро подобрал обрывок его трусиков и прижал к груди

Письмо. .. сложенное и покоящееся на моем сердце ... вот оно. Я почувствовал его под теми самыми пальцами, которые так крепко сжимали обрывок ткани. Я медленно выпрямился, потом протянул руку и вытащила письмо. Я хотел прочесть эти мысли Уишису, а потом отдать ему письмо, чтобы он прочел его снова, когда почувствует в этом необходимость.

Теперь этого не случится.

Я когда-нибудь говорил ему? Понял ли он?

Если он ... если бы он знал, что умрет в огне этой хижины ... знал ли он хотя бы, что я люблю его? Было ли это для него утешением? Он что, задохнулся ?...

Я не мог, не хотел закончить мысль ... и все же не имело значения, что я делал или думал. Все было кончено. Сделанный.

О Боже, как больно!!!

Десять лет. Вырван из дома своего детства. Он знал, что такое непреодолимая печаль. Потом два дня, когда ... казалось ... Я. .. казалось, я дал ему надежду ... тогда я подвел его!!

О мой дорогой, милый Уиши! Что я натворил?

Я СДЕЛАЛ... Я люблю тебя, Уишис. Если бы я только мог занять твое место

Я упал в голую грязь рядом с пеплом сгоревшей хижины и дал волю слезам. Они все что у меня осталось в этом мире.

В какой-то момент, не отдавая себе в этом отчета, я ухитрился завернуть сложенную бумагу в лохмотья трусиков Уишиса, затем благоговейно поднес ее к губам, чтобы поцеловать. Потом снова подполз к обугленным останкам хижины и положил пакет. Было трудно отпустить это. Например, отпустить прошлое и попрощаться с будущим, которого сейчас никогда не будет.

Кто знает, сколько времени я просидел под морозящим дождем. Может быть, минуты или часы. Вы должны осознавать, чувствовать течение времени.

Ты должны думать, жить, надеяться, стремиться, даже нуждаться в концепции времени.

Помню, как-то раз я спросила бабушку, как она мог часами сидеть в кресле-качалке на крыльце своего старого дома в Бостоне и ничего не делать. Она не ответила, только посмотрела на него пустым взглядом. Теперь я все понял. Полагаю, для всех нас настанет время, когда весь смысл жизни исчезнет.

Так бы я и сидел, без конца, если бы не стук лошади сзади. Я не был глуп. Я увидел сарай, стоявший через дорогу. Манящий, сухой, теплый. Наполненный сеном.

Я невидяще огляделся и почувствовал, как её холодный мокрый нос прижался к моей щеке.

Я был возмущен вторжением и хотел злобно ударить зверя.

Вместо этого, глубоко вздохнув, смирившись с необходимостью, я смахнул слезы с глаз и посмотрел на неё.

Горечь, направленная не туда, понял я, глядя в её круглые стеклянные глаза, немые от невинности животного, которое ничего не знает о моей потере.

- По крайней мере ты не скажешь мне, что жизнь продолжается.- Пробормотал я.

Она фыркнула, и я тоже. Я отказывался признать, что это может быть правдой. Не должно быть жизни в мире, которого больше не знаю ... его улыбка.

Нет жизни. Ну, тогда долг, ответственность. Я встал на скрипучие колени, чувствуя себя очень старым и усталым, и потянулся за поводьями.

Внезапно мне показалось святотатством покинуть это место. Однажды я его бросил. Как я могу сделать это снова? Почему я должен делать это снова?

Я мог бы просто отпустить лошадей, позволить им самим о себе позаботиться, пока я здесь ... рядом с ним. Мое место было рядом

Сквозь слезы я наконец сфокусировался на том, что все это время было перед моими глазами.

Три, а не две лошади стояли, опустив головы, и терпеливо ждали под дождем, когда их хозяин-человек заметит их.

Я вытерл рукавом слезы и дождевую воду с глаз и бровей и снова уставился на неё.

Молли. Это была Молли. Это был тягловая лошадь Найта, которую я учил чистить и кормить Уиши. Бен Найт обращался с ней лучше, чем когда-либо обращался с Уишисом, всегда приводил ее ночью в теплое стойло в сарае, наполняя ведро овсом

Я мгновенно развернулся на каблуках, моя кровь внезапно побежала по венам, мой разум внезапно закружился от удивления.

Дверь сарая был открыта! Молли свободно бродила по зеленой траве луга. Но пожар, очевидно, произошел ночью, когда Найты были в постели! Их тела, их кости

- Будь ты проклят, Теглин! Открой глаза!- Закричал я. Я побежал к сараю, но остановился на полпути, кровь закипела в жилах, дыхание стало прерывистым. Я снова почувствовал слабость, но на этот раз от радости. Уишис может быть

Я должен сохранять спокойствие! Посмотри вокруг, Теглин! Ищи его следы!

Будь проклят и этот дождь. О Боже, если он жив, то где же он??

На земле виднелись пятна, небольшие углубления, ничего, что я мог бы увидеть, не осталось от ног мальчика. Огонь был старый. Возможно, несколько недель. Вероятно, это произошло сразу после того, как я покинул долину. Если бы Уишис сбежал из горячей хижины, его следы были бы старыми, но они

Я начал кружить, пересекая землю, ведущую к амбару. Открыл ли он дверь сарая? Отпустил ли он Молли?

О Боже, неужели он сейчас в сарае? Спит? Больно? Сожгли?

- Уишис!- Закричал я и побежал к сараю, все еще ища следы.

- Уишис!- Крикнул я в темноту, распахивая дверь. Внутри царил полумрак, воздух был тяжелым от влажности и запаха сена на чердаке.

Я бегал от стоила к стойлу, выкрикивая его имя, потом забрался на чердак, на случай, если он лежит там без сознания.

Его там не было. В сарае его не было. Я видел никаких признаков того, что он жил здесь

Город! Он отправился бы в свой город в каньоне! Как же я был глуп! Почему я не могу ясно мыслить? Когда я начну ясно мыслить?

Я выбежал из сарая и буквально вскочил в седло, а затем пришпорил лошадей и поскакал по направлению к каньону.

Моросил дождь, окутывая долину непрозрачной пеленой. Дно облаков тоже было в долине. Я начал терять ощущение верха, низа, правого и левого. Вокруг меня был только влажный серый круг видимости, который все время смещался вперед, когда мы скакали галопом по плоскому дну. Это не имело значения. Я знал дорогу. Если бы Уишис был в своем городе, я бы его нашел!

Как только тропа оторвалась от дна каньона и начала огибать крутые склоны стен каньона, путь под туманным дождем стал предательским. Но я повсюду видел следы пребывания Уишиса! Смазанные и размытые следы маленьких ног. Сломанные ветки, в рост маленького мальчика. Драгоценный клочок фланели-может быть, его ночная рубашка! Он спасся от огня посреди ночи!

Вскоре я забрался в облачную грядку, которая дрейфовала в долину и ее боковые каньоны. Это было похоже на накидывание капюшона. Я не мог видеть дальше двадцати или тридцати футов вокруг себя, и мой слух, казалось, тоже сжимался в этот круг. Я чувствовал себя такой одинокой.

Это не помешало мне выкрикнуть его имя. Чем ближе я подходил к его городу, тем громче и отчаяннее кричал, доходя до истерики.

Ответа не последовало, и я не мог сказать, был ли это просто эффект тумана ... его там не было.

Если его там нет, что мне делать??

Ладно, глупый вопрос. Я буду искать и выслеживать его. Пожалуйста, боги, я скоро найду его, особенно если он пострадает от огня или от тягот жизни в полном одиночестве.

Наконец я добрался до первой террасы его города. Могильные, пустые двери смотрели на меня из древних жилищ, пугая меня больше, чем холодный туман и пелена дождя. Башня шамана все еще была скрыта туманом. Я резко крикнул: - Это я! Тер!"

Ответом было молчание. Сырой воздух заглушал все звуки, но я, конечно, услышал бы его, если бы он позвал меня.. Может, он спит, или болен, или ранен. Я представил, как он лежит в отчаянии на кровати, которую мы соорудили.

Его следы были повсюду, они вели в обе стороны-вверх к башне и вниз. Я не мог сказать, какие из них были последними. Пыль на городских дорогах превратилась в грязь, и все следы, оставленные после полудня туманом и дождем, были скрыты. Шел мелкий дождь, поэтому я придерживался скалистых участков тропинок.

К тому времени, как башня оказалась в пределах моего поля зрения, я понял, что что-то действительно было ужасно неправильно. Вонь человеческих отбросов и рвоты ударила меня, как молот - он был болен, возможно, ранен. Он никогда не использовал бы башню в качестве уборной, если бы просто не мог двигаться. Я вскарабкался и пробежал последние ступеньки на уровень Башни, мое сердце бешено колотилось, я боялся того, что я найду внутри, но все еще надеялся найти его там.

Пожалуйста, Уишис, будь в порядке!

Пятна рвоты тянулись по карнизу под крыльцом башни.

Лужи лежали у самого края-значит, он пытался уйти от самой башни.

Вокруг валялись обломки нескольких недель его пребывания здесь.

Открытые банки. Очаг, полный старых углей и пепла. Дрова для костра, сложенные и рассортированные по размерам. Отметины на глинобитной стене, - он считал дни до моего возвращения!

Я быстро нагнулся, чтобы войти в башню. Первой моей реакцией было смятение, что его там нет. Второй, последовавший почти сразу за первым, был душераздирающий ужас. Я почувствовал, как моя собственная желчь поднимается, видя его грязную постель, от неконтролируемого поноса. Рвота валялась на полу и на кровати. Он ужасно страдал от какой-то болезни.

Я быстро огляделся, ища хоть какой-то намек на то, где он может быть сейчас. Ничего не было.

Я попятился назад, на "свежий" воздух крыльца, и глубоко вздохнул. Меня тошнило не от испорченного воздуха. Это была мысль о том, через что прошел мой мальчик. Он заболел и остался совсем один.

Я тоже осмотрелся. Очевидно, он часто сидел на крыльце. Готовил здесь. Ели здесь. Он собрал множество вещей из сгоревшей хижины. Расческа, несколько кастрюль и сковородок, и странно ... одно из ожерелий Миссис Найт? Оно лежало на плоском камне. Возможно, что-то, что он хранил как напоминание о ней?

Я поднял его и задумался. Оно не обугленно в любом случае. Коралловые бусы. И слоновая кость...

Это не было ожерельем Миссис Найт! Ну, может, камни и принадлежали ей, но веревка была сплетена из травы, волокон или коры дерева! Это сделал Уишис! Чем занять его долгие часы здесь?

Я поднес его к губам и поцеловал, закрыв глаза. Дорогой Уишис, где бы ты ни был, я найду тебя!

Я быстро сунул ожерелье в тот же нагрудный карман, где хранил письмо, которое написал ему ... и вспомнил о письме! Я оставил его на месте ожара! Он не умер! Мне нужно это письмо, он еще услышит мои слова своими ушами!

Найди его первым, Теглин! Я огляделся в последний раз. Не нашел ничего, что дало бы мне ключ к его нынешнему местонахождению. Я поспешно обошел город по периметру. Единственные следы вели вниз, в долину. Он не бродил где-то здесь, по городу. Поэтому я тоже пошел по тропе.

На дне каньона я снова проклял себя за то, что не был более систематичен. Я сделал поспешные выводы о том, что Уишис погиб в огне. Я опрометью бросился к древнему городскому убежищу. Вот здесь я нашел следы деятельности Уишиса за последние пару недель. Тропинки, ведущие к хижине и прямо на луг. Один направлялся в непосредственной близости от бобра пруд. Трава все еще лежала на земле-следы недавнего перехода.

Я вскочил в седло терпеливо ожидавшей меня лошади и помчался к пруду. Я даже не спешил, усвоив урок. Его там не было, поэтому я искал его следующий пункт назначения. Он пришел к пруду. Сидел прямо на краю воды. Потом он пересек ручей, пересек луг. Тропинка в высокой траве была похожа на стрелу, указывающую мне путь.

Он направлялся прямо к тропе, ведущей из долины! Мой мальчик побежал мне навстречу! Большой. Раненый. Отказываюсь сдаваться! Возможно, в отчаянии. Возможно, думая, что я

Слезы снова потекли по щекам. Я пришпорил коня и поскакал в сторону Уишиса. скачи галопом, плачь и хнычь, как маленький мальчик. Дорогой, милый Уиши! Я уже еду. Я буду там, детка. Я найду тебя!

Большой Джон Смолли остановил лошадь у подножия тропы, не веря своим глазам. Там, менее чем в двадцати футах, лежала обнаженная фигура мальчика, ну, может быть, девочки, частично покрытая листвой.

Он почувствовал, как мгновенно возбудился. Какая красота! Длинные светлые волосы, идеальная, стройная фигура. Для Большого Джона не имело значения, что кожа у ребенка была бледная и слегка синеватая, без сомнения, от холода.

Он хмыкнул, спешился и быстро привязал коня к ближайшему осиновому стволу. Затем он подошел к распростертому телу и посмотрел вниз. Мальчик? Девушка? Ну, есть только один способ узнать! Он громко рассмеялся собственной шутке, даже когда сунул ногу под живот ребенка и подтолкнул тело.

Действительно мальчик! Такой же красивый, как Роландо!

Был ли ребенок мертв? Что он делает здесь без одежды? На нем было только ожерелье. Боже, он выглядел сексуально в этом ожерелье!

Чёрт!. Не все ли равно, жив он или мертв??

- Проснись, малыш, - хрипло пробормотал он. "Большой Джон должен засадить свой член, и прямо сейчас! Давно не виделись."

- Проснись, я сказал!

- Черт возьми, я бы предпочел сделать это наяву, но ...

- Проснись, черт возьми, - предупредил он, в последний раз, затем вытащил свою ногу назад и, развернувшись, он злобно пнул, жесткий носок ботинка наконечник, попал прямо в тело мальчика.

В своей жизни я совершил несколько ошибок, но ни одна из них не сравнится с той, что я совершил сейчас.

Я мог бы просто вытащить пистолет и позвать ублюдка, но когда я добрался до начала тропы и в одно мгновение увидел Уишиса, лежащего на земле, и Большого Джона, пинающего его и кричащего на него ... Я не подумал.

Я даже не стал дожидаться, пока лошадь остановится. Я просто спрыгнул с неё, приземлившись на ноги, и побежал.

Вначале я застонал от злости, и она все нарастала и нарастала до такой степени, что я уже кричал, когда мое правое плечо ударило Большого Джона прямо в спину, в левый бок. Я шел под углом и, по крайней мере, имел достаточно здравого смысла, чтобы не растоптать Уишиса!

Я просто должен был убрать этого ублюдка от моего мальчика!

Мы оба покатались за тело Уишиса. Я наткнулся на ствол осины футах в шести от того места, где упал Большой Джон. Он был вдвое тяжелее меня и не падал так низко, как я.

Мне показалось, что я вывернул плечо из сустава. Боль был невыносимой.

Я подошел, рыча. "Держись от него подальше, Большой Джон! Я не позволю тебе причинить ему боль, не больше, чем с Деметрио!"

Вторая ошибка.

Он присел на корточки, держа наготове большие, похожие на окорока кулаки. Он выглядел ошеломленным. Не из-за моей атаки, а из-за того, что я сказал. Он бросил быстрый взгляд на Уишиса, потом снова на меня.

- Ты!- прогремел он. - Значит, это ты забрал Ро"

- Да, отвез туда, где он будет в безопасности. А теперь я убью тебя за то, что ты сделала с ним и Деметрио, и за то, что ты посмотрел на моего мальчика! - Кивком головы я указал на Уишиса. В тот

же миг мне захотелось крикнуть этому монстру, чтобы он убирался из моей жизни. У меня был мальчик в беде прямо передо мной, и этот ублюдок снова был на моем пути!

Третья ошибка. Я снова бросился на зверя. Теперь во мне больше шести футов роста, и за эти годы я огрубел от тяжелой работы и тяжелых путешествий.

Так что я не трусишка. Это не имело ни малейшего значения. Большой Джон был ... ну, он был гигантом во всех отношениях.

Он поймал меня почти неуловимым правым, практически взорвавшись в моем животе. Я тупо бросился на него, позволяя своему гневу, страху, боли взять верх надо мной. От удара я отшатнулась и снова упал на осиновый ствол. Я был буквально ошеломлен, не в состоянии дышать в течение нескольких секунд.

- Собираешься убить меня, да? - он смеялся надо мной. - Я искал тебя пару недель. Подумл о том, чтобы сделать то же самое с тобой. Взял моих мальчиков прочь. Но теперь, я вижу, ты принес мне кое-что получше. Как вы себя чувствуете, зная, что Большой Джон заберет вашего мальчика, мистер?"

Я нащупал пистолет, внезапно очень испугавшись. Он с ухмылкой отшвырнул его, и он отлетел в сторону, за пределы досягаемости.

Потом он нагнулся, схватил меня за воротник и приподнял. Я был парализован. Вялый, как тряпка. Он поднял меня левой рукой и начал бить по лицу. Слева и справа, используя каждую пощечину, чтобы подчеркнуть свои слова.

- Я разорву вас на части, мистер. Ты будешь есть свои собственные зубы.

Каждый удар был больше, чем пощечина. Это было похоже на удар кувалдой по голове.

В тот момент я знал, что сейчас умру. Прямо здесь. Здесь, где мы с Уишисом попрощались три недели назад. Где я обещала ему, что вернусь, чтобы всегда быть с ним. Здесь, куда он пришел, чтобы снова встретиться со мной

- Я забью тебя до смерти. Тогда я сделаю твоего парня своей игрушкой, мистер.- Удары становились все сильнее, по мере того как он злился.

Сквозь туман в голове я попытался среагировать. Я попытался ударить Большого Джона коленом в пах, попытался замахнуться кулаками. Я. .. просто не смог ... он выпорол меня грубой силой. У меня хватило ума понять, что следующий удар, или следующий, может убить меня на месте.

Мужчина все еще разговаривал со мной, но я больше не слышал его. Теперь в ушах у меня звенело. И боль.

Несмотря на боль, я чувствовал, что должен, по крайней мере ... ну, как ты это называете? Молиться? Уишис должен был знать, что я люблю его. Что я вернулся за ним. Это Я ... что я отдам за него жизнь, я так его люблю! Уишис, услышь меня! Я. .. Я подвел тебя ... но, дорогой, я знал ... Я люблю тебя! Услышь меня, Уишис"

Хлоп! Теперь он стал грубее. Это был удар кулаком в челюсть. Не просто пощечина.

Удивительно, как я мог осознавать каждый удар, но был слишком парализован, чтобы даже реагировать.

Хлоп! Вот это было в мой нос. Брызнула кровь, запачкав жилет здоровяка. Казалось, ему было все равно. Просто попятился, все еще крича на меня, дразня. Я увидел в его глазах искорку удовольствия.

Ему нравилось причинять людям боль. Убийство вещи. И я был не способен защитить себя или своего мальчика. Уишис! Услышь меня, милый! Я пытался, но

Холодно.

Единственная реальность, которую он мог воспринимать. Это был едва ли мысль - его разум давно впал в состояние летаргии, вызванное слабостью, холодным воздухом и туманом на его обнаженном теле.

Он то терял сознание, то приходил в себя, но теперь просто лежал без сна, изредка умудряясь открыть глаза. Временами он спрашивал себя, что он здесь делает-холодный, голый, мокрый. В других, вспомнил он.

Сладкий. Он ждал ... Сладкий.

Время от времени перед ним медленно возникали новые мысли или образы ...

... он должен встать. Теперь, когда он не чувствовал боли от своей болезни, почему бы не встать, и

... о, там был птица, клюющая его протянутую руку. Странно, он этого не чувствовал. Должно быть больно. Улетай, птица ...

... кто этот гигант, стоящий над ним? Не Тег. Большой. Он говорил, но ...

Сокрушительный удар по затвердевшей коже сапога Большого Джона и в самом деле оказался неожиданным. Не больно, но, возможно, должно было. Это хруст костей он почувствовал? Его собственные ребра?

Движение... какая-то суматоха ... о. .. слишком устал, чтобы думать об этом

Уишис ...

... ааааа, хороший сон ... Тег зовёт ... было бы неплохо плыть по течению в этом сне, но Думаю, я немного посплю ...

-ьУишис, услышь меня!

Патока. Тег?

Тег! Это ты?

Уишис собрал все оставшиеся силы, чтобы защититься от парализующего холода, и широко открыл глаза, впервые с тех пор, как упал на спутанные листья под осинами.

Открыть сейчас. Смотреть!

Увидел... бой... два человека. .. бой... гигант, держащий Тега за шею. Бьёт Тега. Тег!

Уишис закричал. Звук нарастал глубоко внутри него, нарастал и нарастал ... но изо рта ничего не вылетело

Если это был сон, то он был похож на кошмар, в котором он знал, что делать, но просто не мог заставить свое тело двигаться!

По крайней мере, его глаза работали, и внезапно он проснулся и осознал, как никогда в жизни.

Здоровяк делал Тегу больно.

Звуки начали просачиваться внутрь. Что это было? Что сказал этот здоровяк?

- Мне доставит удовольствие убить вас, мистер.

Он пытался убить Тега! Кровь был повсюду! Тег истекал кровью!
Его глаза тоже были открыты, но казалось, что он просто висит в руках большого человека

Это снова началось глубоко внутри него, нарастая и нарастая, и на этот раз остановить это было невозможно. Никакого крика. Просто его жизненная сила! И гнев на это животное, которое причиняло боль его человеку!

Уишис почувствовал, как сила снова побежала по его венам, мгновенно сменив ледящий нерты холод. Он поднялся на нетвердых ногах, потом упал на колени. Нет! Нет времени на слабость! Он приподнялся на одной руке, а другой уперся в колено, чтобы встать на ноги.

Теперь здоровяк брызгал слюной от ярости. Убить Тега голыми руками!

Уишис огляделся в поисках чего - нибудь, что можно было бы использовать в качестве оружия - камня, упавшей ветки-чего угодно!

Пистолет! Она лежала практически у его ног!

Он быстро нагнулся и схватил пистолет. Он был тяжелый! Он чуть не упал, потеряв равновесие под неожиданным весом пистолета. Теперь он обеими руками схватил пистолет за изогнутую рукоятку и поднял его, поднимаясь слишком быстро.

На него накатила волна головокружения и тошноты, и он испугался, что снова упадет. Сможет ли он встать на этот раз?

Ну конечно же! Но не надо! Ничто, включая его собственное ослабленное тело, не помешает ему защитить Тега!

Уишис быстро стряхнул туман с глаз и, подняв оружие на уровень плеча, направил его прямо на массивную фигуру великана. Он положил указательный палец на спусковой крючок и, не колеблясь, выстрелил. Пламя и дым, вырвавшиеся из дула пистолета, окутали профиль здоровяка.

Сила выстрела застала мальчика врасплох, и он почувствовал, как его запястья ломаются от удара. Он отшатнулся, но не упал.

Великан отпустил Тега, и тот тяжело рухнул на землю. Тогда человек, казалось, выпрямиться, медленно. Он повернул голову к нападавшему, недоверие было написано на каждой черте его лица.

Уишису показалось, что он вот-вот снова рухнет на землю. Он застонал, увидев, как из раны великана начинает сочиться кровь. Ему хотелось плакать, бежать, так ужасно было то, что он сделал ... но нет! Это было для Тега! Он не убежит. Он не заплачет.

С дрожащими губами и челюстью, с трясущимися руками, Уишис выстрелил снова. На этот раз взрыв ошеломил его, и он отшатнулся, увидев, что здоровяк тоже упал.

Он сделал это! Он спас своего мужчину!

Падая, он выронил пистолет. Его голова сильно ударилась о землю, и он мгновенно отключился. Холод быстро окутал его, и он лежал так же неподвижно, как и прежде.

БАМ! Взрыв прорвался сквозь звон в моей голове, за ним последовала волна порохового дыма!

Большой Джон отпустил меня, и я камнем рухнул на осину, снова ударившись головой. Я даже не почувствовал этого, но я был все еще жив, все еще в сознании.

Когда дым рассеялся, я увидел, что он стоит надо мной, глядя в сторону, словно не веря своим глазам и чему-то удивляясь. Я попытался повернуть голову и сфокусировать.

Там стоял Уишис! В 5 метрах! Все его четыре фута десять дюймов, держа мой пистолет обеими руками, вытянутыми вперед, направлены прямо в живот Большого Джона. Его миниатюрная фигурка казалась карликом по сравнению с огромной тушей мужчины. Он был совершенно голый, если не считать ожерелья кораллового цвета – точно такого же, как я подобрала в его городе! Его кожа была такой бледной, лишенной крови от холода. Он был голубовато-белым, как у призрака.

Клянусь богами! Даже в пасти смерти, даже когда я отчаивался за свою жизнь и за жизнь Уишиса, даже когда мой потенциальный убийца стоял надо мной, я все еще мог быть поражен одним видом этого мальчика. Меня сразу поразила его красота. Неизвестно, через какие испытания он прошел. Больной, может быть, раненый, и все же он стоял такой высокий и прямой, как статуя, идеально высеченный - если бы Микеланджело видел его таким, Уишис наверняка стал бы его моделью для Давида.

Его гладкое, лишенное мускулов мальчишеское тело походило на нежный тростник, стоящий перед лесным великаном, но в этот момент было ясно, кто сильнее. Это был не только пистолет, который сравнивал вещи. Я чувствовал это. Я знаю, что Большой Джон чувствовал это! Уишис излучал силу. Даже в его дрожащих руках мы видели решимость защитить меня. В его глазах был страх, но также и мужество.

Большой Джон, избивавший детей, не мог тягаться с могучим Уишу.

За Деметрио! За Роландо!

БАМ! Дым и пламя снова вылетели из ствола, в упор, в широкий бок Большого Джона. На этот раз отдача отбросил Уишиса назад, он пошатнулся и упал на спину.

Я попытался приподняться, протянуть руку к Уишису, но мышцы отказывались повиноваться. Я мог только смотреть вверх, когда Большой Джон упал рядом со мной. Я проследил за ним взглядом и увидел кровь, льющуюся из его живота. Уишис попал в цель.

Некоторое время я лежал, пытаюсь пошевелиться, постепенно приходя в себя. Боль была на первом месте. У меня было такое чувство, будто мне проломил череп. Возможно, у меня сломана челюсть. Каждый вдох причинял мне боль в животе. Может, он сломал мне ребра?

Я медленно перекатился на бок к Уишису и пополз к нему, надеясь, что не упаду в обморок, но чувствуя, что могу упасть в любой момент. Мои ноги не слушались моих указаний, но мертвый груз удерживал меня.

Уишис просто лежал там, где его отбросило выстрелом, широко раскинув руки и держа пистолет рядом. Я протянула руку и, наконец, подошла достаточно близко, чтобы коснуться его лодыжки. Его плоть была как лед! Я не заметил никаких видимых повреждений. Кровотечения нет. Его грудь медленно поднялась, потом опустилась. Он выжил.

Какое-то время я лежала неподвижно, чувствуя, что вот-вот потеряю сознание.

Ладно. Это было нормально. Я могу упасть в обморок, без проблем. Но не раньше, чем я позабочусь о своем мальчике!

Собрав последние силы, я потащился к лошадям. Я потянулся, чтобы ухватиться за ремень на животе вьючной лошади, подтянулся и неуверенно прислонился к нему. Я как можно быстрее развязал свои припасы и попытался вытащить свернутый брезент. Потом одеяло.

Брезент, который я запланировал для временной палатки, пока бы строил свою хижину. Теперь это послужило бы той же цели.

Я попытался вернуться к Уишису, но упал плашмя, отпустив ремни рюкзака. Мой мозг был затуманен. Об этом позаботился Большой Джон. Он оставил меня без возможности ходить. Без способности видеть ясно. Нет времени лелеять этот момент, эту встречу с моим мальчиком.

Поэтому я пополз, волоча брезент и одеяло, а когда свалился с них, пополз по ковру из листьев к своему мальчику.

Неловкими руками я попытался расстелить брезент. На этом я расстелил одеяло. Затем я лег плашмя вдоль бока Уишиса. Я лежал на правом боку, его голова была на уровне груди. Я медленно просунул правую руку ему под плечи, снова удивляясь тому, каким холодным и безжизненным он был. Затем я положил левую руку ему на грудь. Схватившись за руки и прижав его тело к своему, я начал раскачивать нас обоих, пока в третий раз не смог поднять его над собой.

Теперь мы оба лежали на краю брезента, под одеялом.

Я поспешила натянуть на нас брезент и одеяло, и они упали мне на спину. Теперь Уишис был полностью завернут в этот кокон, и я прижал его к себе, желая, чтобы тепло моего тела проникло в него.

Волны головокружения, казалось, улеглись, но я не думал, что у меня осталась хоть капля энергии, если бы я хотел сделать для нас лучшее укрытие. Все, что я мог сделать, это провести руками вверх и вниз по его холодному телу и прижать его к себе, надеясь передать ему свое тепло.

Я стал твердым! Мои ноги не работали, но я думаю, что мой пенис управлялся совершенно другим механизмом! Он змеилась в моих штанах, застывая между нами. Я обхватил его ледяные ягодицы ладонью и потянул его немного выше, позволяя моей твердости упереться в его маленький пенис. От холода он тоже стала жесткой, как резина. Я крепко прижал его к себе, моя правая рука ласкала его ягодицы и бедра, моя левая рука баюкала его плечо, моя рука путешествовала легкими кругами от его лопаток вниз к пояснице.

Теперь его голова покоилась у моего подбородка, и я целовал и целовал его мягкие волосы, шепча ему снова и снова, что теперь мы оба будем в порядке. Что мы снова вместе.

Мы лежали так не знаю сколько. Возможно, я не раз засыпал и просыпался. Постепенно я почувствовал, как его тело согревается и оживает. Сначала я почувствовал подергивание его ног. Потом он немного поерзал. Он хныкал, казалось, говорил вполголоса. Возможно, во сне. Некоторое время спустя я почувствовал, как он шевелит руками. Он положил правую руку мне на грудь, ладонь легла между моей грудью и сгибом руки. Я затрепетал от его сознательного прикосновения. Мои слезы потекли ручьем, когда он обнял меня левой рукой за талию и крепко прижал к себе.

-Я скучал по тебе, - прошептал он с ангельским дыханием, как будто ему потребовалась каждая унция его существа, чтобы произнести эти слова. В то же время я почувствовал на своей руке влагу его слез.

- Я тоже скучал по тебе, дорогой. Но теперь мы снова вместе. Ты мой мальчик.

- Я люблю тебя, - прошептали мы одновременно.

Я думаю, мы оба заснули почти сразу, наши тела требовали отдыха от наших испытаний.

Когда я проснулся, Уишис был таким теплым и мягким. Мы оба все еще были завернуты в брезент и одеяло, наши руки переплелись, дыхание смешалось.

Я не хотел его беспокоить. Я и сам не хотел двигаться! Как болело мое тело. Казалось, я еще долго буду переживать побои, которые мне устроил Большой Джон. Голова - боксерская груша, пульсировала, челюсть отвисла. Даже дышать больно! Но я дышал воздухом из легких Уишиса! Это должно было обладать магической целительной силой.

Мой разум был ясен. Я знал, что у меня есть дела. Боль была ничем.

Во-первых, все ли с ним в порядке? Мой мальчик в порядке? Есть травмы? Мои руки бродят медленно, осторожно, по всей спине от затылка вниз, насколько я мог дотянуться до его бедер. Никаких видимых порезов, ссадин или опухолей. Только бесконечная гладкость и мягкость его кожи. Он немного похудел. Изысканный изгиб его плеча был немного резче. Куда бы я ни прикоснулась, мои руки скользили по его маленькому телу, ощупывая ребра и позвоночник, основание черепа, узловатые локти. Он был просто куклой в моих руках, податливой, не сопротивляющейся моим прикосновениям. Я притянула его к себе еще крепче.

Горячий воздух, который он только что выдохнул, чтобы я вдохнул, запах его волос, такой сильный в замкнутом пространстве, ощущение его тела рядом с моим, все это напомнило мне, как далеко мы были друг от друга последние три недели, но теперь мы растворились друг в друге. Мне хотелось раздеться, отдаться своей страсти и снова упасть в его объятия. Внезапно я почувствовал себя одним огромным пенисом! Клянусь, я чувствовал, что могу кончить, просто ощущая его горячую плоть на своей. Это было такое великолепное чувство!

Даже боль от ран смешалась с бурлящими эмоциями - я преодолел бесчисленные мили, чтобы вернуться к Уишису, я боролся за него, страдал за него, спас его! Так же, как он спас меня.

Мне пришлось отстраниться. Приподняв с головы одеяло, я увидел, что уже почти стемнело. Туман все еще падал-теперь он был светлее, как тяжелый туман. Я осторожно поднялся и сел, накрыв верхнюю часть туловища Уишиса одеялом и брезентом. Я потянулся к его ногам и ощупал икры, лодыжки, ступни. Он казался нормальным.

Пора отвести его в сарай. Я разведу костер, приготовлю что-нибудь для него, устрою его поудобнее.

Есть одна вещь, которую нужно сделать в первую очередь. Если он проснется, я не хочу, чтобы он увидел тело Большого Джона так близко. Ему не нужны были напоминания об этом.

Я поспешно встал, забыв о своей неспособности управлять ногами всего несколько часов назад. Теперь они казались нормальными. Я догадался, что это моя голова, все вместе, это было проблемой. У меня слегка закружилась голова, но и это скоро прошло.

Насколько я знал, Уишис убил его в целях самозащиты.

Кроме того, казалось маловероятным, что кто-то станет искать этого человека, но зачем рисковать?

Я вытащил из седла веревку, перекинул ее через седло, привязал к груди Большого Джона и оттащил его на пару сотен футов в лес. Волки или медведь позаботятся о нем. А еще лучше, стервятники.

Вернувшись на тропу, я невольно опустился на колени рядом с Уишисом и ощупал поверхность брезента, там, где он изгибался, навис над его телом - просто чтобы убедиться, что он все еще там! Я улыбнулся. Сделал глубокий, бодрящий вдох чистого удовлетворения. Я вернулся к своему мальчику!

Весь сияя, не замечая ни боли, я бегал по маленькой поляне, чтобы убедиться, что поблизости нет следов Большого Джона. Его лошади нигде не было видно. Свежие следы вели вверх по тропе, так что я решил, что она давно ушла домой. Вероятно, в Миранде будет праздник, когда лошадь ублюдка проедет через город с пустым седлом.

Мои лошади стояли неподвижно, опустив головы, и выглядели несчастными, но верными своему хозяину. Молли тоже увязалась за ним. Увидев ее, я точно знал, что делать дальше.

Потребовалось не более пятнадцати минут, чтобы найти несколько упавших осиновых жердей, грубо связать их вместе, а затем натянуть на Молли. У меня был самодельная рама. Теперь мне нужен был брезент, в котором уютно устроился Уишис.

Я снял его с одеяла, держа его завернутым, как мумию, затем скатил его с края на голую землю.

Я быстро протянул веревку через люверсы, натянул брезент на платформу, туго затянул его, и мы были готовы идти.

Я снова опустился рядом с ним на колени. Он ни разу не пошевелился с тех пор, как заснул рядом со мной, - я надеялся, что он проспит весь трудный путь через луг, вниз по мощеному руслу ручья, к сараю. Был ли лучший способ сделать это? Если бы я мог сам нести его всю дорогу, я бы так и сделал, но я все еще не был уверен в своих силах.

Я обнял его, чувствуя сквозь одеяло его тепло.

Он был такой маленький! И такой драгоценный. Мягкий, нежный. Я положил его на брезент и очень свободно привязал.

Моя мать гладила все, к чему прикасалась. Казалось, она получила от этого некоторое удовлетворение. Теперь я знал почему. Я не мог оторвать рук от своего драгоценного маленького свертка, когда обвязывал его веревками. Я погладил его по голове сквозь ткань одеяла. Я похлопал его по плечу. Разгладил складки на животе. Потянулся и подоткнул одеяло, чтобы ему было уютно. Убедился, что он может дышать в своей одежде, оставаясь в тепле и безопасности.

С каждым прикосновением я знал, что он чувствует мою любовь. Даже сквозь сон я знал, что он будет знать, что мы снова вместе, и что я всегда буду заботиться о нем.

Он так и не проснулся, пока ехал через долину к амбару. Я схватил еще одеяла с вьючной лошади и бросился в комнату, чтобы приготовить хорошую постель для Уишиса. Нам нужно было развести костер, чтобы готовить, и просто чтобы согреться. Поэтому я выбрал для этого большую сводчатую часть прямо перед главным входом. Там крыша была не менее 15 футов высотой, и чердака не было. В шести футах от очага я сбросил с чердака огромную кучу сена, расстелил ее на мягком, чистом полу, а затем устроил уступ для нашей кровати. Три слоя одеял и еще пара одеял, и все было готово.

Затем я отвязал Уишиса, внес его в дом, положил на кровать, выкопал яму для костра и развел огонь. Снаружи, у стены сарая, валялось много дров. Пожар в сарае был достаточно опасен, но сейчас не время для осторожности. Уишис нуждался в утешении и заботе, и я намеревался быть с ним каждую минуту. Я буду следить за огнем, как ястреб.

Лошади нуждались в уходе, поэтому я привел их, расседлал, быстро вычистил и поставил в стойла. Я стал больше уважать Бена Найта. Он построил прекрасный амбар. Даже вода из дождевой бочки наверху.

Теперь немного еды.

Я знал, что Уишис был болен. Много рвоты и поноса.

Пищевое отравление, догадался я. Судя по виду башни, он был довольно несчастен в течение дня или двух. Никаких сомнений - не мог есть или не мог держать что-нибудь в себе.

Так что мне придется начать с чего-то легкого. Положи ему что-нибудь в живот, чтобы его не вывало.

Я срезал немного вяленого мяса в котел, наполнил его водой, вытащил несколько углей и начал варить. Потом я нашёл цыплят и сварил свежий суп.

Мне понадобится много горячей воды. Уишису нужна хорошая ванна, и мне тоже! Огромный чугунный чан миссис Найт был как раз тем, что нам было нужно, поэтому я потратил добрых двадцать минут, вкатывая его из задней части сгоревшей хижины. Он был тяжелый! К тому времени, как я наполнил и согрел его, двадцать ведер воды, я был готов откинуться на спинку стула.

Какое-то время я просто сидел на соломе рядом с Уишиса и смотрел на огонь. У нас все было хорошо.

- Значит, мне это все-таки не приснилось.

Это было похоже на музыку. Кто-то поет. Его голос так прекрасен, и он сказал это так тихо, что я даже не вздрогнул - все же я не могу описать глубину моих чувств в тот момент. Мои желания были жить!

Мы снова были вместе, и теперь я снова услышал его ангельский голос.

Я повернулся к нему, поерзал на соломе, опустился на колени и склонился над ним - он приподнялся на локте, одеяло сползло с его головы и свисало с голой груди, с плеча. Я даже не слышал, как он встал. Я обнял его, все еще не до конца уверенный, что он не ранен, и нежно обнял его, затем немного отодвинулся, чтобы счастливо посмотреть ему в глаза.

Он смотрел на меня с удивлением, улыбаясь своими красивыми красными губами. Я протянул руку, просунул ладонь между его головой и волосами, притянул его к себе и поцеловала в лоб.

- Никаких снов, Уишис. Я вернулся. Мы снова вместе.

Он выглядел слабым, шатким даже на локте.

- Как ты себя чувствуешь, дорогой?- Пробормотал я. Я позволил своей руке соскользнуть с его головы, чувствуя его мягкие волосы под своими пальцами. Потом я позволил ей скользнуть по его плечу. Он был теплым и шелковистым на ощупь. Жара не было, как было бы, если бы болезнь еще не прошла.

- Ты были больны, не так ли?

- О да, Тег, я едва мог двигаться, было так больно, и меня тошнило, но я знал, что ты вернешься, и я

Он откинулся на одеяло, но не сводил с меня глаз. Он протянул руку, чтобы дотронуться до меня, словно желая доказать, что я действительно здесь, его глаза блуждали по моему лицу.

- Я думал, это все сон, Тег. Но это не так. Ты действительно нашел меня под нашим деревом, не так ли?

- Да, солнышко мое.- Кажется, он ничего толком не помнит.

Он попытался встать и поморщился. Его рука потянулась к боку, куда Большой Джон так жестоко пнул его. Я увидел большой синяк там, где Уишис нежно потирал руку.

- Ой, у меня очень болит бок.

- Похоже на то- Я начал говорить что-то глупое: " похоже, Большой Джон действительно сильно пнул тебя.» К счастью, он прервал меня.

- Должно быть, я упал на тропе, ведущей из города, Тег"

- Да, там ужасный синяк, Уишис. Дай посмотреть. - Я осторожно надавил на рану, проверяя ребра. Он не кричал, так что я знал, что у него нет переломов. Он явно не помнил удара.

- Выглядит нормально, скоро заживет. Нам обоим будет хорошо, сейчас, Уишис.

- Пока это не сон, Тег!

-Вовсе нет. Я действительно здесь. Это правда

- Где мы?.. о! В сарае. Ты нес меня всю дорогу сюда? Нашел меня там и принес сюда? О, Тег"

Вот и все. Все, что нужно. Его проклятые сдерживаемые слезы прорвались наружу, и все потекло. Он тут же зарыдал, просто переполненный эмоциями. Я снова обнял его, на этот раз крепко прижав его голову и грудь к своей ... и я укачал его! Я просто качала своего ребенка вверх и вниз, держа его так, словно никогда не отпущу, снова и снова повторяя: "Я нашёл тебя. Мы снова вместе. Отныне мы всегда будем вместе. Я нашел тебя сладкий."

Я не пытался заставить его перестать плакать. Ему нужно было снять напряжение последних недель. Он только что через многое прошел. Я нежно поцеловал его в голову, расчесал ему волосы и ласкал так добрых пять минут, пока он продолжал всхлипывать. Наконец его рыдания перешли в прерывистые попытки что-то сказать.

- Там было так одиноко, - отчетливо выговаривали обрывки и обрывки ...Тетя и дядя ... хижина сгорела дотла ... я так хотел, чтобы ты вернулся

Я позволил ему выговориться, хотя все было не совсем ясно. Он закончил парой тихих всхлипов и всхлипываний, а затем отодвинулся от моей груди, чтобы снова посмотреть на меня. Лицо его покраснелось, по щекам текли бледные ручейки слез. Его губы все еще слегка дрожали, когда он смотрел на меня глазами, округлившимися от удивления и беспокойства.

- Ты через многое прошла, дорогой. Мне жаль, что тебе пришлось так тяжело. И ты ещё заболел.

- Ты. .. ты тоже ранен, Тег, - сказал он вопросительно, внезапно заметив порезы и синяки на моем лице. - Что случилось?

Я снова чуть было не упомянул об избиении, но потом понял, что он не помнит драки, и переключил внимание.

- О, Уишис, ты можешь поверить, что я могу вот так упасть с лошади? - Я в смятении покачал головой, как будто мне было стыдно и неловко. - Это неровная тропа, ведущая в долину, и, в конце концов, я довольно быстро спускался, чтобы увидеть тебя!

- С тобой все будет в порядке, Тег?- спросил он, осторожно протягивая правую руку и слегка касаясь моей ушибленной щеки. - Должно быть, падение было ужасным.

- О да, со мной все будет в порядке. Мы с тобой выздоровеем прямо здесь, а потом решим, что делать дальше, Уишис.

- Давай я уложу тебя обратно. У меня для тебя готов бульон. Мы должны что-то сделать с твоим животом.

Так что я занялся приготовлением бульона, и мы просто болтали, не сводя глаз друг с друга, как будто не могли насытиться новой реальностью. Уишис все еще был слаб. Он лег плашмя на сено и повернул голову, чтобы положить ее на одеяло.

Только его глаза двигались, когда он следил за каждым моим движением.

-Что ты думаешь, Уишис? Что нам теперь делать? Построить еще одну хижину здесь, в долине, или вернуться на мое ранчо в Аризоне? Я сел перед ним на солому.

- Не знаю, Ти

Я положил ему в рот ложку бульона, он широко раскрыл рот и проглотил.

- MMM, это хорошо, Тег. Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как я что-то ел. Ну, почему мы не можем просто остаться здесь?

- Это тебя взбодрит. Потом мы выпьем чего-нибудь посущественнее, если ты сможете это принять.

- Хорошо, Тег. Он широко раскрыл рот, чтобы съесть следующую ложку. Одно это заставляло меня чувствовать себя королем. Я заботился о своем мальчике, и теперь все будет хорошо.

- Ну, на ранчо все готово и ждет. Здесь нам придется восстанавливать. И еще одна маленькая проблема, Уишис.- Я не смог сдержаться и понизил голос от внезапно возникшего сомнения.

- Какая? - он заметил мое беспокойство.

- Не останавливайся.- Сказал я. Какое-то время я молча кормил его, пока он наконец не поднял руку и не отмахнулся от ложки.

- Думаю, что всё... Я не могу больше прямо сейчас, Тег, - сказал он, когда я опустил его голову на кровать.

- Мне нужно ... отдохнуть немного... Но что это за другая проблема?

- Ну, милый. С тетей и дядей ... ушедшими... а что, если твои родители захотят, чтобы ты вернулся?...

- Нет! - Он приподнялся на локте, как раз когда я отодвинулась, чтобы поставить миску и ложку. На этот раз его глаза расширились от паники, а дыхание участилось. - Нет, Тег! Я остаюсь с тобой!

- Я тоже этого хочу, Уишис, поверь мне! Я поспешил ответить и, вернувшись, обнял его. Он схватил покрепче, на этот раз, сжимая меня. Я почувствовал, как его маленькие ручки вцепились в ткань моей рубашки.

-Не отсылай меня.... - Он снова заплакал, слова застряли у него в горле.

- Ггг! Я никогда не отошлю тебя добровольно, Уишис! Мы просто должны все обдумать. Если мы вернемся в Аризону, то меньше шансов, что кто-то найдет тебя

-Они даже не станут меня искать, - горько воскликнул он сквозь слезы. - Ненавижу их!

Я снова крепко обнял его и попытался успокоить, дать ему почувствовать мое присутствие.

- Давай просто ... давай просто поедem на твое ранчо, а, Тег?- наконец произнес он.

- О'Кей, и мы всегда можем вернуться сюда и начать строить позже, - сказал я.

- Да. Мы можем это сделать, - ответил он, позволяя мне уложить его обратно на кровать.

Я снова встал, чтобы немного привести себя в порядок, потом снова лег. Я мог бы приготовить что-нибудь получше чуть позже.

На этот раз он просто лежал, задумчиво глядя на стропила. Я просто молчал, позволяя себе наслаждаться этим драгоценным моментом, наблюдая, как мой милый мальчик просто лежит в своей постели. Его золотистые волосы разметались под головой и сияли, как отблеск огня, который отражался от меня. Я восхищался его гладкими плечами и мягкой грудью маленького мальчика.

Через минуту или две, он повернул голову и снова посмотрел на меня так сурово и торжественно, и сказал: "Никогда не делай это снова, Тэг.» Он отрицательно покачал головой, и я снова увидел, как его лицо исказилось от слез. Он пытался сдержать его, но они приближались.

Я был немного ошарашен. Моргнув, я дважды огляделась, затем просто уронила миску, которую мыл, и бросилась к нему.

- Не делать чего, милый?- Умолял я. На этот раз я приподнял его голову и скользнул на кровать под ним, подтянув свои ноги так, чтобы он мог лечь между ними и прислониться спиной к моей груди.

Я откинулся на охапку сена и обхватил его обеими руками. На этот раз он тихо плакал. Не рыдая вслухивания. Я смахнул слезы с его щек и слегка расчесал волосы.

- Не делай чего, Уишис, - повторил я уже спокойнее.

Слабо, медленно, но твердо решившись сделать это, он повернулся в моих руках и встал передо мной на дрожащие колени. Одеяло упало с него, неохотно соскользнув с тела, словно тоже хотело задержаться на его идеальной фигуре. В любой другой момент я бы ахнула и мгновенно возбудилась. Это был мой первый взгляд на моего маленького бога после возвращения. Я держал его так близко, что наши тела слились, я исследовал и щупал любые раны, я нес его, завернутого в брезент и одеяла, но я действительно не видел его! Мои глаза жадно скользнули вниз по его телу, от бледно-розовых сосков, вниз по выступающим ребрам и груди, по плоскому животу, вниз к наклонному треугольнику лобка, между тонкими и гибкими бедрами. Его маленький член дрожал от движения, мягкий, но прекрасно очерченный на тонкой крайней плоти. Я мог видеть его головку, как если бы она была открыта. Его яйца свисали вниз, теплые и свободные, маленькие шары, прижатые к мошонке, четко очерченные. Я видел даже узор вен, питавших их ... о! В любой другой момент я бы наклонился вперед, чтобы взять его в рот и заняться любовью с моим маленьким мальчиком.

Не сейчас, когда он так явно расстроен. Он даже не осознавал, что стоит передо мной голый.

- Никогда больше не покидай меня, Тег. Пожалуйста. Не когда-либо снова. Ты просто не знаешь, как сильно я "

Он просто рухнул на меня, все еще плача.

- Никогда больше, Уишис. Ты и я, вместе, навсегда.

Он положил голову мне на шею, и слезы потекли по моему плечу. Я потянулся вперед, натянула одеяло на нас обоих и легла, прижимая его к себе.

- А теперь поплачь, милый. Все в порядке. Я знаю, ты пережил больше, чем должен был бы любой мальчик. Ты и я, вместе с этого момента, Уишис. Теперь мы оба будем в порядке. Хорошо, милый?

Он шмыгнул носом, но ответил Мне приглушенным вздохом: - Всегда.

Вскоре он перестал плакать. Никто из нас не хотел двигаться. Он лежал на мне, пока мы оба не уснули.

Где-то ночью я проснулся. Огонь погас, и все было тихо. Я перевернулся на другой бок, пока мы оба не улеглись на кровать, не выпустив его из объятий, и снова погрузился в безмятежный сон, полный покоя с моим мальчиком.

Я рассеянно намылил свои висячие яйца, потянулся вниз, чтобы немного потереть, а затем вверх, чтобы размазать пену по моему вялому пенису.

Уишис сидел, скрестив ноги, на наших одеялах, на сеновале, одна из моих слишком больших рубашек была расстегнута на его плечах. Он не потрудился просунуть руки в рукава, в сарае было так тепло и уютно. Полы рубашки свисали, прикрывая бедра и колени. Внутри он держал мое письмо!

Он читал ее уже десять долгих минут. Только один раз он взглянул на меня, в самом начале - вероятно, когда я сказал, что собираюсь принять вызов Миссис Браунинг и ответить на вопрос.:
- как я тебя люблю?!

Он насмешливо улыбнулся мне, но не сказал ни слова. Ручейки золотистых волос упали ему на лоб, он откинул их назад, потрянул головой, пригладил, собрал за ушами и снова опустил голову, чтобы прочесть дальше. Как он был прекрасен с этой точки зрения, его профиль был таким гладким и ангельским. Его зеленые с золотыми искорками глаза под длинными серебристо-золотыми ресницами, красные губы, задумчиво поджатые ... но нет нужды снова сочинять ему оду ... пусть закончит. Я надеялась, что для него это будет так же важно, как и для меня.

Пока он читал, я купался, стоя на ковре из сена на некотором расстоянии от огня.

Я просто наблюдал за ним, гадая, о чем он думает. Немного нервничал, хотя знал, что он любит меня. Поймет ли он то, что я хотел выразить? Поймет ли он, что я дорожу его душой и телом? Поймет ли он и примет ли в полной мере ту любовь, которую я вернул ему?

Я смыл с тела остатки мыла и начала вытираться насухо, все еще глядя на него. Должно быть, он близок к концу

Он снова поднял голову, на этот раз повернув ее ко мне, но не поднимая, глядя из-под опущенных век. Губы все еще поджаты, глаза плотно сжаты ... он держал их полузакрытыми, глядя на меня через щели. Его плечи слегка вздымались и опускались. Он слегка приоткрыл губы и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, словно испытывая какое-то глубокое волнение ... Я увидел, как первая слеза скатилась по его щеке и упала на открытое письмо. Он поднял письмо и поцеловал его.

- Те ...- он попытался произнести мое имя, но его горло охрип от напряжения. Он сглотнул, потом поднял руку, чтобы вытереть слезы со щек и глаз.

Итак, я получил ответ. Это был миг сладчайшей радости-знать, что я навлекл на него это чувство, что я обладаю силой формировать его чувства. Что он даровал мне эту силу. Что я, в свою очередь, могу принести ему радость.

Мой пенис немедленно налился кровью, и я стоял перед Уишисом, держа полотенце, а мой инструмент быстро поднимался, чтобы стоять прямо и смотреть на него.

- О Тег, - прошептал он на этот раз с силой, видя, как я выпрямилась перед ним. Теперь он понял, что это значит.

Он все еще был слаб. Я приготовил хорошую похлебку, и он уже успел ее хорошенько проглотить. Но ему все равно нужно было отдохнуть. Он добровольно не вставал с кровати, за исключением тех случаев, когда я выводил его пописать. Поэтому я удивился, когда он бросил письмо на одеяло и соскочил с кровати, направляясь ко мне.

Прежде чем я успел отреагировать, он опустился передо мной на колени, потянулся к моему торчащему члену, обхватил его обеими ручонками и поцеловал в самый кончик моей головки!

Я был наэлектризован, чувствуя тепло его губ, а затем кончик его влажного языка напротив моей щели.

Он посмотрел на меня, его глаза округлились от волнения, и так же быстро, как он упал передо мной на колени, он отстранился, отпустил мой член и протянул руки прямо ко мне, Маня меня.

- Чт ... зачем ты это сделал?.. сделал это!- Воскликнул я, хватая его за руки и поднимая на ноги. Я держал его перед собой, положив руки ему на плечи, и он откинулся назад, сияя.

- Ты только что сделал меня таким счастливым, я чувствую, что я должен был поцеловать тебя! - сказал он. Его рубашка была расстегнута, открывая золотистую загорелую кожу груди и живота. К нему возвращалось здоровье. Его кожа больше не была бледной и бледной, как на холоде, под осинами, но показывала, что последние две недели он провел на солнце.

- Это был очень приятный поцелуй! - Я рассмеялся.

- Идем!- командовал он, отступая и снова беря меня за руки. Он попятился, держа меня за обе руки и глядя на меня снизу вверх с такой милой умоляющей улыбкой. Я охотно последовал за ним. Это было почти как в танце, когда он извивался и поворачивался, чтобы найти дорогу назад, но всегда вел меня вперед.

Мой шест подпрыгивал в такт танцу.

Уишис заметил это и озорно хихикнул: -то, что ты сказал в своем письме, Тег! Ты, должно быть, был очень возбужден, когда писал это!

-Ты знаешь, что да, Уишис. - Я улыбнулся и кивнул, затем посмотрел вниз на его полуобнаженную фигуру. Он заметил это, потом перестал пятиться и вместе со мной посмотрел вниз на своего шатающегося маленького дика. Она был мягким, но, очевидно, начала немного твердеть! Древко уже не висело свободно над его яйцами, а поднималось, поднималось, пульсировало. Болтающийся кончик крайней плоти медленно подтягивался, все туже и туже натягиваясь из-за набухания головки и удлиняющегося члена.

Он снова поднял глаза, приподнял брови и бессмысленно склонил голову набок.

- Хммм, - задумчиво протянул он. - Ты писал о гораздо большем, чем моя пипи, Тег, но эта часть мне очень понравилась!

- Ммм, какая часть тебе понравилась?- Я подыгрывал ему, гадая, к чему это приведет, и вовсе не отказываясь удовлетворить свое желание снова заняться с ним любовью, если он этого хочет.

- Ну, садись со мной, я прочту несколько частей

- О! У меня есть идея, Уишис! Позволь мне сделать кое что! Читай мне письмо, где тебе понравилось, а я буду тебя. Знаешь, когда ты читаешь, что я сказал о твоём носе или шее ... другие части, - я кивнул вниз на его теперь уже стоящую неподвижность с понимающим взглядом. -Когда ты прочтешь об этом, я это и вымою!

- Угу! Да, мне это нравится, Тег! - Он схватил письмо и сел на кровать, корчась от восторга и сияя.

Я быстро принесл пару ведер горячей воды, полотенце и мыло. В одном ведре я смешал мыло. В другой я макал тряпку, чтобы ополоснуть мальчика.

- Это Миссис Браунинг, Тег, - окликнул меня Уишис, когда я наливал воду в ведра. - Мне почему-то кажется, что ее стихотворение было не совсем таким

Я посмотрел на него, он держал листок, изучая первые строки, и выглядел озадаченным.

- Что, Уишис?"

- Неточно? - он посмотрел на меня и усмехнулся.

- Неточно?- Спросил я. - Ну да, я не думаю, что в ее стихотворении были строки о том, как она прощупывала языком пупок своего любовника, если ты это имеешь в виду!

- Угу! - он хихикнул.

- Ладно, с чего начнем?- С нетерпением спросил я, ставя ведра рядом с кроватью и опускаясь на колени. Я был взволнован. Это будет весело! Теперь в нашем сарайчике было тепло, уютно, но я чувствовал, как мурашки бегут по коже в предвкушении, и мой пенис все еще сильно торчал. Он грубо ткнул головой прямо ему в колени.

Он заметил это и потянулся, чтобы схватить его.

- AAA! - Я застонал, чувствуя, как его пальцы сжимают мой член, невольно натягивая крайнюю плоть на мою головку. Она выпала, красная, блестящая и мокрая.

- О, Тег!- Воскликнул он, задыхаясь. - Кстати, я хочу тебе кое-что показать! Я тоже могу это сделать! - Другой рукой он потянулся к своему маленькому торчащему пенису, но вдруг отпустил мой и свой, вытянув вперед обе руки с растопыренными пальцами и ладонями.

- Нет, нет, еще нет. Когда мы дойдем до этого в письме, хорошо?- он так мило сказал.

Я глубоко вздохнул, чтобы успокоиться, и сказал: - хорошо, дорогой, когда мы дойдем до этого момента. Читай быстро, да?

- Нет! Мы собираемся делать это красиво и медленно, Тэг. Ты должен хорошенько меня вымыть"

-С удовольствием, - ответил я, счастливо улыбаясь и макая тряпку в мыльную воду. - С чего начнем?

Он лежал на спине, сияя от счастья, любя мое внимание, мою готовность следовать его примеру. Он тоже был взволнован. Он держал письмо в руках, прижав его к груди, и внимательно изучал его: "Хм, придется начать здесь, с самого начала, конечно, где ты говоришь, ЭМ»

"... Мне нравятся твои зеленые глаза с золотыми искорками, такие глубокие, что я могу смотреть в них вечно, купаясь в их зеленом богатстве, чувствуя себя вечно обновленным. Мне нравятся твои почти прозрачные, серебристо-золотистые ресницы, длинные и изящные, о, такие элегантные, под шелковистыми бровями ...»

- Надо начинать оттуда, Тег!- сказал он, опуская письмо к животу, а затем поднял руки и заложил их за голову. Он выглядел таким самодовольным! Так доволен собой, упиваясь моим поклонением Ему, зная, что я имею в виду каждое написанное мной слово.

- О'кей, милый, теперь это будет немного ... позвольте мне просто мягко взять ваши брови и вокруг ваших глаз здесь- Я начал с того, что легонько потер его брови и веки, а потом и ниже.

- Щекотно! - он рассмеялся. Его живот подпрыгнул, и он заерзал.

- О! О! Я постараюсь не щекотать тебя. Вот эти зеленые глаза, теперь чистые.

- Ага, что бы там Вернар ни имел в виду, - саркастически сказал он, снова берясь за письмо. - Я уверен, что это должно быть хорошая вещь, однако!

- Ты должен в это поверить, дорогой. Итак, что дальше?

- Хм, давай посмотрим ... вот следующая часть:

«... Я люблю твои золотисто-русые локоны, переливающиеся на солнце каскадом разных цветов, но каждый из них один, и все - чистое золото! Мне нравится зарываться лицом в твои волосы, вдыхать твой запах и чувствовать, как будто я могу погрузиться в твое тело...»

- Мои волосы, Тег. Тебе не обязательно мыть его полностью прямо сейчас, но

Я наклонился, захваченный собственными словами, и внезапно перестал смеяться, хихикать или щекотать. Он увидел, как у меня на глаза навернулись слезы, когда я запустил пальцы ему в волосы и поднесл его локоны к губам. Затем я снова поднялся и начал прижимать влажную ткань к его волосам, проводя прядями по ладони.

- Я знал, что тебе нравятся мои волосы, Тег, - тихо, почти шепотом сказал он, тоже перестав играть.

- Я остановился у пруда, чтобы помыть их для тебя. Я просто сел в воду, чувствуя себя таким большим и усталым

- Мой дорогой мальчик- Прошептал я ему в ответ, а потом легонько поцеловала в губы, потом в нос, в лоб и снова в волосы.

Некоторое время мы молчали, пока я осторожно и тщательно гладил и расчесывал его волосы, время от времени любовно обхватывая его голову ладонью. Он так нежно смотрел мне в глаза.

Наконец я положил его голову обратно на мягкий соломенный матрас и просто сказал: Он одарил меня улыбкой.

Я откашлялся, шмыгнул носом и вытер заплаканные щеки.

- Можешь встать, милый.

Я вымыл ему щеки, шею, грудь и живот ... каждая часть его тела, когда мы доходили до этой части в письме. Как я и писал: его чтение и мое служение его телу действительно стали ритуалом посвящения. Каждую минуту я благодарил судьбу за возможность служить этому мальчику, просто быть с ним, любить его. Я знал, что он чувствует то же самое, отдавая себя свободно, принимая и возвращая мою любовь.

Это было действительно такое радостное время вместе. Но когда он начал читать строки о своих ногах, и я увидел, что последние две или три недели тяжелой жизни оставили на его ногах шрамы, немного затвердели, грязь и песок въелись в его кожу, я не мог больше сдерживать слез.

Затем он продолжил чтение ...

-Я обхватываю твои пятки своей ладонью, когда буду заниматься любовью с твоими ногами, чувствуя себя так близко к тебе, потому что это, мое желание, мое законное место! У твоих ног! Служу тебе всё время. Это то, ради чего я живу. Вот почему я здесь, на этой земле.

«Твои ноги. .. они приводят тебя ко мне, когда мы расстаемся. Вот обещание. Когда ты будешь отдыхать или когда я смогу сделать это, не нарушая твоих намерений, я буду целовать, ласкать и заботиться о твоих ногах в знак признательности»

Я опустилась на колени в ногах его кровати. С таким нарочитым почтением я вымыл каждую часть его ступней и пальцев, удалил каждую песчинку, почистил ногти на его ногах, размял и потерял маленькие затвердевшие мозоли на пятках и ступнях.

Теплая вода, теплый воздух, тишина ... любовь. .. когда я взглянул на его обнаженное тело, то увидел, что Уишис находится в каком-то сонном состоянии. Его глаза были закрыты, голова откинута назад, он дышал тихо, медленно, и одна рука томно скользила вверх и вниз, очень медленно, по все еще твердому пенису. Я видел, как он натянул крайнюю плоть на свою девственную пурпурно-красную головку, а затем снова поднял ее, рассеянно наслаждаясь ощущениями, которые я ему давал и которые он мог дать сам.

Так вот что его удивило. Я почувствовал себя польщенным, увидев это.

Я опустил голову, желая добавить ему удовольствия, и взял в рот один из его больших пальцев. Я посасывал его, водя языком вокруг, снова и снова, чувствуя гладкость его ногтя и грубую текстуру кожи под ним. Я переступил на другую ногу и сделал то же самое, затем просто потерся, двигаясь назад и вперед, целуя, посасывая, очищая каждый его палец, облизывая между ними, пробуя на вкус моего мальчика.

Это было не то, о чем я когда-либо мечтал, за все мои одинокие дни одинокого бойлова. Но сейчас это казалось таким правильным. Что может быть более подходящим символом бойловера, чем стоять на коленях у ног моего мальчика и заниматься любовью с теми придатками, которые ступали по самой земле. Он мог использовать меня, как использовал землю – свой прочный фундамент. И не важно, какие испытания или трудности ему придется пережить, не важно, какими грязными, потрескавшимися и затвердевшими станут его ноги, я с радостью буду чистить и любить его там. Это было мое место. Моя цель в жизни.

Используй меня, Уишис! Я мысленно вскрикнул. Всегда делай меня своей! Я отдаю тебе все, что от меня.

Я целовал и лизал его ступни. Он застонал в знак признательности, чувствуя мою нежную любовь к его нежной плоти.. Я взяла в рот тугие сухожилия его лодыжек и принялась массировать их, облизывая пятки и ступни, не переставая тереть и массировать.

Я знал, что мой мальчик возбужден – я видел это по его продолжающейся эрекции. Я также чувствовал, что он был в состоянии блаженства, которое было таким мягким, безмятежным и возвышенным. Я чувствовал то же самое. У нас обоих была эрекция, исходящая от нашей общей близости и любви, но я чувствовал, что ни один из нас в этот момент не нуждался в освобождении. Чтение остальной части письма может подождать.

Нам нужно было больше, чтобы просто плыть вместе, отдыхать вместе, быть вместе.

Огонь все еще изливал свое тепло. Сумерки сгустились, и сквозь щели в стенах больше не просачивался свет. Все было темно, тихо и спокойно.

Я встал и подошел к своей одежде, сваленной на полу, усыпанном сеном. Сунув руку в карман жилета, я вытащил коралловое ожерелье, которое нашел в городе. Я повязал его на шею. Я хотел, чтобы Уишис увидел меня таким, когда проснется. Я знал, что он сделал это для меня. Это было похоже на мое письмо к нему. Что-то, что свяжет нас навсегда.

Потом я забрался к Уишису и приготовил одеяла, чтобы укрыть нас, когда понадобится. Затем я очень медленно, очень нежно положил его руку на свой пенис. Он уже спал, и его рука упала на его стороне.

Я положил ладонь на его стержень, но не обхватила его пальцами. Что ему сейчас было нужно, так это более мягкое прикосновение. С бесконечным терпением я ласкал его член ладонью, скользя по нему вверх и вниз, кругами прижимаясь к нему, прижимая его прикрытую головку к лобку, добавляя к мягким ощущениям. Медленно, я расширил свои ласки, позволяя моей руке скользить вниз и вверх по его маленьким яйцам, чувствуя их губчатую твердость под почти ватной мягкой текстурой его мошонки.

Слегка, я расширил свои дуги еще больше и начал ласкать его бедра и живот, возвращаясь к его пенису и яйцам все реже и реже.

Его дыхание замедлилось. Я почувствовал, что все напряжение в его теле исчезло, полностью. И, наконец, его пи-пи потерял свою стойкость и лег плашмя на лобок. Долгие минуты я наблюдал, как медленно уходит кровь. Очень медленно его маленький инструмент смягчился и скользнул в сторону. Его головка становился все меньше и меньше, его член все короче и короче, пока, наконец, его свободная крайняя плоть снова не повисла ниже головки, собираясь для защиты.

Я позволил своей руке скользнуть вверх по его телу, медленно, едва касаясь каждого из его крошечных, полупрозрачных сосков, затем внутрь и наружу его подмышек, и по его плечам. Он был моим. Я вспомнил ту первую ночь, которую мы провели вместе, когда я впервые увидел его обнаженным и не мог смотреть. Не хотел смотреть, потому что он не дал мне права. Сегодня вечером я понял, что он полностью отдался мне.

Затем я положил голову рядом с ним, укрыл нас одеялами и просто смотрел на него ... жить. Слава богам, все было кончено, и мы снова были вместе! Снова вместе

Когда я почувствовал, что начинаю засыпать, я легла на спину и очень нежно обнял его, притягивая к себе. Я чувствовал его обнаженную плоть на своей. Я хотел, чтобы отныне все наши вечера были такими.

Глава 8

- Никогда ... думал, ты захочешь ... дотронься до меня там, Тег, - сказал Уишис чуть громче шепота, приглушенно и нерешительно, почти задыхаясь. Я знал, что он чувствует то же, что и я.

Его губы были твердыми, почти угрюмыми, ноздри раздувались, наполняясь едким, затхлым запахом, который наполнял нашу маленькую спальню. Его самый личный запах ... между поднятых ног, из этого всегда влажного и тайного места между раздвинутыми щеками, из сморщенной дырочки заднего прохода.

Моя грудь сжалась. Я дышал с усилием, через сжатые и напряженные губы. Я чувствовал, что все мое лицо было напряжено, кожа натянута от эмоций. С вождением.

Его глаза были маленькими кругами ... страх? Нет. У Уишиса не было причин бояться меня. Это было... ожидание... желание, отчаянная тоска по чему-то, чего мы никогда не давали себе раньше ... но теперь будем.

Мы оба пересекали черту, установленную нашими собственными запретами.

Утреннее солнце струилось сквозь щели в ярко освещенных кружевных занавесках, согревая нас от холода. В неподвижном воздухе нашей спальни плавали пылинки. Три фута нового снега, ледяная температура - все было забыто, когда мы смотрели друг другу в глаза со сдерживаемой похотью.

-Я давно хотел прикоснуться к тебе здесь, дорогой, - ответила я хриплым от напряжения голосом. - О Боже, как я хотел этого момента

Я прижал подушечку большого пальца правой руки к краю его туго натянутого заднего прохода и очень медленно начал двигаться туда-сюда, описывая круги вокруг него. Его вздымающаяся грудь говорила мне, что ему было так хорошо.

- Почему... ты не сказал, что хотел ... это?- спросил он.

- Я боялся, Уишис. Боялся, что ты подумаешь ... она была грязной.

- Может, и так, Тег. Но, пожалуйста, не сердись на меня за то, что я трогаю себя там. Мне так хорошо, и

- Она не грязная. Это часть тебя. Я люблю каждую частичку тебя. Когда ты убрала палец, поцеловал бы я его и пососал, если бы подумал, что он грязный?

- Думаю, что нет. Так ты не думаешь, что это неправильно для меня играть с собой там? Я делал это, когда ты не смотрел. Прости, что скрыл это от тебя, но

Я поднял большой палец от жара его мягкой и податливой дырочки, поднес его к носу и глубоко вдохнул ароматный, проникающий, острый запах. Это было опьяняюще, буквально, и я почувствовал, как мои глаза закатились в глазницах, а голова поднялась, словно плывя.

- О Господи! - Я закричала, почти от боли, я был в бреду от радости этого момента. Моя спина выгнулась, я приподнялся на коленях, и все семь дюймов моего эрегированного члена плавно скользнули вверх по его приподнятой ягодице. Я содрогнулся в том, что могло быть только мини-оргазмом, спонтанным освобождением, вызванным самым интимным запахом Уишиса, магией этого момента и тем, что это могло означать для нашего будущего. Капельки моей спермы пролились на его яйца и нижнюю часть его члена.

- Ты кончил, Тег?!- С благоговейным трепетом прошептал Уишис, протягивая руку между поднятых ног, обхватил мой член обеими руками и большими пальцами начал скользить липкой пленкой по всей моей головке. Он оттянул крайнюю плоть, и я снова вскрикнул, когда он растянул сперму вдоль и под гребнем моей головки.

- Нет. .. Я... так не думать. .. но я... если ты ... продолжишь в том же духе!- Ахнула я.

Небольшая улыбка упала на его губы, и его глаза увлажнились, заблестели. Он отпустил меня и любовно скользнул пальцами по моим бедрам. Мой член мягко опустился между его ягодиц, и он, казалось, хотел удержать меня в этом положении. Я мог бы взять его тогда! Погрузил свой инструмент глубоко в него ... еще... мы никогда не говорили об этом. Я не мог, никогда не мог сделать этого, пока он не попросил меня!

- Ну, что ты хочешь со мной сделать, Тег? - спросил он, заставляя меня.

Теперь Уишис казался одержимым. Проснувшись утром, я обнаружил, что он уже проснулся и лежит на боку, отвернувшись от меня. Он сидел, поджав ноги и засунув одну руку между ягодиц. К моему удивлению, я увидел, что он прощупывает почву! Солнечные лучи падали на него из каждого отверстия в тонких белых занавесках, закрывавших окна нашей спальни. Он был похож на

беломраморную модель мальчика с кожей, испещренной пятнами света и тени, почти нереальной в совершенстве линий и гладкости каждого изгиба. Мальчик, потерявшийся в самоисследовании и удовлетворении.

Я тихонько приподнялся на локте, но обнаружил, что глаза его закрыты, и он, очевидно, ощущает волны Тихого удовольствия - голова опущена, он дышит открытым ртом, каждый вдох затруднен и слышен.

-Пожалуй, это самое прекрасное зрелище, которое я когда-либо видел, - сказал я, чтобы показать ему, что не сплю.

Его глаза распахнулись, и он в панике повернул ко мне голову. - пораженный.

-П-п-прости, Тег! Я не должен

- Тише!- Прошептал я и одарила его понимающей улыбкой. Не знаю, почему я решил сделать то, что сделал потом, но мне показалось правильным сказать ему, что доставлять себе такое удовольствие - это прекрасно.

Я наклонился и положил свою руку на ту, которую он выдернул ее из щели. Я медленно поднес её ко рту. Он перекатился на спину, уставившись на меня широко раскрытыми от удивления глазами. Он ощупывал себя средним пальцем, и тот все еще выделялся на фоне других, влажный, покрытый его внутренней сущностью. Я сложил его руку на запястье и поднес помазанный палец к губам. Сначала я поцеловал его кончик, затем втянул в рот и наслаждался спелым вкусом!

От удивления у него отвисла челюсть. Затем он насмешливо улыбнулся, когда я встал на колени, поднял его ближайшую ногу и встал между его ног. Наконец я осмелился сделать то, что хотел сделать все шесть месяцев, с тех пор как мы благополучно вернулись на ранчо в Аризоне. Не проходило и дня, чтобы мы не занимались любовью, но я никогда не осмеливалась просить у него эту награду.

- Можно?- Прошептал я, переводя взгляд с его глаз вниз, между ног, а затем снова вверх, в мольбе.

- Да, - хрипло ответил он. Он лежал на спине, вытянув тонкие белые руки на кровати ладонями вверх. Он потерял весь золотистый загар прошлого лета. Его крошечные розовые соски встали торчком, отчетливо видимые на фоне почти прозрачной, бледной плоти худой груди. Я видел линии каждого ребра, его грудь, ключицы, плечи - все мальчишеское, все восхитительно нежное, милое, прекрасное маленькое дитя!

Мгновение я ласкал верхушки его стройных бедер, раскинутых по обе стороны от меня, потом просунул руку под оба его колена и медленно, благоговейно поднял его ноги вверх, вверх, вверх, пока они не начали давить на его торс, подтягивая зад вверх.

Его маленький двухдюймовый пенис, все еще твердый от наслаждения, которое он себе доставлял, был направлен прямо вверх, наружу. Его мошонка болталась, распластавшись, словно отлитая из двух маленьких мраморных яичек внутри. Кожа мошонки свисала вниз, распластавшись на ягодицах. Из-под него тонкая, приподнятая линия промежности тянулась прямо назад, розовато-красная линия, ведущая к краю анального кольца, падая глубоко в него, в гладкую воронку, которая вела в тело моего мальчика.

Теперь меня привлек слабый, острый запах самого секретного места Уишиса.

То, что он позволил мне смотреть на него так открыто, было самым верным признаком его любви ко мне. Я осмелился спросить себя, позволит ли он мне попробовать его.

Много раз, когда я сосал его или раздевал, я видел его анус. Я даже прикасался к нему, иногда прижимался, когда занимался любовью.

Это было совсем другое. Совершенно другое.

Он умоляюще посмотрел на меня, почти умоляя продолжать. На его лице появилось выражение, которого я никогда раньше не видел. Я видел его в муках страсти. Я видел, как он хотел, ждал и ждал поцелуя. Я видел, как горели его глаза, когда его тело было на грани оргазма.

Да, сейчас все было по-другому. Совсем другой.

В его взгляде был тоска, но в то же время что-то похожее на опасение, смешанное со смелым и распутным желанием. Его грудь поднималась короткими, быстрыми, отрывистыми шагами, когда он напрягался для чувств, удовольствий ...исполнение... того о чем раньше он только мечтал.

Его укромное местечко, его тайные уголки были не просто "там", чтобы мои исследующие руки могли наслаждаться. Он поднял руки и заложил их за колени, широко расставив ноги.

Освобождает ли он меня для исследования?

Опустившись на колени, я не знал, с чего начать! Его яйца были прямо под моими губами, совершенно незащищен. Его пенис был напыщенным и манящим, твердым и таким мужественным, зовущим меня. А потом я почувствовал, как напряглись его мускулы, чтобы приподняться еще выше, поднести его самое священное место к моим губам. На мое любящее прикосновение. Для моих глаз. К моему носу.

Уишис. Бог на земле. Он лежал здесь, в моих объятиях, открывая мне свое существо!

Внезапно я снова почувствовал финт, с его чудовищностью. Я заглянул ему в глаза, еще раз обменялся с ним уверениями, а потом опустил голову, чтобы взять то, что он предложил мне наедине.

Мой язык сам собой высунулся и лизнул самое дно его мошонки, затем я скользнула обеими руками вокруг его бедер и под ним, обхватил его ягодицы и приподнял.

Медленно, смакуя вкус и текстуру его плоти, я начал лизать вниз по промежности, к анусу. Вкус был драгоценной смесью самой земной, слегка соленой плоти и остроты его пота ... и жидкости, которые неизбежно просачиваются изнутри, из его дыры. Всего несколько мгновений назад он мог принять ванну десять раз, и я знал, что все равно почувствую ее вкус.

Какое бесполезное понятие в данном случае-понятие "чистый"!

Непроизвольно я издал слабый, сдавленный стон собственного удовлетворения.

Сущность желаний! Я вкушал его сущность, как никогда прежде! Я пробовал его губы, его уши, его шею, его соски, его славное детство, его пальцы, его бедра ... теперь я ощущал вкус его драгоценного тела!

Я лизал все ближе и ближе к своей добыче, позволяя слюне смешиваться с выделениями его тела, а затем жадно слизывал все. Гребень его промежности был шершавым по сравнению с окружающей тканью, крошечной, нежной пилой.-зубчатая линия. Скользя по нему, я знал, что Уишис чувствует, как ссадина царапает мой язык. Он заерзал, и я почувствовал, как тепло его бедер рефлекторно сжалось у моего лица.

Мой дух воспарил. Я просто не мог поверить, что это происходит! Я отдавался безудержной похоти, но все же был настроен на удовольствие моего мальчика. Если бы только я мог передать ему свою благодарность за сокровища, которые он мне даровал. Я хотел, чтобы это было так приятно для него, чтобы это навсегда преодолело все его запреты. Это был первый шаг к нашему окончательному Союзу. Я знал это.

Он освободил мои руки, сам закинув ноги за спину.

Правой рукой я начала ласкать и массировать его бедро и ягодицы, обхватывая их, прижимая к своим щекам.левой рукой я дотянулся до его торчащего вверх бедра и осторожно ухватился за пенис, слегка надавив большим пальцем чуть ниже головки, двумя пальцами сверху. Очень медленно, естественно входя в ритм с движениями моего языка, я начала драть его, позволяя его крайней плоти затянута на его головке, но еще не затягивая ее полностью, как я так любил делать.

Я почувствовал, как кончик моего языка скользнул в его отверстие.

Осторожно, я покачал языком и исследовал крошечные гофрированные складки его входа. Потом облетел вокруг своей норы. Его тело извивалось, прижимаясь к моему языку, как будто он хотел большего. Поэтому я смело расплющил язык и широко провел им по его анусу, чувствуя, как его тело напряглось и дернулось, когда одновременно взорвались миллионы нервных окончаний. Я не мог не стонать глубоко в горле, наслаждаясь вкусом!

Его собственные стоны повторили мои. Внезапно я осознал, что мои глаза закрыты. Я открыл глаза и увидел, что он лежит, запрокинув голову, с закрытыми глазами и трепещущими веками. Он тяжело дышал через ноздри, плотно прижав губы друг к другу. Его руки были крепко сжаты под коленями, а икры торчали вверх, обрамляя ангельское лицо.

Я прислушался. Его стон был бессознательным, он даже не осознавал, что делает! Это прозвучало монотонно, бездумно, как автоматическая реакция на ощущения, которых он никогда раньше не испытывал. Это звучало так, словно он временно сошел с ума, как будто кто-то мог услышать это от умственно отсталого мальчика, который неосознанно стонет.

Затем он толкнул меня, и я понял, что он действительно в сознании! Он подтолкнул свою задницу ко мне, почти требуя большего давления на свой анус.

Я охотно подчинился, умывая, умывая, посасывая, любовно прощупывая в течение долгих мгновений. Может ли мальчик кончить от этого?! Я знал, что анус очень чувствителен, но вот так?! Уишис был в полном экстазе от этих новых ощущений, исходящих от моего языка! Он начал двигать попкой маленькими круговыми движениями, в такт моим ласкам, в такт ритму моих пальцев, глядящих его маленький член. Он сжимал и разжимал ягодицы, то прижимаясь к моему лицу, то толкаясь, чтобы я еще глубже в него провалился.

Мои сложенные чашечкой ладони теперь были пропитаны моей собственной слюной, смешанной с его собственным внутренним соком. Я не знал, что это возможно, но почувствовал вкус влаги, едва заметно сочащейся из его прямой кишки в ответ на мои зонды.

С большими пальцами, размазанными в скользком соке, я ласкал и прижимался к мягкой плоти его щек, время от времени позволяя всей моей ладони размазывать скользкую субстанцию по всему его заду.

Наконец, я отдался его дару, и опустил свой нос в его святилище, зарывшись в него, толкая в его кольцо. Я глубоко вдохнул, чувствуя, как сок проникает даже в ноздри, неся с собой эссенцию желаний!

Это сильнодействующий наркотик, на который я уже подсел. Я не мог остановиться, не мог убрать нос, не мог перестать дышать, до такой степени, что у меня закружилась голова. Я бы так и осталась похороненной, если бы был здесь, чтобы удовлетворить свои желания. Я был здесь для большего, однако, чтобы привести его к высотам удовольствия.

Сделав последний глоток, попробовав на вкус и принявшись, я отступил и позволил себе взглянуть на священное, тайное место Уишиса.

Оно было таким же девственно-белым, как и все остальное его совершенное тело, но почему-то еще белее. Этот белый цвет настолько прозрачен и прозрачен, что становится розовым от самого прилива животворящей крови внутри. Она была похожа на маленькую воронку, удлиненную воронку, со всех сторон наклоненную к идеальной маленькой точке внутри него. На мгновение я представил себе, как это будет выглядеть, когда я, наконец, растянусь и заставлю его зубчатые складки широко раскрыться, чтобы принять мое мужское достоинство. Я знал, что в моей страсти и его, вместе взятых, желание ... анус будет употреблен. Это было не совсем правильное слово, потому что оно не выражало нашу любовь друг к другу. И все же это правильное слово, потому что я бы растягивал, колотил, растирал и сосал его чувствительную девственную плоть, пока она не стала бы красной, возможно, синеватой и покрытой синяками. Я надеялся, что его анодерма, эта особая кожа у самого входа в прямую кишку, не расколется и не начнет кровоточить под моими ударами, но я не сомневался, что ни я, ни Уишис не остановимся, если почувствую, что она разрывается. Если я когда-нибудь трахну его, это будет его выбор. Он хотел бы, чтобы я был внутри него!

Я все еще поглаживал его член. Он все еще тяжело дышал, на грани оргазма. Я решил, сейчас или никогда, попробовать то, о чем мечтал все эти годы. Я вспомнил, что делала с Деметрио и Роландо. Если я сделал все правильно, я знал, что это не будет долго, прежде чем Уишис и я бы кончили. Он хотел бы этого так же сильно, как и я.

Подготовка была закончена. Его анус был скользким внутри и снаружи. Мой большой палец - вся моя рука - были мокрыми от моей собственной слюны и его анальных выделений. Сам воздух вокруг нас был влажным и тяжелым от земного аромата! Я отодвинулся назад между его ног ровно настолько, чтобы дать моей правой руке лучший доступ, затем опустил ладонь на него. Я продолжал гладить его член левой рукой, а правой щупал его маленькие яйца, позволяя большому пальцу правой руки дотянуться до его дырочки.

Его маленький анус, казалось, имел собственный разум. С каждым толчком пениса, с каждым движением бедер, с каждым судорожным вздохом он открывался и закрывался сам по себе, с едва слышным влажным шлепком! Я мог буквально заглянуть в его глубины, когда он слегка приоткрылся, и увидеть гладкие, красновато-коричневые внутренние стенки его сфинктера и кишечника.

Я опустил подушечку большого пальца, чтобы прикрыть его, и на следующем ритмичном открытии и закрытии он засосал меня! Он громко застонал, почувствовав грубую текстуру моего большого пальца там, где раньше он чувствовал мой язык.

Мое сердце бешено колотилось. Должно быть, я был похож на сумасшедшего, с широко раскрытыми глазами, с лихорадочной страстью, написанной на моем лице, с намерением проникнуть в моего маленького мальчика!

Я начал качать его член немного быстрее, сжимая его член немного крепче. Его таз немедленно отреагировал, описывая круги шире, поднимаясь выше. С каждым движением большого пальца я все глубже погружался в его прямую кишку. Я ощутил силу его сфинктера вокруг кончика, сжимающего, сопротивляющегося, а затем всасывающего еще больше. Это не потребовало от меня никакого давления, пока, наконец, я не оказался полностью в его анальном кольце, целых три четверти дюйма, почти до моего первого сустава!

Он был такой тугой! Теперь я встретил сопротивление. Сила всасывания, ритмичное открывание и закрывание, теперь сменились ритмичным сдавливанием, как будто он собирался откусить мой сустав большого пальца в своей прямой кишке. Он был такой восхитительно влажной и горячей! Его сфинктер был таким сильным! Глубже, чем я ожидал. Это было не просто кольцо мышц прямо в отверстии заднего прохода, а скорее полоса мышц, почти в полдюйма глубиной. Как это было бы восхитительно, если бы там оказался мой пенис!

Я просто положил большой палец туда, где он был, и не забыл на мгновение сосредоточиться на его пенисе и яичках. Уишису нравилось, когда ему массировали яйца и слегка дергали, когда я дрович. Так что теперь я использовал пальцы правой руки, чтобы слегка надавить на его мошонку, вдавливая яйца в промежность и слегка подтягивая их к анусу.

Он закричал, перекрывая стоны.

- О... Бог... Тег! Что... ты делаешь ... со мной!

- Люблю тебя, Уишис, - гортанно ответил я.

Я снова начал нажимать большим пальцем, в такт с рукой, накачивающей его член. Никогда не позволяя ему выйти, но толкая каждый раз чуть больше. Вскоре я заставил его маленькую мышцу растянуться, чтобы принять ширину моего первого сустава. Затем он скользнул дальше, как прорвавшаяся плотина, до самого основания моего большого пальца.

Большая часть моих чувств была сосредоточена в подушечке большого пальца, и ощущения там были невероятными! Гладкость, шелковистость внутренней обшивки его ректального прохода ... жар от этого ... влажность. Когда мой большой палец скользнул по проходу, я действительно почувствовал его внутренности.

- Хм, может быть, когда-нибудь, милый. Но сейчас, давай просто насладимся этим моментом, хорошо? Знаешь, я получаю огромное удовольствие, просто делая тебя счастливой.

- Я знаю, Тег. Я знаю, что ты имеешь в виду. Ладно, но теперь моя очередь. По крайней мере, я могу сосать твой член! - сказал он, поднимаясь на колени передо мной.

- Как хочешь, мой мальчик. Как пожелаешь. Мое тело твое, - сказала я, позволяя ему толкнуть меня обратно на кровать.

Он устроился на коленях между моих ног и наклонился, чтобы обнять меня. Одной рукой он отбросил волосы назад от его глаз, и опустил губы на мою головку.

Я поднес большой палец, помазанный, к носу и глубоко вдохнул, затем опустил его в рот.

Мы, как всегда, занимались утренней рутинной. То есть наша зимняя утренняя рутина. Когда ты заперт на три фута свежеснеженного снега, а еще на два ниже, ты склонен вести себя немного более неторопливо. У всех животных было много сена. Чуть позже мы доберемся до амбара.

Мы такие забавные. Мы оба любили спать голыми, но по утрам, до завтрака, натягивали ночные рубашки. Так почему-то казалось уютнее.

Я разжег огонь на кухне и в гостиной. Уишис помогал готовить. Мы позавтракали вместе прямо за кухонным столом, все еще в ночных рубашках. Все еще купаюсь в лучах нашей любви.

Уишис покраснел не один раз. Думаю, я тоже. Мы не говорили об этом напрямую, но мы оба знали.

Это был новый уровень близости. Мое сердце пропускало удар, каждый раз, когда всплывала мысль о моем лице, спрятанном в его заднице. Я знал, что он чувствует то же самое. Какое-то время он играл сам с собой.

Теперь он посвятил меня в свою тайну, и мы вместе нарушили табу.

Из-за того, что мы сделали сегодня утром, мы всегда будем ближе.

Уишис продолжал хихикать. Я шел, чувствуя такое же головокружение, как и он, пока он не зашел слишком далеко и не выплюнул крошки тоста на стол!

- Что?!? - Воскликнул я, наморщив лоб и стараясь выглядеть строгим, как будто понятия не имел, что у него на уме.

- Ты фу-у-у-у-у-у, - снова хихикнул он и улыбнулся так широко, что я увидел несъеденную колбасу и яйца у него во рту. Он вертел головой из стороны в сторону, насмехаясь надо мной, его глаза просто сияли от восторга.

- Понятия не имею! - Запротестовал я, стараясь выглядеть суровым, но безуспешно.

- Ты засунул палец мне в задницу! - он усмехнулся. Он снова покачал головой, произнес что-то вроде "ФУ-и-УТ".

- Хм, - усмехнулся я. - Да, это так. Но это был мой большой палец. Вот здесь. - Я поднял правую руку, вытянул большой палец и понюхал его.

- Ммммм ... милый!

Он начал было отвечать, но я знал, что застал его врасплох этим маленьким комплиментом. Он остановился и, открыв рот, а потом выронил вилку, и положил обе руки демонстративно на свои бедра.

-Ну, я клал туда и другие вещи ... упс! - Он поднял руки, чтобы прикрыть рот. Но он все еще хихикал.

- Ах вот как? Очень интересно, молодой человек. Например?

- Ну, я думаю, что ручка щетки-моя любимая

- Ты имеешь в виду нашу щетку для волос?- Я вел себя так, будто злилась. Он на это не купился.

- Ну что ж, Тег, потом я каждый раз его смывал.

- Ну, теперь ты, наверное, знаешь, что это не было необходимо ради меня!

- Да, - он замолчал и задумчиво посмотрел на меня, подняв брови. – Тебе... очень понравилось, да?

Я глубоко вздохнул, испытывая огромное удовлетворение от того, что могу сказать: "это было великолепно. Это часть тебя. Я .. хочу сделать это снова ...иногда... если позволитшь.

- Да, - почти прошептал он и снова покраснел.,

Мы оба замолчали, потерявшись в сиянии просто быть вместе, быть в состоянии говорить о таких вещах. Зная, что это, действительно, повторится.

Наконец я отодвинул стул, встал и начал убирать со стола тарелки.

-Почему бы тебе не одеться, Уишис? Я здесь приберусь, а потом мы сможем немного повеселиться, расчищая дорожку к сараю.

- О, очень весело.- он закатил глаза. - Сначала расчисти дорогу к уборной, ладно? Я думаю, ты меня там расслабил!

Он встал и повернулся к двери, снова хихикая. Он убрал руки назад, прижал ягодицы друг к другу через струящуюся ткань платья, встал на цыпочки и отпрыгнул, как будто не мог больше сдерживаться.

- Ах, убирайся отсюда! - Я со смехом швырнула в него тряпкой, когда он, пританцовывая, появился в дверях.

Я прислушался, не донесутся ли звуки. Ему следовало бы одеться, может быть, застелить постель, если он чувствует себя по-настоящему энергичным ... Звон в ночной горшок. Это были сладкие утренние звуки, к которому я всегда прислушивался. Мне не нужны были птицы, щебечущие свои мелодии пробуждения. Я даже не нуждаются в ярких лучах солнца, сияющих снаружи. Мое доброе утро определялось желанием.

Ничего не услышав, даже шороха его босых ног по еще более голому деревянному полу коридора, я пошёл искать его после того, как закончил уборку кухни.

Его не было в нашей спальне. Очевидно, он вообще туда не ходил. Я начал беспокоиться. Это было не похоже на него. Учитывая, что наш утренний секс был чем-то новым, я вдруг испугался, что действительно причинил ему боль. Или, может быть, он действительно был слишком свободен. Или

....

Я нашёл его в гостиной, стоящим в обрамлении яркого солнечного света, струящегося через большое панорамное окно. Шторы были раздвинуты, и комнату заливало солнечное сияние. Или его?

В конце концов, он был таким же ярким и золотым, как солнце. Безусловно, жилительный для меня.

Я упорно трудился и потратил большую часть своего состояния, чтобы сделать своё ранчо чем-то большим, чем типичная западная хижина. Стекло для окон - я бросил вызов всем насмешкам

вокруг, чтобы получить их. Теперь все сознались бы в своей ошибке, если бы хоть раз увидели здесь Уишиса.

Ткань его ночной рубашки горела от яркого света. Он ловил солнечные лучи, казалось, впитывал их и распространял на каждую клеточку, освещая тело моего мальчика, как лампу, обрамляя его, позволяя мне видеть каждую его линию и изгиб сквозь теперь уже прозрачное платье.

Его волосы тоже сияли, с такими яркими бликами, что мне пришлось моргнуть.

Мне хотелось броситься к нему, обнять и снова заняться с ним любовью, прямо сейчас, прямо здесь! Он был такой стройный и прямой, такой маленький мальчик!

Я почувствовал, как кровь побежала по моим венам, и мой пенис снова поднялся в моей ночной рубашке. «О, дорогой Уишис, ты невыразимо прекрасен. Позволь мне заняться с тобой любовью!»

Но почему он стоит здесь? Настолько тихий. Неподвижный. Задумчивый? Он плакал? Был он

- Уишис, что ты ... ты в порядке? - Мне удалось сдержать свою страсть и задать этот вопрос. Стоило ему только сказать слово, и я бросился к нему.

Он обернулся, наконец-то осознав мое присутствие.

Я побледнел. Он выглядел почти несчастным. Так чем-то озабочен. Так же быстро, как я возбудился, я обмяк внутри себя. Неужели я причинил ему боль?

- Что случилось, милый? - Спросил я, подходя к нему с распростертыми объятиями.

Он повернулся ко мне и позволил заключить себя в объятия, но как-то обмяк, его руки медленно поднялись, чтобы схватить мое платье на уровне талии, дергая, складывая, скручивая ткань. Что-то его беспокоило.

- Это из-за того, что мы сделали сегодня утром? Тебя это беспокоит, Уишис? "

- Нет, - пробормотал он мне на грудь. Я прижалась губами к его волосам, вдохнул его запах и поцеловал. Он поцеловал меня в ответ, прямо сквозь ткань моего платья, слегка прикусив мою грудь. Я почувствовал, как тяжесть мира спала с меня этим маленьким поцелуем. По крайней мере, он не сердился на меня!

Он повернулся в моих объятиях, медленно, нежно, так что я знал, что он не пытается разорвать мои объятия. Ему хотелось смотреть на солнце, на ярко освещенный заснеженный луг. Наш ранчо было построено высоко.

Понадобилось пять шагов, чтобы подняться на веранду, окружавшую дом, – новый снег полностью покрыл ступени и тянулся до самого низа, поднимая ветви деревьев на краю луга. Мы были полностью поглощены, и вид перед нашими глазами был просто прекрасен. Белый, сверкающий, ледяной. Оставляя нас так близко и уютно, вместе, внутри.

- Я тут подумал ... - начал он тихо, напевая своим высоким, сладким, как флейта, голосом. - Интересуюсь кое-чем. И я хотел попросить тебя об этом ... если делать что-то долго, но может быть, теперь, после сегодняшнего утра, я смогу

Он помолчал. Я долго молчал, ожидая, что он продолжит. Он просто протянул руку и схватил мои руки обеими руками и, сложив их, еще крепче вокруг его тощей груди. Сквозь одежду я чувствовал мягкие подушечки его тонких грудных мышц и крошечные кончики затвердевших сосков. Он был возбужден.

Я почти задыхался, гадая, ожидая. Что бы это могло быть? Какое это имеет отношение к нашей утренней любви? Что я, наконец, попробовала, прикоснулась и проникла в его зад. Что у нас появилась новая близость. Должно быть, так. Но как?

Наконец, я сказал: "Уишис, ты знаешь, я постараюсь дать тебе всё, если это возможно. Или поговорить с тобой, о чем угодно. Если это из-за того, что мы сделали утром"

- Как долго мы будем вместе, Тег? - он прервал меня.

Конечно, тот вопрос, на который я рассчитывал! И не ожидаем для любой мальчиколюбба. Для любого любимого мальчика. Для нас. Я не ожидал, что этот вопрос будет волновать Уишиса в течение многих лет. Тот, о котором я думал много раз. Ставить под сомнение саму природу любви. Тот, в котором у меня больше не было сомнений. Я надеялся, что смогу убедить его в этом.

- Хорошо ... Я отвечу на твой вопрос другим вопросом, Милый. Как долго продлится наша любовь, Уишис?

- Я не уверен, Тег.

Опять не то, чего я ожидал! Его ответ потряс меня. Я мог бы позволить ему страдать, но было крайне важно выслушать его.

- Что ты имеешь в виду, милый?

- Тег, я знаю, что буду любить тебя вечно, но ...

- Я тоже буду любить тебя вечно, дорогой! Я поспешил заполнить эту невысказанную пустоту. -Ты в этом не сомневаешься? - Я осторожно повернул его, желая увидеть его глаза, увидеть, что он чувствует. Он вопросительно посмотрел на меня. Я поцеловал его в лоб и крепче обнял.

- Я не хочу в этом сомневаться, Тег.

-Разве я когда-нибудь убеждал тебя в обратном?

Он поднял брови.

- Ну. .. ты как-то рассказывал мне о нашей особой любви, о том, как некоторые мужчины любят мальчиков, и я знаю, что ты любишь меня, потому что я мальчик. Я не навсегда останусь мальчиком, Тег. Письмо, которое ты написал, оду. Это все обо мне, как о мальчике

Его слова начали перекачиваться друг через друга, и я мог видеть, как слезы начали подниматься в уголках его глаз.

Я прижал его к себе, обхватил руками, заставляя чувствовать каждую частичку себя вокруг него, чтобы он почувствовал себя таким защищенным и любимым, чтобы никогда больше не сомневаться. Потом я положил руку ему на зад, поднял и отнес на кушетку у большого окна. Я сел и положил его голову себе на колени.

Я заговорил в его волосы, мягко, успокаивающе.

- Нет, Уишу, ты не всегда будешь мальчиком. Я это знаю. Однако ты всегда будешь единственным и неповторимым желанием. Да, я бойловер. Меня привлекает твое тело маленького мальчика и твой дух маленького мальчика. Но ты должен знать, дорогой, что в любви есть нечто большее.

Он оторвал голову от моего плеча и подвинул свой маленький зад к моим коленям, чтобы посмотреть мне в глаза. Его глаза округлились и вопрошали. Я знал, что он слушает меня всем сердцем.

- Есть радость служить тебе, все твои дни. Глубокое, глубокое удовлетворение, которое приходит от того, чтобы быть с тобой, когда ты растешь. Помогать тебе на твоём пути. Именно совместное развитие поднимает нас над уровнем нормального существования, Уишис. Вот что делает любовь к мальчику такой прекрасной, замечательной и захватывающей частью плана природы для человечества.

- Эта страсть к телам маленьких мальчиков была дана мне с определенной целью. ТЫ И ЕСТЬ ЭТА ЦЕЛЬ! Тебе была дана такая же любовь к мужчине. Для меня! Я думаю, наша любовь навсегда, Уишис. Поэтому я думаю, что ты и я будем вместе навсегда! Мы должны. Понимаешь?

- Думаю, что да. - Он смиренно моргнул, желая мне поверить.

- Я буду рядом с тобой, пока ты этого хочешь, Уишис. Ты как маленькая птенчик. Я здесь, чтобы жить и любить тебя, чтобы помочь тебе научиться летать. Я полечу с тобой, куда захочешь, если позволишь.

- Если мы всегда будем вместе, Тег, то так оно и будет ... как будто мы ...замужем?

- Ну вот ... Я никогда так не думал, Уишис, но да... Кажется, мы женаты! Мы разделяем все в жизни вместе, мы хотим быть вместе всегда, мы делаем все вместе, друг для друга. Да! - Воскликнул я, обрадованный его предложением. - Мы поженимся, если ты возьмешь меня в жены, и будем жить вместе, пока смерть не разлучит нас!

Уишис просто засветился, широко улыбаясь. Он хотел чувствовать то же самое.

-Я принимаю тебя за свою! - он хихикнул. Он повернулся, подтягивая колени, пока они не легли мне на колени, и наклонился надо мной, его руки теперь лежали на моих плечах, отталкивая меня назад. Он поджал губы и приблизил их к моим. Как только моя спина нашла опору на диванной подушке, он открыл свои губы и позволил своему языку скользнуть между моими, смачивая меня.

Он раздвинул ноги, и его колени скользнули вниз по моим бедрам. Я почувствовал, как его маленький пенис вонзился мне в живот, где он извивался в такт с языком. Мой собственный твердеющий инструмент удлинился быстро, почти мгновенно, и я почувствовал, как мой полуобнаженный член скользнул под его платье и с силой прижался к его промежности.

- MMM ... мы этого не делали ... разбирать... сегодня утром, - пробормотал Уишис, начиная свое "кругосветное путешествие", как он это называл. Каждое утро после пробуждения мы обычно прижимались друг к другу. Это всегда приводило нас к поцелуям. Ему нравилось покусывать мои губы, брать их зубами или губами и ходить вокруг моего рта. Вот так, "Вокруг света". Обычно он трахал меня, его член скользил вверх и вниз на животе. Я бы немного подрочил, но обычно хотел сохранить свою сперму на более поздний час. Я предпочитал просто ласкать и гладить его!

- Да. .. ну, ты ... отвлечь меня. .. и я должен ... поцеловать тебя где-нибудь ... еще. Помнишь?

Наши утренние занятия любовью иногда продолжались по двадцать-тридцать минут, пока он не кончал на меня хотя бы раз. Иногда даже больше. Это был единственный способ что-то сделать на ранчо! Мы должны были ослабить его либидо.

Однако теперь, когда меня засыпало снегом, я подумал, что мы могли бы продлить этот сеанс. Я начал ласкать мягкую внутреннюю поверхность его бедер, двигаясь так, чтобы мой член двигался из стороны в сторону, скользя по его атласной плоти.

Внезапно он отстранился, прервав наш поцелуй! Он больше не грустил, но я видел, что он все еще думает о том, как мы поженимся, как долго будем любить друг друга и будем вместе. Он поднял торс, напрягая руки, его ладони все еще лежали на моих плечах. Он размял мои мышцы там, и откинулся назад, сильно вдавливая свой член в меня. Я почувствовал, как мой член скользнул между его ягодич!

Он посмотрел на меня вопросительно, изучающе. Казалось, он все еще не решался сказать все, что хотел.

После затянувшейся паузы, я, наконец, сказал: "что-то другое на уме, милый?"

- Да. Мы женаты, но Он начал что-то говорить, потом снова замолчал, поджав губы.

- Но что?

Никогда не позволяя своим пальцам долго бездельничать, он принялся теревить мое платье, теревить подкладку воротника и заглядывать мне в глаза.

- Ну, есть одна вещь, которой мы не делаем. Есть одна вещь, которую мы не можем сделать, Тег.

- Что это, милый?

- Хммм ...- сказал он почти застенчиво, опуская взгляд на мою грудь.

- Э. .. помнишь, ты говорил, что когда мужчина и женщина любят друг друга, мужчина ставит свою ... вещь... в женской норе ... там, где у мужчины есть пи-пи, а у женщин нет. Вонзает его в ее тело.

- Да. Я помню об этом.

- Да, именно так они делают детей, не забывай! Иметь семью. Мы не можем этого сделать, Тег. Я хочу, чтобы у нас была семья. Жаль, что у меня нет дырки, чтобы ты мог наполнить меня спермой, и у нас были бы дети, как у женатых людей. И мы могли бы стать одним целым, как говорили раньше ... и я подумал ... вот если бы ты мог ... положи свой ... член... во мне тоже ... туда. .. где ты поцеловал меня сегодня утром ... ты сказал, что тебе нравится, Тег! Я знаю, тебе понравилось. И....

Он почти задыхался от внезапного напора своих слов, казалось, думая, что если бы он мог продолжать говорить, у меня не было бы шанса отказаться от его желания.

- Тише, тише, милый, - я приложил указательный палец к его губам. - Конечно, я буду заниматься с тобой любовью, если ты этого хочешь. Ты действительно много думал, не так ли? - Я сам себе удивлялся. Он спрашивал о том, чего я так долго хотел, но я встретила этот момент с таким спокойствием.

- Да, и еще, Тег, я кладу туда вещи, просто чтобы попробовать, и я знаю, что ты можешь туда заглянуть

- О Боже, Уишис, ты такой замечательный! Да, мы можем это сделать. Это и моя самая большая мечта, дорогой. Быть частью тебя, таким образом, наполнить тебя моей любовью всеми возможными способами. Как мужчины и мальчики, которые любят друг друга на протяжении всех веков.

- Что ты имеешь в виду, Тег? Ты хочешь сказать, что это не только моя идея?

-Ну, знаешь, это действительно твоя идея. Ты подумал об этом. Просто у других мальчиков и мужчин на протяжении веков был одна и та же идея.

Я сглотнул. Чудовищность момента, наконец, поразила меня.

- Так и будет ... сделай так, будто мы женаты, дорогой Уишис, - мягко сказал я. - Во все времена, насколько нам известно, мужчины, которые любили своих мальчиков, как я люблю тебя, любили ... трахали своих мальчиков - У меня перехватило дыхание. Я почувствовал, как что-то сжалось у меня в груди, и это заставило меня сделать ложный выпад.

- Трахали?- Спросил Уишис.

Мое сердце колотилось! Мой член бесился! Я буквально чувствовал, как оно бьется в ритме моего сердца! Мои тяжелые яйца сжались вокруг моего тела, как будто были готовы пролить мое семя в него прямо сейчас! Услышать это прекрасное слово из его уст было величайшим афродизиак, который я мог себе представить в тот момент. Мой Уишис, говоря слово "трахать", и зная, что это означает, что я присоединюсь к своему телу с его, что я на самом деле вставлю свой пенис в его задницу! Он втянет меня, я ворвусь! Мы станем одним целым!

- Да, дорогой, - прохрипела я, но тут же обрела голос. - Мы трахнемся. Я трахну тебя. Ты хочешь меня глубоко внутри своего тела, Уишис?"

- Да!- он почти закричал, но в то же время дернулся всем телом. Я почувствовал, как его все еще твердый член снова прижался ко мне, почувствовал мягкость его маленьких шариков, скользящих по

моей плоти прямо за ним. Он приподнялся, пока не оказался прямо под моей грудиной, его тело напряглось от возбуждения.

Он отскочил вверх и вниз на меня, и сказал: "Теперь, Тэг. Давай сделаем это сейчас. Давай... трахаться. Ты бы трахнул меня сейчас?"

Его рвение, его готовность ударили меня, как двойной удар кувалды! Я был взволнован тем, что он хотел, чтобы мы объединились в этом последнем акте любви, но внезапно я запаниковал. Как я и боялся, что так будет всегда. Мне показалось, что мой разум внезапно пронесся через все, что я узнал.

Из книг. От Роландо! От Джоуи и Тонио. Да, именно так мы с Уишисом должны были завершить наш союз. Я знал, что могу заставить его почувствовать мою любовь таким образом, и я просто знал, что не причиню ему боль. Не надо его обижать!

Я позволил своим рукам блуждать по его бокам и крепко держал его там, его тело так величественно возвышалось надо мной.

- Мы будем заниматься любовью вот так, Уишис. Мы будем трахаться. Но давай ... Давайте.... - Я подыскивал слова.

Не хочу, чтобы он знал, что я нервничаю из-за этого. Я не хотел, чтобы он подумал, будто у меня есть какие-то сомнения насчет того, хочу ли я этого.

- Давай сделаем это сегодня, милый. Это важный шаг, я думаю, ты мог бы сказать, что это как свадебная церемония для нас. Я хочу сделать его особенным для тебя ... для нас обоих.

- Хорошо, - спокойно сказал он, обдумывая услышанное.

- Никогда больше не сомневайся, Уишис. Не после сегодняшнего вечера.

Милый мальчик просто растаял рядом со мной, позволив себе соскользнуть вниз, потереться своим членом о мой толкающийся член, и опустил свою грудь к моей. Он улыбнулся так мило, ангельски, принимая мои слова без тени сомнения.

- Да, Тэг. Значит, сегодня вечером. Я все знаю о свадьбах, Тэг. Я был на них. Ты собираешься подарить мне кольцо? Прежде чем мы трахнемся?

- Хорошо ... подарю тебе кольцо, дорогой. Тогда мы трахнемся."

Ни один из нас не много съел на обед, и ни один из нас не хотел ужинать. Нервы, наверное. Мы расчистили путь к амбару ... и в уборную. Проверил животных.

Большую часть дня мы провели порознь. Это было так странно. Мы с Уишисом добровольно не отходили друг от друга больше минуты с тех пор, как я завернул его почти замерзшее и безжизненное тело в брезент, сразу после того, как он убил Большого Джона.

И вдруг он обнаружил свою комнату. Мы всегда делили мою кровать, каждую ночь, и он редко заходил в свою спальню, даже держал большую часть своей одежды в моей. Сегодня он провел весь день в своей комнате. Мне было интересно, что он делает, но я не стал вмешиваться в его личную жизнь. Я почему-то чувствовал ту же потребность.

С каждой минутой в течение дня мы подкрадывались к завершающему акту нашего союза. Мы оба это знали. Возможно, у людей есть инстинкт замкнуться в себе на грани таких моментов.

У меня было время просто подумать о наших жизненных путях, о том, как мы оба достигли этого кульминационного момента. С наступлением сумерек у меня осталось две вещи: чувство благодарности за то, что я был бойвером, что мне был дарована та жизненная сила, которая заставляет некоторых мужчин любить мальчиков, что я, наконец, встретил своего мальчика; и чувство спокойствия, полной и абсолютной уверенности, что соединение с Уишисом было положительным благом в обеих наших жизнях. Я был благословлен какими бы то ни было богами. Я знал, что Уишис тоже благословен.

Когда я наконец вышел из своей комнаты и направился в гостиную, чтобы подбросить дров в камин, Уишис все еще сидел тихо, закрыв за собой дверь. На улице уже стемнело. Безлунная ночь. Я оставил занавески перед большим венецианским окном открытыми, чтобы мы могли смотреть в черноту бесконечности и видеть звезды, сияющие над нами. Девственно-белый снег отражал даже звездный свет, а вокруг нас, вокруг ранчо и нашего Луга, было какое-то неземное сияние – я чуть не плакал от красоты всего этого. Мне казалось, что ангелы наблюдают за нами сегодня, и это сияние их прозрачных крыльев освещало наш мир.

На десятифутовом открытом пространстве между диваном и креслами, обрамлявшими большое окно, я положил толстую подушку из медвежьих шкур на большой коврик, покрывавший твердый деревянный пол.

На меха я положил наши самые мягкие одеяла.

Я в последний раз оглядел себя, разгладил складки на своем суконном форменном жилете и брюках. "Что надеть в первую брачную ночь?" - думал я весь день. Что бы он хотел, чтобы я надела? Наконец я остановился на своей лучшей одежде. Ботинки начищены до блеска в свете лампы. Мягкая белая шелковая рубашка с оборками.

Черный галстук и жилет. Уишис не возражал против моей щетины. Он часто хихикал, когда я царапал его внутреннюю сторону бедер своими усами.

Я подбросил дров в костер, чтобы побороть ледяной зимний холод.

Я подумал, что мы пробудем здесь долго, может, всю ночь!

Дом был построен прочно, но я не был таким хорошим плотником, чтобы холод не проникал туда и сюда.

Потом я стал ждать. С каждой минутой все больше нервничая. Я не видел своего мальчика несколько часов! Он решил, что не готов к этому? Время от времени я слышал шорох, доносившийся из его комнаты в конце коридора. Время от времени скрипели половицы.

Все остальное молчало.

Зимний шторм миновал с передним краем холодного фронта, оставив после себя кристально чистое небо, черное, как обсидиан, но усеянное крошечными бриллиантами, и морозный след Млечного Пути. Я стоял неподвижно перед венецианским окном, просто глядя на зимний пейзаж, по крайней мере полчаса, ожидая, удивляясь, надеясь, боясь, желая. Я выглянул наружу. Я видел снег, звезды, покрытые инеем ели, но не просите меня описать это сейчас, потому что все мое внимание было сосредоточено на Уишисе. Где же он?

Что он делает? О чем он думал?

Думал ли он обо мне?

В какой-то момент я закрыл глаза, пытаюсь представить его. Как он будет выглядеть, когда мы займемся любовью сегодня вечером. Как он будет выглядеть, когда я войду в него в первый раз.

Внезапно мне показалось, что я сплю. Была весна. Воздух был легким и благоухал горным жасмином. О! ... Я вспомнил, как перед тем, как покинуть долину, мы с Уишисом шли по лугу, держась за руки, к дальней стороне, в поисках жасмина, который, как мы знали, был там, потому что он так осветил наш мир своим великолепным ароматом.

Мы нашли его, каскадом стекающим вниз по скальному выступу, струящимся, как водопад с зелеными завитками. Уишис буквально купался в его запахе, катаясь по лианам.

Я смеялся, смеялся, прыгал на него и кружил. Мы оба наслаждались красотой природы и чудесной радостью быть вместе. В конце концов он сорвал несколько веточек, сказав, что будет хранить их вечно, чтобы они напоминали ему о нашей долине. Где мы встретились.

Я открыл глаза почти неохотно, не желая, чтобы сон ушел, но все еще на грани, ожидая, желая

Запах остался!

Он был здесь! В этой самой комнате!

Повернувшись на каблучках, я с удивлением затаила дыхание! Вот он! Мой мальчик!

О Боже, как он был прекрасен! Часы тишины, шепот и шорохи, доносившиеся из его комнаты, были объяснены в одно мгновение.

Он подкрался ко мне босиком! Только его сладкий аромат и запах сушеной жасминовой гирлянды, которую он носил как корону на своих золотых волосах, возвещали о его присутствии. Должно быть, ему потребовалось бесконечное терпение, чтобы сплести из сухих цветочных веточек изящный венок и возложить его на голову, как диадему.

Я заплакал, прямо там и тогда! У меня перехватило дыхание, и я бессвязно застонал. Из уголков моих глаз потекли слезы. Нельзя просто наблюдать божественную красоту и стоять безмолвно, неподвижно! Его волосы были расчесаны до шелковистого блеска, ниспадая мягкими локонами на плечи. Меня словно парализовало! Я попытался поднять руки, попытался произнести хоть слово, но не смог! Осмелюсь ли я прикоснуться к нему?? Осмелюсь ли я рассказать ему о его собственной красоте??

Я не мог сказать тогда, был ли он действительно Богом или мальчиком. Значит, это одно и то же? Конечно. Действительно!

Он снял одну из своих штор, отделил от нее прозрачную, мягкую белую подкладку и соорудил из нее тончайшую шаль, накинув ее на правое плечо, на спину, а затем на талию!

Сквозь прозрачные складки я все еще мог видеть его бледную плоть, крошечные розовые соски, мягкий изгиб живота, его изящный маленький пенис, выглядывающий из-под края ткани! Его восхитительно длинные, гладкие ноги были обнажены от бедер до шевелящихся мизинцев.

- Мужчины с незапамятных времен брали своих мальчиков, как ты сегодня возьмешь меня, Тег, - сказал он, как будто практиковался в этом. Как заклинание. - Сегодня днем я читал об этом в твоей книге. Классике. Поэтому я решил, что буду выглядеть соответственно.

Он поднял руки и протянул их ко мне.

- Разве я не похож на маленького греческого мальчика, готового принять своего мужчину? Я попытался сделать себя похожим на одну из картин маленького Александра, которые нашёл там.

У меня перехватило дыхание, когда я попытался заговорить. Я, наконец, смог сказать: "тыыыы ... видимо... должно быть, так Александр завоевал мир»

Мои глаза, должно быть, расширились от удивления. По крайней мере, я перестал плакать. Он был настоящим. Он был моим.

- Я удивил тебя, не так ли? Он рассмеялся и медленно повернулся, чтобы показать результаты своего труда. Его дерзкая маленькая попка приподняла юбку, и под ней виднелось дно трещины.!

-Конечно, Уишис, - пробормотал я, благоговейно качая головой. - Ты никогда не был прекраснее, и подумать только, что ты сделал это для меня ... эта ночь. ...

- Сегодня должно быть что-то особенное, да, Тег? Ты слишком одет. Хотя ты не похож ни на одного из мужчин в этой книге. Он подошел ближе. Командовать этим моментом. Его слова. Его осанка. Все раскрыли истину.

Он действительно был богом. Или молодой князь Александр. Или просто маленький греческий пастушок. Каким бы мальчиком он ни хотел быть! И я был здесь ради него. Я был его человеком.

Я потянулся к его рукам, но он опустил одну вниз, чтобы скользнуть пальцами вверх по твердому полюсу моей эрекции, мой член поднялся сам по себе, прямо вверх, чувствуя, как он вот-вот вырвется из ткани моих штанов. Смазка уже начала сочиться, и мои яйца были такими полными. Они почти болели.

Сегодня вечером Я изолью в него свое семя.

Он озорно улыбнулся мне, все еще массируя мой инструмент, своим невысказанным вопросом: «Ты готов?»

Я посмотрел вниз и увидел, что его собственный маленький пенис тоже поднялся, его головка высунулась и уперлась в прозрачную сетку тоги. Я шагнул к нему. Он поднял руки ко мне, когда я завел левую руку ему за спину, чуть ниже плеч, и обхватил правой рукой его маленькую попку, затем поднял его, притянул к себе, чувствуя, как ткань его юбки вминается в его мягких ягодицах. Его маленькие яйца и его член прижались к моему животу. Он заключил его руки вокруг моей шеи. И повис на мне, позволив держать его, свесив ноги, когда наши губы встретились.

Мы стояли, целуясь и обнимая друг друга, все мои 6 футов 2 дюйма в лучшем воскресном наряде, все его 4 фута 10 дюймов - маленький беспризорник, одетый в свое видение любимого мальчика. Мужчина и мальчик. По-настоящему женятся.

Мы поженились, но я обещал ему кольцо.

Я наклонился и опустил его, пока он не смог встать. Затем я опустился перед ним на колени. Я достал из жилетного кармана маленькое золотое колечко и протянул ему, положив на сложенные чашечкой пальцы.

- О! - воскликнул он, улыбаясь от восторга, его глаза расширились от удивления, он посмотрел сначала на кольцо, затем в мои глаза.

- Ты достал мне кольцо! - Он выглядел таким счастливым, полным детской радости от неожиданности.

- Да, милый. Это тоже очень особенное кольцо. Хочешь, я расскажу тебе историю, прежде чем надену его тебе на палец?

- О да, Тег! У него есть особая история? Где ты его взял?

- Видишь, это маленькое колечко.

Он кивнул головой.

- Оно маленькое, потому что это было мое кольцо, когда я был примерно твоего возраста.

- О? - он слегка склонил голову набок, как часто делал, когда задумывался о новом чуде в своей жизни, пристально глядя на кольцо. Локоны его волос свободно свисали, золотые локоны приходили в движение при малейшем повороте головы.

- Да, это было моё. Это кольцо любви, Уишис, - торжественно сказала я.

- Кольцо любви?

Я кивнул.

- .. Я .. я не знал этого тогда, когда впервые получил его, но потом... слишком поздно... Я понял это. - Я не мог не чувствовать боль старых воспоминаний. Уишис увидел это в моих внезапно полузакрытых глазах, услышал в моем приглушенном голосе. Он протянул обе руки и откинул мои волосы назад. Я чувствовал себя перед ним как проситель, получающий его исцеляющее прикосновение.

- Почему слишком поздно, Тег?- спросил он мягко, успокаивающе, поглаживая большими пальцами мой лоб.

- Аххх - Мне пришлось немного приподнять голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Он так беспокоился обо мне, что я видел, что он может разрыдаться, если я позволю воспоминаниям овладеть мной. Я не хотела этого! У меня была история, чтобы рассказать, но она должна была сделать наши свадебные клятвы еще более значимыми.

Я заставил себя слегка улыбнуться и был рад увидеть, как он мгновенно изменился в ответ. Он стал воплощением нежности, понимания и терпения.

- Что случилось с этим кольцом, Тег?- он подгонял меня.

- Ну. .. когда я был в твоём возрасте, Уишис, я несколько лет учился в частной школе-интернате. Это было чудесное время, со всеми моими друзьями и одним очень особенным старшим мальчиком. Он был... о, 18 лет, когда мне было 11, я думаю.

-Как его звали?- Спросил Уишис. Он опустил руки, одну положил мне на плечо, другую взял за свободную руку. Я все еще держал кольцо перед нами.

- Его звали Флетчер. Я звал его Флетч. Он взял меня под свое крыло, помогал мне с учебой, иногда позволял мне играть со старшими мальчиками. Он был просто великолепен со мной, Уишис! Он... казалось, он всегда был рядом. Мы провели так много времени вместе. И все же во Флетче всегда было что-то печальное. - Я покачал головой, снова почувствовав сожаление.

- Я не понимал почему, пока много позже не начал понимать, что я бойловер. Видишь ли, я думаю, Флетч любил меня, Уишис. Как я люблю тебя. Но он никогда не говорил мне. Он никогда не говорил мне, пока не стало слишком поздно. Это он подарил мне кольцо вечером накануне своего отъезда из школы. Он дал его мне и сказал, чтобы оно всегда напоминало мне о нашем времени вместе. И это то, что я всегда делаю, Уишис. Я смотрю на это кольцо и стараюсь вспоминать, не что могло бы быть, а что у нас было вместе. Вся близость, хорошие времена и невысказанная любовь. Я думаю, что Флетч тоже был бойлавером. Он отдал Себя мне без остатка.

- Именно это я и делаю, Уишис. Я люблю тебя безгранично. Я хочу отдаться тебе без остатка. Для меня это кольцо олицетворяет тотальную любовь. Надеюсь, и с тобой тоже.

- Хорошо, Тег.- Сказал Уишис.

- Так. С этим кольцом, дорогой, я женюсь на тебе, - произнес я тихим, почти шепотом. Я снял кольцо с ладони и взял его правой рукой, держа ее на вытянутой ладони. Я надел его на средний палец. Оно идеально подходило.

- Ты будешь моим?

- Да, - прошептал он в ответ с таким чувством! Потом поднес руку к губам и поцеловал Золотое кольцо.

- Ты и меня берешь, Тег?- спросил он.

- Да, дорогой Уишис.

Он позволил мне поднести руку к губам, где я тоже поцеловала кольцо.

Мы не разговаривали. В этом не было необходимости. Я просто приподнял его, снова обхватив его мягкие ягодицы правой рукой, держа левую руку ниже его плеч. Наши губы снова встретились, а затем мы разомкнули их, позволяя нашим языкам начать исследовать. Его вкус был таким сладким! Как и горячий воздух, ударивший мне в щеку из его ноздрей.

Я отнес его в самый центр нашей постели из мехов и одеял и осторожно опустил на колени, чтобы уложить. Только когда его голова коснулась одеяла, наши губы разошлись. Он лежал, освещенный с одной стороны желтым пламенем камина, с другой-мягким светом лампы в изголовье. Он быстро поднял руки, когда я отпустил его, как будто не хотел отпускать меня, затем опустил их на мягкую меховую подушку. Мягкие, густые меховые волоски позволили ему погрузиться внутрь, образовав вокруг тела нечто вроде каркаса. Нимб из сухого жасмина, который он надел на лоб, соскользнул и лег над головой.

Его тонкая белая повязка соскользнула по плечу и натянулась над лобком. Его маленький член ритмично бился, пульсируя в такт сердцу. Его яйца болтались в мешке, согретые огнем.

Темнота окутала нас сверху, в стропилах, снаружи, за окном и через дверь в коридор. Это были просто Уишис и Тег, одни во всем мире, наконец-то готовые завершить наш союз.

Я встал прямо над ним и начал раздеваться. Мы по-прежнему не разговаривали.

Сначала я снял ботинки, отбросил их в сторону, а потом расстегнул брюки. Я все время наблюдал за Уишисом, и когда мои штаны спустились, чтобы освободить мой член, его глаза были сосредоточены на могучем древке, которое раскачивалось и опускалось, покачиваясь между моих ног. Мои тяжелые яйца свободно болтались внизу, объявляя о моей готовности оплодотворить моего мальчика.

Я снял брюки и бросил их на диван. Потом подошёл к мальчику и сел на него верхом, чуть выше бедер.

Он свел ноги вместе, когда я переступил через него, уступая, позволяя мне приблизиться к нему, но еще не полностью подчиняясь мне. Неужели он сомневается сейчас, видя мою мужественность над собой? Боялся ли он его теперь? Страх, что это проникновение в его тело, страх, каково это будет, когда я засуну свой член внутрь, чтобы растянуть его анальное кольцо?

Если он боится, если сомневается, я позволю ему выбирать темп и время. Я не буду принуждать его!

Должно быть, Уишис почувствовал мои сомнения. Какими бы ни были его собственные страхи, он победил их. Внезапно он поднял ноги, положил руки на колени и раздвинул их, открывая еще раз путь к своему самому сокровенному сокровищу.

Я посмотрел ему в глаза, и он поманил меня, умоляя. Он предложил себя мне. И снова, как сегодня утром, он отстранился руками. Юбка задралась еще выше, обнажив ягодички и обнажив бедра и лобок до самого низа живота. Его плоть была такой же девственно-белой, как и прежде, но я видел только намек на добавленную красноту, проникающую в его маленький анус.

Я быстро развязал галстук, расстегнул жилет и рубашку и отбросил их в сторону. Я был совершенно голый. Я хотел им быть. Я хотел чувствовать тело Уишиса рядом с собой, когда трахал его, хотел, чтобы его плоть была моей.

Мы знали, что время пришло. Мой мальчик, должен быть трахнут. Я опустился на колени между его ног и посмотрел вниз, через все его тело, чтобы снова встретить его умоляющий взгляд. Я заметил его коралловое ожерелье и вдруг потянулся к своему. В конце концов, я никогда не смогу быть полностью обнаженной. Ожерелья тоже были символами нашего союза, связывая нас вместе, связывая нас навсегда. Каждый раз, когда я видел его кольцо или чувствовал, как мое обвивается вокруг моей шеи, я чувствовал, что мы принадлежим друг другу.

- Мы сделаем это сейчас, милый. Самый дорогой?- Тихо спросил я.

Он слабо улыбнулся. Я вдруг заметил, что его пенис начал размягчаться. И его мошонка теперь была туго натянута, вдавливая маленькие шарики в его тело, оставляя только гофрированную поверхность его мошонки для моего взгляда. Он действительно боялся.

- Мы не будем торопиться, Уишис. Поверь мне, хорошо?- Сказал я, умоляя его. - Я так сильно хочу быть в тебе, дорогой, но я не буду торопиться.

- Я .. Я .. Я хочу тебя... во мне тоже, Тег, - кротко пробормотал он. Его голос был более высоким, чем обычно, и слабым от страха, но, как всегда, он пытался думать обо мне первым! Стараясь, чтобы мне было хорошо.

Жаль, что нет инструкций, как трахнуть маленького мальчика. Роландо, конечно, научил меня кое-чему, но теперь, в момент истины, я понял, что забыл смазочный крем, которым он всегда пользовался!

Это было необходимо? Этим утром Уишис стал таким скользким, почти небрежно скользким от моей слюны и его телесных соков. Я подавил охватившую меня панику и решил потратить время, чтобы снова намочить его.

- Сначала. .. во-первых, я ... Я собираюсь использовать свои пальцы, Уишис, - заверил я его, - а потом ... когда скажешь, я засуну в тебя свой член. Хорошо, милый?

Он кивнул.

- Да...Тег, - сказал он, все еще кротко, но все же желая подчиниться мне. Его пальцы мяли нижнюю часть коленей, нервно барабанила, копая и потягиваясь. Его зад беспорядочно двигался вверх и вниз. Он смотрел мне на руки, а не в глаза. Он следил за каждым моим движением. Мне нужно было успокоить его, расслабить.

- Я люблю тебя, Уишис.- Сказала, положив ладони на его поднятые бедра, чтобы начать ласкать его.

Он задохнулся от страха.

- Я. .. Я люблю....- Он начал дышать короткими-короткими вздохами.

- Тсссс. Шшшш, милый- Прошептал я, медленно и нежно поглаживая его бедра. Даже близко не подходя к его дыре или гениталиям. - Ты не должен ничего говорить, милый. Просто ложись. Я не буду торопиться. Мы сделаем это, только когда ты будешь готов, дорогой.

Я проследил за его встревоженным взглядом. Он смотрел на мой набухший пенис, который так гордо выгибался между ног. Он натянула крайнюю плоть, отталкивая ее назад, вниз по головке, почти обнажая яростную, пурпурную, сырую мощь. Этого было достаточно для страха Уишис! В то время когда я говорил с ним так тихо, успокаивая его, мой член противоречил мне, напрягался, как бы ища немедленного входа в моего мальчика!

Все еще поглаживая его левой рукой, я схватил свой член и полностью оттянул крайнюю плоть. Я перевел взгляд на Уишиса. Он все еще смотрел на нее. Я не мог отрицать! Так что мне пришлось снова его успокаивать.

- Я такой напряжённый с тобой, Уишис, - тихо сказал я. - Посмотри на мою смазку. Я размажу её вокруг моего члена, чтобы сделать его гладким для тебя. Он войдет в тебя легко, плавно. Так и должно быть, дорогой. Помни, только когда скажешь, что готов."

- О. .. ладно. .. Тег, - ответил он, наконец, снова глядя мне в глаза. Я улыбнулся ему, вопросительно подняв брови.

- Доверяешь мне?- Сказал я.

- Да.

И он не шутил. Он на мгновение закрыл глаза, откинул голову на одеяло и снова открыл их.

- Я в порядке, Тег. Пожалуйста, займись со мной любовью. Я хочу, чтобы ты был внутри меня. Я хочу, чтобы мы были едины, как мы и говорили.

- Обязательно, милый. Мы станем одним целым. А теперь расслабься еще больше, ради меня. Вот и все.

Я увидел, как его брови разгладились еще больше, плечи расслабились и опустились. Он старался дышать медленнее.

- Хороший. Вот так, Уишис. Вот, тебе даже не нужно так держать ноги. Просто отдохнуть. Просто позволь мне делать всю работу, дорогой.

- Хорошо, Тег, - сказал он, отпуская свои ноги и позволяя мне опустить их на одеяла. Какое-то мгновение он не знал, что делать с руками, и беспокойно заерзал, убирая с глаз прядь волос, теребя пояс своего греческого мальчишеского платья, шлепаясь на одеяло, а затем снова поднимаясь в воздух.

Я понимающе улыбнулась и наклонился вперед, чтобы взять его маленькие ручки в свои. Я целовал каждого по очереди, удивляясь, как всегда, их нежности, каким коротким и мягким были его пальцы, какой гладкой была кожа на тыльной стороне его рук. И теперь, как прекрасно выглядело золотое кольцо на фоне чистой белизны его плоти.

Ему нравились мои нежные поцелуи. Я почувствовал, как его руки расслабились. Он тоже улыбнулся, откинув голову на одеяло и глядя на меня из-под длинных золотистых ресниц.

- Боже мой, ты прекрасен!- Воскликнул я, хотя и тихо, когда осторожно положил его руки на одеяла по бокам, а затем позволил своим собственным рукам начать блуждать и исследовать обнаженную плоть его левого плеча, длину его шеи, ожерелье, мягкую кружевную ткань его платья.

-Я хочу, чтобы ты кончил первым, Уишис! Будет... трахать тебя ... будет легче, я думаю, если ты кончишь первым.

- Да, Тег. Пожалуйста.

Левой рукой я начал легонько трогать его мошонку. Я провел кончиками пальцев по сморщенной, туго натянутой поверхности, пытаюсь заставить ее расслабиться и немного отпустить его яйца. Он хихикнул! Поэтому я надавил чуть сильнее, не желая щекотать его, и начал выдергивать мошонку между кончиками большого и указательного пальцев.

Я просунул два пальца правой руки под вялую, почти безвольную длину его маленького члена и поднял его. Он был не больше дюйма длиной и тоньше моего мизинца. Крайняя плоть на кончике свисала с указательного пальца. Большим пальцем я надавил на чувствительную область у основания его головки, где крайняя плоть соединялась с уздечкой. Уишису нравилось, когда я массировал его там, и, как всегда, он снова начал возбуждаться. Иногда по ночам я укладывал его спать рядом со мной на нашей кровати, просто нежно лаская его пенис, делая его твердым, но позволяя ему наслаждаться сладкими ощущениями, не доводя его до оргазма. Как я любил смотреть, как он засыпает, как уголки его губ приподнимаются от удовольствия.

Он лег на спину, и я увидел, как его веки затрепетали, закрылись, потом снова открылись. Теперь его взгляд был обращен внутрь. Он отдавался наслаждению моих ласк, терялся в моих прикосновениях.

По мере того, как его член удлинялся и затвердевал, я начал поднимать его, сначала слегка, затем постепенно удлиняя удар, вверх и вниз, все дальше и дальше, пока крайняя плоть не начала растягиваться на его теперь опухшей головке. Левой рукой я начал чередовать массаж его мошонки с широкими, случайными ласками вниз по бедрам, по животу и бокам, иногда позволяя кончикам пальцев касаться затвердевших сосков. Всегда возвращаясь к его яйцам. Они начали расслабляться, когда Уишис почувствовал тепло от огня и внутреннее тепло своего тела, отвечающего на мою любовь.

Мы редко разговаривали во время занятий любовью. Иногда я шептал ему о своей любви, но Уишис просто полностью погружался в ощущения, почти теряя сознательный контроль. Я всегда трепетал от того, что мог заставить его почувствовать, и как сейчас, когда он начал двигаться, иногда беспорядочно, иногда ритмично реагируя на мои прикосновения, это было все, что мне было нужно.

Я продолжил поглаживание долго и медленно, слегка покачивая его член, не желая, чтобы его оргазм не был катастрофическим, как заключительный акт нашей ночи вместе, а скорее только начало. Когда я дробил ему вот так, он всегда был готов к большему, то ли желая сделать меня по очереди, то ли желая упасть в мои объятия и прижаться своим все еще твердым членом ко мне до следующего оргазма. А иногда он немедленно вставал и подносил свой член прямо к моим губам, ища вход в мой теплый рот. Я всегда подчинялся, брал его к себе и тащил вниз. Он кончал тем, что трахал меня в рот, или я вскоре переворачивал его и отсасывал.

Сегодня все будет по-другому. Медленно поднимая его, я начал опускать большой палец левой руки все ниже и ниже вдоль промежности, пока он не проник в маленькую складочку. Он

немедленно ответил, еще шире раздвинув ноги, и снова, казалось, неосознанно, поднял их и прижал к груди руками.

Теперь его глаза были закрыты, и он начал тихонько скулить и мяукать, так что я не был уверен, осознает ли он, что снова открывается мне. Или он действовал инстинктивно? Делал ли он то, что делали маленькие мальчики на протяжении веков, и предлагал себя своему мужчине?

Я продолжал давить на него, слегка сильнее и сильнее, иногда сжимая подушечкой большого пальца, когда я касался нижней стороны его головки. С каждым ударом вниз я натягивал крайнюю плоть до самого низа и заставлял его головку вытягиваться над твердым стволом члена. Медленно, медленно я потянул вверх, затем вниз, всю длину его эрекции в два с половиной дюйма. Его яйца были теперь свободны, и с каждым движением вверх, его мешок высоко поднимал их. Сквозь почти прозрачную белизну мошонки я видел, как их наливается кровь голубоватого цвета. При каждом движении вниз два маленьких шара свободно болтались и шлепались обратно на его туго натянутый зад.

Вставая на дыбы, я начал щекотать его анальное отверстие большим пальцем левой руки. Затем я поднимал руку и широко ласкал чувствительную нижнюю часть его бедер, где они растягивались по туловищу. Я не думаю, что он знал, где ощущения были лучше всего, потому что он катался по моим рукам, казалось, следуя за ними, сначала толкая вверх мой большой палец, затем перемещаясь вправо или влево, когда моя блуждающая рука ласкала его.

Я быстро поднес большой палец к носу и вдохнул, желая снова опьянеть от запаха, исходящего из его самого укромного места. Оно было пьянящим, но таким сладким! Я лизнул его, пробуя на вкус спелость, привкус! Я уронил на него слюну и снова поднес к отверстию. Я смахнул с него влагу, затем начал мазать ее кончиком указательного пальца вокруг его морщинки.

Я снова поднес левую руку ко рту, и на этот раз еще больше слюны попало на три средних пальца. Я смешал это с моей сочащейся слизью, распространяя ее по всей моей обнаженной головке, затем переместил бедра вперед и опустил головку моего члена к его отверстию, плотно прижимая его вниз.

Он чувствовал это! Он тут же открыл глаза, явно встревоженный. Огромный ствол моего пениса должен был сильно отличаться от моего пальца или большого пальца.

-Я пока не собираюсь его вталкивать, - поспешил я успокоить его снова. -Я просто хочу, чтобы ты это почувствовал. И я очень хочу почувствовать тебя!

- О! Хорошо, Тег ... Я доверяю тебе, - сказал он, пытаюсь говорить сквозь нарастающие волны приближающегося оргазма.

-Хорошо."

- Я .. чувствую себя настолько. .. хорошо, когда ты ... делаешь!- воскликнул он, опустив голову и закрыв глаза.

Мне тоже было хорошо! Ощущение горячей плоти его ягодиц, складывающейся на моем члене, когда я вдавливаю его в его щель и толкаюсь в его анус, посылало волны удовольствия и на мой пенис! Я оттолкнулся от вершины своего члена, заставляя свою мягкую, податливую головку погружаться в воронку его прямой кишки, размазывая слюну и смазку вокруг. В такт моим пальцам на его маленьком члене, я медленно начал скользить своим членом по желобку между его половинками.

Я знал, что я не мог идти в ногу, чтобы я не кончил прямо тогда и там. К счастью, Уишис приближался к оргазму задолго до меня. Однако я отказался ускоряться, наслаждаясь тем, как он пытается взять под контроль свое тело, поднимая таз с мехов, пытаюсь заставить меня гладить сильнее и быстрее.

Уишис сигнализировал о своей кульминации множеством способов. Иногда он краснел, и румянец прикасался к его щекам, как будто он вышел на холодный зимний воздух. Его руки и ноги тоже

- Сладкая пытка, - усмехнулся я. - Ты течёшь еще больше, Уишис. Ты готов к большему? Еще до того, как он ответил, я просунул первый сустав указательного пальца в его дырочку и легонько толкнул. Он легко скользнул в прямую кишку, почти не сопротивляясь. Он почувствовал это, даже в послесвечении оргазма, и тут же снова начал поднимать ноги.

-О, Тег, это ты ... собираешься сделать это ... сейчас?

- Пока нет, милый. Мы не будем торопиться.

-Как хорошо там, внизу, - тихо сказал он. В его голосе слышалась усталость, смешанная с мальчишеским желанием начать все сначала. Его член все еще был тверд как камень. Он никогда не терял эрекции между оргазмами.

Я обменялся с ним рукопожатиями, позволив правой вонзиться ему между ног и раздвинуть половинки. Мокрой скользкой левой рукой я снова нежно обхватил его член. Он все еще был влажной от моей слюны и спермы, поэтому я очень нежно потянул его крайнюю плоть назад и с прикосновением, похожим на перо, начала размазывать жидкость вокруг его влажной, воспаленной головки. Она была почти огненно-красной, как пламя в очаге. Все еще слегка касаясь кончиком пальца щели на кончике его члена, я начал очень, очень нежно гладить его снова.

Острый, пронизывающий запах от попы Уишиса поднимался в воздух. Мне понравилось! Я не мог насытиться! Я глубоко вздохнул, упиваясь мыслью, что дышу совсем не так, как его тело.

Когда он убрал ноги и снова сцепил руки за коленями, я снова увидел его зад. Моя рука переместилась, когда он поднялся, но я держала кончик пальца в нем. Теперь я начал медленно вращать его внутри скользкого кольца его анальной мышцы, прощупывая и отталкиваясь от кольца, пытаюсь расширить его, ослабить. Я поднес средний палец к его отверстию и на мгновение задержал его там, затем начал толкать.

Он слегка задохнулся, но не выказал никаких признаков дискомфорта.

- Теперь два пальца, милый. Я попытаюсь тебя немного расслабить, хорошо?

- Хорошо, Тег, - выдохнул он. Я быстро подняла глаза, почти не в силах оторвать взгляд от своей добычи. Он снова отдыхал, его веки трепетали, почти сомкнулись, позволяя ощущениям течь через него, из пениса, а теперь и из заднего прохода.

Мои два пальца вместе, были больше, чем мой большой палец. Но у него был ручка щетки, и она была такой же большой, так что я знал, что это не будет проблемой. Я просто хотел сделать это постепенно. Его анус удлинился, лишь слегка сопротивляясь моему толчку, и первый сустав моего среднего пальца оказался рядом с ним, рядом с указательным. Я ненадолго задержала его там, затем вытянула палец до конца, толкая, растягивая его мышцы, чувствуя теперь сопротивление.

- Оооооххх!- он выдохнул.

- Все в порядке?- Спросил я, почти в панике, готовый отступить.

- Да!- сказал он громче, настойчивее, нетерпеливее. - Это здорово, Тег. Можешь найти мое место?

- Твое место ... о. .. да, там, где я трогал утром? Изнутри тебя?

- Угу! Мне так хорошо, когда ты меня гладишь, Тег. Почти как драть, но внутри меня, понимаешь? Ну вот!

-Я понял, да?

Да, определенно... ПОЛУЧИЛ ЕГО!

- Я снова это сделаю! - Я усмехнулся, наслаждаясь этим. Я медленно вводя и выводя оба пальца, пытаюсь убедиться, что они соприкасаются с его простатой.

- Это ... то что ты собираешься делать ... с твоим ... диком, Тег? - Каждый раз, когда я касался его железы, он вздрагивал всем телом.

- Да, милый. Черт побери. Я собираюсь вставлять и вынимать свой член, вот так.

- Сделай это сейчас, Тег! - он умолял. -Я хочу почувствовать твой пи-пи во мне. Пожалуйста, сейчас же.

- Тебе нужно немного расслабиться, дорогой. Я попробую три пальца, хорошо?

- О'кей, - немедленно ответил он, и я почувствовал в его голосе возобновившуюся тревогу. Он действительно хотел, чтобы я был в нем, но в то же время, он все еще не был уверен, зная, что мои три пальца будут больше, чем когда-либо были там.

Я опустил свой рот к его яйцам, все еще нежно поглаживая его член легкими прикосновениями. Я облизал их, затем буквально сгребл и собрал языком и засосал в рот. В то же мгновение я вытащил пальцы из его ануса, выровнял средний палец с двумя другими и, не теряя ни капли ритма, который начал, надавил всеми тремя на его сфинктер, расширяя его, заставляя его, останавливая его закрытие.

Он напрягся подо мной. Я почувствовал, как его бедра и ягодицы напряглись под моими руками, но он не ослабил хватку на ногах. Я с силой втянул его яйца в себя и одновременно погрузила кончики трех пальцев мимо его напряженной защиты.

Охххххх! - взвыл. Высокий, сладкий визг, не испуганный, но согласный.

Он сознательно попытался расслабиться, но я почувствовал, как его бедра и ягодицы рефлекторно напряглись и расслабились вместе со сфинктером. Он мог сознательно контролировать свой сфинктер, но это также одна из автоматических мышц тела. Он не мог остановить его попеременное расширение, а затем он крепко сжимает, пытаясь изгнать мои пальцы.

- Я .. чувствовать... как будто произойдет ... несчастный случай, Тег!- Я слышал панику в его голосе. Внезапно он смутился. Однажды, когда мы только приехали на ранчо, он снова заболел. Наверное, что-то в воде. Однажды он непроизвольно наложил в штаны, и ему стало так плохо. И вот теперь я погружаюсь в его задницу.

Я быстро выпустил его яйца изо рта и приподнялся.

- Все в порядке, милый! Ты не попадешь в аварию. Мы позаботились об этом, помнишь? Сегодня утром? Это ты потребовал, чтобы мы сначала расчистили путь к уборной!

- Да, - согласился он.

- Это совсем другое, Уишис. Ты чувствуешь себя хорошо? Просто расслабься. Впусти меня, милый.

Он снова вцепился в одеяло обеими руками и стиснул зубы. Я видел, как его дыхание вырывалось из легких, когда он сознательно пытался следовать моим указаниям. Он разжал кулаки и положил ладони на одеяла.

- О. .. хорошо, Тег, я так и сделаю ... попытаюсь.

- Больше. Вот и все. Я просто буду держать свои пальцы внутри тебя. Скажи мне, когда я смогу начать снова.

- Ладно, но помни, я тебя предупреждал! - он слабо улыбнулся мне.

- Я запомню.

-Не сердись, если ... Я не могу это контролировать.

-Я бы никогда на тебя так не рассердился, Уишис. Помни, это то, что мужчины и мальчики делали всегда. Так мы занимаемся любовью, дорогой. Я люблю тебя всем сердцем. Я хочу этого больше

на меня со смесью тоски и какого-то блаженного благословения, исполняя мое желание, признавая мою цель в своей жизни и признавая свою собственную нужду.

Он был прекрасен вне всякого сравнения, даже с самим собой! Его маленькое тельце, его тонкие ножки, сведенные вместе под моей массивной фигурой.

Его изящные пальцы крепко сжимали колени. Его длинные, тонкие руки, такие прямые и нежные, без мускулов, плечи округлые, ключицы такие тонкие. Его безупречная бледная кожа, губы красные и полные, глаза сверкают зеленым и золотым, золотистые пряди волос разметались по одеялу. Его белоснежное одеяние, мягкое и с оборками, приподнялось, чтобы я мог принять его как свое. Ожерелье из кораллов и слоновой кости, украшенное бисером, объявляло его моим.

Мы были готовы.

Я вытащил свои скользкие пальцы из его широко растянутой дырки, быстро вытер их смазочные соки. О мой член и распространил свою собственную смазку вокруг него. Я оттянул крайнюю плоть, полностью обнажив свою пылающую красноватую головку, и одним движением продвинулся вперед между его ног, и положил свою головку на его медленно сужающуюся прямую кишку.

- Я люблю тебя, Уишис.- Торжественно произнес я, входя и опускаясь, используя пальцы сверху, чтобы вонзить в него свой член, в то время как я двигался вперед бедрами.

- Я .. люблю тебя... Тег!- он задохнулся, отвечая, даже когда моя головка проникла сквозь его кольцо. Я с силой толкнул его, чувствуя сопротивление ануса. Он был ослаблен, расслаблен, но, естественно, снова сжимался.

- Мой. .. Боже!- он закричал в тот самый момент, когда гребень моей головки прошел в его прямую кишку, останавливаясь на всем пути. Я тоже закричал, что-то животное и бессвязное. Я знал, что если обнажу свою головку, проникновение будет почти болезненным для меня. Почти! Это была мучительная перегрузка ощущений, и когда его прямая мышца сомкнулась позади моей головки, на моем уздечке, я не мог не закричать.

Уишис невольно отпустил свои ноги и впился пальцами в мои руки, крепко сжимая меня. Я наклонился к нему, с проникновением. Я приподнялся на вытянутых руках по обе стороны от него. Его ноги упали мне на руки и частично соскользнули вниз.

Он задышался, его диафрагма внезапно напряглась вместе с остальным телом, отвечая на проникновение.

Я тоже задышался, с каждым произвольным сжатием его мускулов вокруг моего члена.

Ни один из нас не мог ни пошевелиться, ни подумать. Сначала он успокоился. Мне потребовалась вся моя сила воли, чтобы удержаться и не выдернуть пенис. Каждое пожатие посылало шок восхитительно мучительного удовольствия через меня.

-Так и есть ... во мне! - сказал он.

- Ты. .. да, милый ... Ты можешь... постарайся расслабиться ... немного, - с трудом выдавил я.

Мне почти хотелось смеяться или плакать, не знаю. Я пронзил его, вторглась в него, но теперь его маленькое тело контролировало меня.

- Хорошо ... попробуй, Тег, - захныкал он.

Он так и сделал. Я чувствовал каждое его усилие, когда он сознательно пытался расслабить сфинктер. Инстинкт лишь неохотно подчинялся его желанию, сжимаясь снова и снова, но с каждым разом все меньше.

Я посмотрел на него. Моя голова склонилась над его головой, мои волосы свисали вокруг меня. Он посмотрел мне в глаза, его маленькие глазки блуждали, пытаюсь прочесть мои мысли. Никто из нас не улыбнулся, но мы оба чувствовали любовь и нужду друг в друге. Я мог смотреть вниз между

нами и видеть, как мой член поднимается из его задницы. Он тоже напрягся, проследив за моим взглядом.

- Ты в порядке, милый?"

- Да, - сказал он. - Так и есть ... привыкаю к этому. Он чувствует ... хорошо, Тег. И такой большой!"

Он отпустил мою руку и опустил ее, чтобы пошаоить между нами. Внезапно я почувствовал его пальцы на своем твердом, как камень, древке. Затем он скользнул пальцами по плоти нашего соединения, чувствуя, как его анус так плотно обхватил меня.

- О боже, Тег, мне так кажется ... невероятно!

Я опустил лицо, поджав губы. Ему пришлось немного приподнять голову, так как мой торс был намного длиннее его, но он встретил мои губы своими, и мы легко поцеловались.

- Ты можешь взять еще немного, милый?"

- Да, Тег. Я хочу тебя в себе больше.

Я посмотрел вниз между нами, и начал толкать. Он вел меня! Я почувствовал, как его пальцы обхватили мой член и начали втягивать меня в себя. Выпуклость моего члена, как раз под моей головкой, растягивала его пошире. Он взял ее широко раскрытыми глазами, глядя в мои. Никто из нас не дышал. Мы оба были полностью, слепо сосредоточены на скольжении моей плоти в его плоти, еще на дюйм в него. Потом мы оба отдохнули.

Помимо тесноты его анального кольца, я почувствовал мягкую влагу и тепло, окутавшее мою головку.

"Он чувствует себя так хорошо, Уишис! Я никогда не мечтал, что это может быть так хорошо, и я мечтал об этом моменте всю свою жизнь!"

- Это похоже ... ничего, о чем я мечтал, Тег! Я играл сам с собой, вот так, но твой член такой горячий внутри меня! Я. .. Я чувствую, как он бьется там, как твое сердце!"

Я снова опустился к нему, и мы снова поцеловались. На этот раз он приоткрыл губы, втягивая мой язык в рот. Я тоже там был!

- Ты можешь взять еще?- Спросил я, когда мы расстались.

Он снова удивил меня, поднеся правую руку к губам, облизал подушечки пальцев и сплюнул в них. Затем он протянул руку вниз между нами и начал смазывать наше соединение, затем вверх и вниз по моему члену.

- Я готов, Тег. Ты можешь... трахни меня... сейчас!

Мое сердце сжалось от его слов, и я вскрикнул от страсти, любви и благодарности. Он ошеломил меня во всех отношениях!

- Да, дорогой. Я... трахнуть тебя... теперь, - попытался я ответить, одновременно напрягая все силы, чтобы войти в него еще глубже и дышать, преодолевая комок в горле.

Как глубоко я могу зайти? Я понятия не имел. Он понятия не имел. Достаточно глубоко, чтобы убедиться, что я могу коснуться его простаты, но не настолько глубоко, чтобы причинить ему боль внутри. Роландо вставлял шесть или семь дюймов фаллоимитатора. Джой принял в себя большую часть Тонио. Я медленно продвинулся еще на дюйм и почувствовал, как он напрягся, в то же время я почувствовал, как мой член прижимается к какой-то мягкой, но сопротивляющейся части внутри него. Поэтому я начал медленно выскользывать. Его внутренние соки, его слюна, моя смазка, все вместе, делало скольжение гладким. Я чувствовал каждый кусочек скольжения. Его зад, казалось, не желал выпускать меня, дергая и дергая мой член, буквально хватая меня за головку, растягивая

ее так же, как я растягивала его анус. Я продолжал великолепное скольжение до тех пор, пока гребень моей головки снова не стал единственным, что удерживало меня внутри него.

Должно быть, Уишис думал, что я собираюсь уйти.

- Нет! он вскрикнул тихо, но твердо, быстро поднял обе руки и попытался схватить меня за ягодички, втянуть обратно.

- Не волнуйся, дорогой, - сказал я. - Я не собираюсь тянуть до конца. Просто почувствуй мой член внутри себя, милый. Почувствуй, как он скользит внутрь.

- Я. .. оооооооооооооо, - начал было отвечать он, но я тут же толкнул в его, и он, казалось, одновременно вздохнул с облегчением и застонал от ощущения.

- Тебе нравится, Уишис?"

- Ты наполняешь ... меня, Тег! Я чувствую ... замечательно. Продолжай... входи...."

Мой член снова плавно скользнул в его жар. Скользкие стенки его тоннеля уступили мне, но скользнули вдоль моего ствола и головки плотно. Я не мог сказать, ударил я его по простате или нет, но мое проникновение было встречено еще одним стоном, физической реакцией, не болью или страхом, а автоматической реакцией на ощущения, которые он чувствовал.

Я немного приподнялся и снова посмотрел вниз между нами, и увидел, что я вошёл полностью на 3 дюйма моего члена внутрь Уишиса. Корень моего инструмента торчал из его задницы так же прямо и жестко, как фаллоимитатор, которым я трахнула Роландо.

Когда я застыла балансируя внутри него, он начал двигать задницей в легчайшем из маленьких круговых движений, проверяя мою жесткость внутри него, сильнее прижимаясь сначала к одной стороне, затем к другой анального кольца, слегка подталкивая вверх, а затем вниз. Он стонал тихо, непрерывно, почти вибрирующим, глубоким гортанным гулом. Я посмотрел ему в лицо и увидел, что он все еще лежит, откинув голову и закрыв глаза. Он был полностью сосредоточен на своих чувствах.

Внезапно на меня накатило. Просто самое необыкновенное и возвышенное чувство радости, что мы с Уишисом были так тесно связаны. Я был встроен в него. Он был пронзен мной. Он мог грубо вытолкнуть меня. Я мог бы обмякнуть и ослабеть, как тогда с Роландо. Но мы оба хотели этого момента.

- Смотри, Уиши, - тихо произнесл я, еще немного выгибая спину. Я улыбнулся, когда он снова открыл глаза, выглядя почти ошеломленным, словно выходя из транса, вызванного ощущениями, которые он испытывал. - Смотри, милый, мы соединены, как одно тело!

Я кивнул ему, чтобы он посмотрел на наши тела.

- Посмотри на мой пенис, Уишис, торчащий из твоей задницы.

- Так и есть ... Одно, Тег, - мечтательно ответил он.

- Да, дорогой, это так.

Уишис тихо вздохнул, закрыл глаза и снова положил голову на одеяло. Казалось, он расслабился. Повсюду. Казалось, он вдруг просто поддался новым и чудесным ощущениям, которые испытывал. Его руки шлепнулись вниз на одеяло, по его сторонам. Я почувствовал, как его ноги всей тяжестью легли на мои руки. Только вокруг моего шеста я почувствовал его сознательное усилие, когда он продолжал двигать тазом, проверяя физическую связь между нашими телами.

Внезапно он обнаружил, что может контролировать свой анус. Он сжал его вокруг моего члена.

- Аауууууе! - Крикнул я, все мое тело напряглось от напряжения. Он был так силен там, внизу! Он почувствовал мою реакцию, расслабился и снова сжался. Когда я снова отреагировал, снова напрягался и напрягался, я услышал его тихий смех. На его губах играла самая милый, самая самодовольная улыбка, но он даже не открыл глаз.

- Я просто не могу сказать тебе, Тег ... как хорошо это чувствовать ... - его голос почти слетел с губ, мягкое эхо трансового состояния, в котором он находился.

-Для меня это тоже рай, Уишис. Когда ты так сжимаешь меня, кажется, что ты обнимаешь меня, но в сто раз лучше."

- Трахни меня, Тег, - снова взмолился он. - Просто. .. трахни меня."

- Да, Уишис."

В ответ на его команду я снова тронулся с места. Это восхитительное скольжение, непрерывное, скользкое, но плотное трение о мою головку - я знал, что так долго не протяну. Скоро я кончу в своего мальчика.

Достал гребень моей головки, слыша его хныканье, чувствуя его хныканье. Затем снова вошел, под аккомпанемент сладкого стога.

Мы начали наш ритм. Каждый толчок он встречал легким движением таза. Он начал произвольно дергаться в конце каждого толчка.

Может быть, в тот момент, когда мой член сильнее всего ударит по простате?

Возможно, в тот момент, когда он почувствовал себя пронзенным насквозь, до боли. Но никогда не чувствовал этой боли. О, в моих желаниях не было боли!

Каждое внешнее движение заканчивалось его прерывистым, почти паническим вздохом. В этот момент я тоже напрягался, чувствуя, как напряглось его анальное кольцо на моем уздечке. Возможно, мы оба боялись, что мой пенис внезапно выскочит из его задницы. Это было похоже на повторяющиеся шаги к краю пропасти. Переступить черту означало бы положить конец этому мгновению невероятной радости. Мы проверяли пределы с каждым движением нашего траха.

На самую глубокую глубину, какую он мог мне позволить. Навстречу угрозе разлуки. К его стогам самого сильного наслаждения, к его жалобной мольбе остаться в нем.

Я врывался, чувствуя себя таким сильным. Забираю своего мальчика. Делая его своим. Я вырывался, затем на долю секунды замирал, прежде чем толкнуть его обратно, чтобы снова вернуть его! Мои яйца шлепнулись вниз, просто задев его зад, отяжелевшие от спермы, которую я скоро вкачу глубоко в него.

По мере того как мы обретали ритм, синхронизацию друг с другом, наш маленький личный мир, внутри этих четырех стен, внутри нашего одинокого луга, внутри нашего защищающего леса, наполнялся звуками нашего слияния. Мы отдались ему с полной отдачей. Уишис отвечал на каждый выпад все громче. Я продвинулся немного глубже, неумолимо погружая все больше и больше своего мужского естества в его тело. С каждым ударом я почти хрюкал.

Не стон. Больше похоже на грубое заявление о том, что мой мальчик принадлежит мне. Он отвечал своим милым, мальчишеским голосом, отдавая себя. Позволяя мне забрать его. Все в ритме хлюпающего звука моего члена, входящего и выходящего из него.

Его маленькое тело сотрясалось от каждого толчка. Мой член был как поршень, вталкивающий все его тело в меха и поднимающий его с каждым ударом.

О боже, я чувствовал, как напрягаюсь, чтобы кончить. Я знал, что долго не протяну, но не хотел, чтобы это когда-нибудь закончилось. Я хотел, чтобы Уишис продолжал испытывать эти новые удовольствия, эти новые ощущения. Я хотел, чтобы он кончил со мной! Сможет ли он?

Я снова посмотрел вниз между нашими телами, думая, что я должен начать поднимать его, но не был уверен, что смогу это сделать. Его маленький пенис обмяк! При каждом нашем ударе он дико шлепал его по животу. И все же он явно испытывал сильнейшие муки сексуальной страсти! Мой постоянный массаж его простаты, нескончаемые толчки нервных окончаний в прямой кишке, мой инструмент, расширяющийся и наполняющий его-все это, казалось, было его вниманием.

Я не мог больше сдерживаться. В этот момент я почувствовал, как мой член внезапно набухает, а яйца сжимаются. Я выстрелил в него, и погрузился глубже, одновременно. Я почувствовал, как первая струя моей спермы вырвалась из уретры и хлынула в него. Я кричал, торжествуя, провозглашая завершение нашего Союза!

Он напрягся и закричал что-то невнятное. Его руки взметнулись вверх, как стрелы, и схватили меня за спину. Его ноги напряглись и сжались в моих руках. Он вскрикнул и буквально приподнялся с кровати, всем телом прижавшись ко мне. В слепой, животный момент оргазма я резко, неконтролируемо толкнул. Он качался подо мной, в воздухе, раскачиваясь, как маятник под моим телом.

- Оххххх Тэг! - он закричал, его голос пронзил ночной воздух. Я почувствовал, как его анус сдавил меня, даже когда его тело начало содрогаться в конвульсиях. Казалось, он держался за мой пенис и спину, как за единственные оставшиеся у него связи с физическим миром.

Я трахал итрахал его, мой пенис качал мое семя глубоко в его маленькую попку.

- Это так ... горячо... Тег! - он вскрикнул от изумления. - Могу ... почувствуй твою сперму! Внутри меня! Ты трахнул меня, Тег! Ты трахнул меня!

Он продолжал держаться на кровати, прижимаясь ко мне, покачиваясь вместе с моим телом. В конце концов я перестал толкаться, чувствуя невероятное, почти болезненное ощущение в головке – как будто если я сдвинусь еще на долю дюйма, она взорвется. Мне так хотелось обнять его. Я попытался приподняться на одной руке, а другой обхватить его за спину, но преуспел только в том, что перевернулся на бок на меха, увлекая его за собой.

Я перевернулся на спину, меняя наше положение, и обнял его крепко. Мой член немного выскользнул из его зада, и я почувствовал относительный холод воздуха вдоль моего влажного члена, ниже того места, где мы все еще были соединены.

Уишис уткнулся носом в мои волосы на груди, целуя меня снова и снова.

- Так оно и было ... столь удивительно. .. Теглин.

- Так оно и было ... нет слов. .. милый, - выдохнул я. Наши тела были так горячи. Я почувствовал, как между нами выступил пот.

- Ты меня трахнул ... точно так же, как муж трахал свою жену.

- Как и подобает мужчине ... трахни его парня, - ответил я и поцеловал его в макушку. Я держал его неподвижно, не желая, чтобы мой член выскользнул из его тела. Удивительно, но я все еще был тверд. Обычно через несколько минут я мог снова возбудиться, но оставаться возбужденным после оргазма было для меня ненормально.

- Да, Тег. Как будто мужчина может трахнуть своего сына, - Уишис поднял голову, посмотрел на меня и так мило улыбнулся. - Я хочу поцеловать тебя, Тег.

- Я тоже хочу поцеловать тебя, милый. Но тогда тебе придется слезть с моего члена, - я изобразил недовольство.

- Оооо ... - он вздохнул, выпуская это с таким выражением удовлетворения, - все в порядке, потому что мы собираемся сделать это снова.

- О! Мы?- Спросил я, когда он подтянулся вдоль моего тела. Он пошевелил задом, когда его прямая кишка запротестовала, не желая расступаться вокруг гребня моей головки, чтобы выпустить меня из своего тела.

- О! Вот он, - засмеялся он, когда мой член выпал. Мы оба услышали легкий хлопок газа!

- Что это было? - Я рассмеялся.

- Ну, хм-м, ты был у меня в заднице, Тег!- озорно провозгласил он, затем плотно сжал губы, насмешливо выпятил их и негодуя склонил голову набок.

- Да. Был! - Я рассмеялся, понимающе подняв брови.

- Так что там насчет того, что я трахал тебя, ага ?.. ммммммм

Он не дал мне закончить, просто прижался губами к моим и открыл рот. Мы позволили нашим языкам исследовать мягко, с любовью. Он обхватил мою голову руками. Я просто держал его за спиной, снова прижимая к себе.

Наконец он поднял голову, и сказал: "Да, я хочу, чтобы это опять Тэг. Но на этот раз я могу ... мы можем попробовать, когда я сверху?"

- Ну. .. конечно, можем.- Меня удивило, что он об этом подумал.

-Вот так, Тег, - сказал он, поднимаясь и снова скользя вниз по моему телу, по члену, лежащему на животе.

Он устроился так естественно, как будто мы трахались месяцами. Я вдруг понял, что это действительно так естественно. Почти инстинктивно. Мужчина и его сын, любящие друг друга. Доставлять друг другу удовольствие. Я знал, что делать. Он знал, что делать. Мы созданы для того, чтобы любить друг друга.

Он оседлал меня, прямо над моими яйцами, и схватил мой член, поднимая его, как шест.

- Он такой скользкий и липкий, Тег!- воскликнул он.

- Наши соки, Уишис. Из твоего тела и из моей спермы.

-Да, и я могу намочить его вокруг своей дырки, - сказал он, его глаза округлились от удивления, когда он потянулся назад одной рукой, поднялся с моих бедер и исследовал там.

Без дальнейших исследований он встал на ноги и оседлал меня выше, расположив мой член прямо напротив его ануса. Он оттолкнулся, позволяя себе буквально сесть на меня. Мой член снова проскользнул в него, на этот раз почти без сопротивления. Медленно, очень медленно он пронзил себя на этот раз. Делая это в своем собственном темпе. Он держал мой член в одной руке, а другой облокотился на меня, слегка наклонившись. Он прикусил нижнюю губу и уставился в пространство, слепо сосредоточившись на проникновении в свою задницу.

Я вспомнила, как делала это с Роландо. Уишис хотел этого так же сильно или даже больше, чем Роландо! На этот раз я оставался напряженным, зная, что делю свое мужское достоинство с моим суженым.

Уишис выглядел таким сексуальным. Его прозрачная белая одежда был в непристойном беспорядке спущена через плечо, открывая обнаженные соски. Я протянул руку и слегка погладил их большими пальцами, затем провел пальцами по его бокам.

Его член свисал наполовину, яйца болтались. Я опустил одну руку, чтобы обхватить их, и слегка пощипал его мошонку, затем поднялся, чтобы погладить его инструмент. Он снова застонал.

- О Боже, как хорошо, Тег, - тихо сказал он, закрыв глаза. Снова звучит мечтательно.

Я снова потрогал его яйца, осторожно потянув их наружу. Он громко застонал и начал извиваться на моем члене. Затем я провела кончиками пальцев по линии промежности до самого ануса, заткнутого членом.

Я ощупал все вокруг, пораженная видом его маленькой фигурки, насаженной на меня. Наклонившись вперед, я протянул руку ему за спину. Он был таким маленьким и стройным, что я мог обхватить его ягодицы одной рукой, сжимая их, чувствуя давление на головку моего члена

Он замолчал, слегка подпрыгивая на моем члене, позволяя ему скользнуть внутри себя еще немного, как будто он терял силы, чтобы удержаться.

- Просто что, милый?

- А ты можешь ?.. просто... трахни меня, как раньше? Ты можешь сделать это со мной?

- Конечно, дорогой. Я трахну тебя, когда захочешь.

Не знаю, зачем я это сделал. Это не было сознательным действием. Это было наше брачное ложе, где мы, наконец, соединили наши тела. Но почему-то мне захотелось затащить его в постель.

Одним размашистым движением я приподнялся в талии, обхватил его руками за спину и позволил ему упасть на них, все еще насаженный на мой торчащий член. Я просто рванулся вверх, обхватив одной рукой его ягодицы, позволяя своим пальцам нащупать наше соединение. Его маленький анус крепко сжал мой член.

- Давай трахнемся в нашей постели, милый, - сказал я, пронося его через холл в нашу комнату.

- Ладно, Тег, давай трахаться ... в нашей постели, - он наклонился ко мне устало, мечтательно, как маленький мальчик, дающий своему мужчине управлять собой. Маленький мальчик, насаженный на мужской член, готовый снова заняться любовью.

- Тег, - прошептал Уишис, разбудив меня. Я сразу же почувствовал, как его рука подняла мой вялый член. Он погладил его, как делал всегда, чтобы возбудить меня.

-Да, милый, - сказал я, открывая глаза в предрассветной темноте. Мы уютно устроились под одеялом, в тепле и безопасности. Я почувствовал запах пятен на нашем постельном белье, оставленных прошлой ночью. Мы трахались в нашей постели, во второй раз, а потом заснули вот так, после того, как я кончил. Он прижался ко мне всем телом и почти сразу заснул. Моей спермой и его кишечные соки вытекали из его попы на простынь в течение ночи.

Он прижался задом к моему животу.

- Это было так чудесно прошлой ночью, - произнес он так тихо и просто.

-Да, дорогой.

- Мой зад чувствует ... забавно, - сказал он.

- Больно?

- Нет. .. ну, совсем чуть-чуть, но

Он колебался. Я подождал минуту, пока он продолжит, просто наслаждаясь нашим теплом.

- Но?..- Наконец спросил я.

-Ну, это чувствуется ... вроде... как свободный.

Я усмехнулся.

- Да, наверное. Простой ночью я неплохо на тебе прокатился. Мне жаль, что это больно, даже немного.

- На самом деле нет. На самом деле, я

Он снова замолчал, но продолжал ласкать мой член. Теперь он отвечал на его прикосновения, становясь жестким и твердым. Он похлопал пальцем по щели на кончике.

- Ты что?- Спросил я, на этот раз немного быстрее, задаваясь вопросом, имел ли он в виду то, что я думал!

Он отодвинул свой зад назад и немного скользнул вниз, прижимая свою трещину к моей головке члена.

- С удовольствием, Уишис, - прошептал я. Я наклонился и нежно погладил его торчащее бедро под одеялом, затем позволил своей руке скользнуть вниз между его половинок. Осторожно, осторожно я коснулся его дырочки средним пальцем. Она была мягкой и влажной, немного более распухшей, чем накануне, когда была еще девственной.

Он не съежился и не выказал никаких признаков боли, поэтому я поднес головку своего члена к его анусу и использовал его соки, чтобы скользнуть по моей обнаженной головке.

Он снова толкнулся, ясно давая понять, как сильно он хочет, чтобы я был внутри него. Я вдруг почувствовал миллион маленьких зудящих уколов в головке моего члена. Я сделал глубокий вдох, позволяя желанию нарастать во мне. Я просто должен был быть внутри него!

С моим членом, прижатым к его дырке, я потянулся, чтобы схватить его и притянуть к себе. Его маленький член был твердым! Я крепко зажал его между большим и указательным пальцами, а другой рукой притянул его к себе.

Он был насквозь мокрый, после двух траханий за последние 8 или 10 часов. Я накачал в него две порции спермы. Моя головка скользнула мимо его ослабленного кольца довольно легко.

Он задохнулся и напрягся, так что я остановился и просто держал его там, целуя его волосы сверху, нежно поднимая его маленький член.

Через мгновение он немного расслабился и снова толкнулся.

- Трахни меня, Тег.- Он снова прошептал эти волшебные слова!

Я входил все глубже и глубже, легко скользя в его смазанный канал, снова наслаждаясь, когда почувствовал, как его тело слегка вздрогнуло, когда я коснулся его простаты.

Я просунул левую руку ему под бок и ухватился за его пи-пи, освободив правую, чтобы погладить его худую грудь. Его тело было таким теплым под нашими одеялами, таким мягким. Я легонько коснулся сначала одного соска, потом другого, слегка надавливая, массируя, пощипывая, пока оба не превратились в твердые маленькие бугорки.

Потом я начал трахать его. Медленно, осторожно. Вход и выход в непрерывном движении, никогда не останавливаясь и не толкаясь, сопоставляя этот трах моментом утренней нежности. На этот раз он начал тихонько всхлипывать, бессознательно автоматически реагируя на ощущения, но на этот раз тише.

- Я. .. люблю когда ... ты во мне ... Тег, - произнес он.

- Мне нравится быть частью тебя, дорогой.

- А ты ... хочешь... войти глубже?- спросил он ворчливо, как будто неуверенный в себе, неуверенный, хочет ли он сам проверить пределы.

- Это то, что ты хочешь, Уишис?!- Ответил я, чувствуя прилив эмоций и удивления. - Чувствовать меня как можно глубже внутри себя?

- Да! Я хочу этого. Я хочу, чтобы ты всегда был во мне, Тег. Ты нужен мне.

Я перестал толкать, трепеща от его слов и чувствуя себя таким полным внутри моего мальчика. Мы действительно были вместе.

Мой член был погружен в него на 4 дюйма, и он хотел меня глубже!

Я положил руку ему на живот и крепко держал его, когда снова начал медленно и терпеливо толкать. Еще полдюйма. Дюйм.

Уишис тихо застонал, чувствуя, как мой член проникает глубже, чем когда-либо прежде. Я на мгновение остановился, затем снова начал толкать. Его внутренности затачивали меня все глубже и глубже. Еще полдюйма.

У него перехватило дыхание, и он напрягся. Он прижал подушку к лицу и впился в нее зубами, крутя и вертя мизинцами. Я был полностью 5 с половиной, почти 6 дюймов внутри него, мой член растягивал его широко, моя головка касалась какого-то твердого, но мягкого места внутри него. Он дрожал всем телом, дрожь продолжалась, как будто я непосредственно коснулся нерва глубоко внутри него, и его мозг не мог понять, как справиться с этим новым и странным стимулом. Снова послышался стон. Низкий и мягкий, подсознательная дань моему проникновению.

Я просто держал его крепко. Пронзая его, чувствуя его внутренний жар, чувствуя, как мой член каким-то образом стал частью его. Что убрать его хотя бы на долю дюйма было бы святотатством.

Он не сделал ни малейшей попытки вырваться вперед, заставить меня отступить. Его тело продолжало содрогаться. Я чувствовал его вокруг своего члена. Я почувствовал, как его ноги бьются о мои в маленьких, неконтролируемых движениях. Верхняя часть его тела дрожала, даже глубоко под нашими теплыми одеялами. Его руки и плечи задрожали. Постепенно, после долгих мгновений, в течение которых наши сердца бешено колотились, дрожь прекратилась, и он ослабил хватку на подушке.

Наконец он потянулся назад и положил руку мне на бедро, решительно потянув меня вперед. Держа все шесть дюймов в себе.

- Помни, Тег, ты сказал ... ты никогда меня не бросишь.- пробормотал он, его голос был приглушен подушкой, которую он все еще прижимал к губам.

- Я помню. Я всегда буду помнить, милый.

Ни один из нас не двигался после этого, в течение долгого времени. Солнце начало подниматься. Сквозь кружевные занавески на наших одеялах играли солнечные блики. Это было волшебно. Я чувствовал это. Я знаю, он это почувствовал. Мы лежали, как одно существо, наши тела соприкасались, начиная с его головы на моей груди и кончая пятками на моих ногах, мой твердый пенис неподвижно лежал внутри него, наполняя его. Его тело потянулось, чтобы принять меня в себя.

- Тег?- наконец-то он позвал меня, так тихо.

- Да, милый.

Он чуть приподнял голову с простыни, словно пытаясь взглянуть на меня.

Ленивое, расслабленное усилие, зная, что я был рядом с ним. Зная, что я жив, чтобы услышать его слова.

- Можем ли мы ... можем ли мы всегда быть одним целым?

- Да, Уишис. Я всегда буду твоим мужчиной. Ты всегда будешь моим мальчиком. Мы станем одним целым. Навсегда.

Конец

Письмо Биллу.

Дорогой Билл.

Думаю, ты хотел бы услышать о нашем пасхальном утре здесь. Мне, конечно, было интересно, как поживают Ролан и Метрио. Не говоря уже о Джои - но я полагаю, у него с Тонио был свой личный праздник?

Мы были в полусне некоторое время, с рассвета, когда Уишис, наконец, скользнул вперед и позволил моему наполовину твердому пенису выпасть из его скользкого зада. Я засмеялся, когда он сел, и его маленькая морщинка громко затрепетала - я, конечно, накачал его достаточно - он должен был быть полон чем-то большим, чем воздух!

Он застонал и хлопнул меня по бедру, затем наклонился вперед и потряс своей идеальной маленькой улыбкой. Платье сползло вниз, быстро закрывая мне вид на его все еще зияющую дыру, уже сочащуюся нашим объединенным соком.

Его глаза были едва приоткрыты, и ему пришлось распусть растрепавшиеся волосы, чтобы увидеть пасхальную корзину в ногах кровати. Я просто ждал, пока он наконец поймет, что это такое, и прохрипел: « Я слишком стар для этого. »

- Слишком стар для пасхального кролика?!- Спросил я. Он посмотрел на меня из-за плеча, О, как он был оскорблен. Я только заговорщически приподнял бровь.

- Это не Пасхальный Кролик, - ответил он своим самым забавным, самым сухим голосом.

- Это ты. И Дядя Билл. Я знаю, что он посылает тебе вещи, чтобы положить в мою корзину. Я видел кое-что из этого в его шкафу, когда был там.

- Уишис! О чем ты говоришь?- Я пытался притвориться обиженным.

Он бросил на меня взгляд, полный отвращения, но слабый и нерешительный. Забавно, что он вдруг показался мне очень сосредоточенным, когда подполз на коленях, поставил корзину на кровать и начал ее исследовать. Одиннадцать лет, но не слишком много для шоколадного кролика (я позволю тебе рассказать ему, как трудно было импортировать это из Швейцарии!).

Затем, убедившись, что ты, или я, или, возможно, Пасхальный Кролик позаботились о нем в отделе сладостей, он соскользнул с кровати с корзинкой в руке и неторопливо направился в гостиную, бесшумно ступая босыми ногами по деревянным доскам пола. Как будто ничего у него на уме. О нет, только не у этого мальчика. Просто просыпаюсь.

Да, точно! Я последовал за ним на цыпочках, зная, что это не так, и не желая упускать его прекрасную фигуру из виду.

Конечно же, когда он увидел первое цветное яйцо, выглядывающее из его ботинка у входной двери, он завизжал, как пятилетний ребенок, подбежал к нему и бросил его в корзину. Затем он повернулся с самой широкой улыбкой на лице, которая мгновенно превратилась в 11-летнюю мрачную застенчивость, как только он увидел меня. Он все равно неохотно улыбнулся мне, но затем показал мне язык и сказал: "Ну, кто бы их ни оставил, я могу их найти."

- Да, согласен.- Невинно сказал я.

Итак, десять минут он бегал по дому в поисках яиц и пересчитывал их в корзинке.

Когда он сел за кухонный стол, я сел рядом с ним и начала расчесывать его волосы, чувствуя такой прилив любви к нему. Тот невероятный трепет, который приходит каждый раз, когда я прикасаюсь к нему, даже в миллионный раз.

- Не могу дождаться, когда скажу Ролану и Метрио, сколько их у меня в этом году, - взволнованно сказал он, сосредоточившись на содержимом корзины и продолжая инвентаризацию.

- Хм, я не вижу ни чего из того, что нашел в шкафу дяди Билла. Тег!

Он повернулся ко мне и забрался ко мне на колени. Я почувствовал, как влага моей спермы стекает с его ягодиц на мое бедро.

- Тег, как ты думаешь, Может, мне стоит как можно скорее вернуться туда?

- Конечно, дорогой. Может быть, там побывал и Пасхальный Кролик?

Он болтал, считал, ел шоколад и настоящие яйца, а я сидел, прижимая его к себе, расчесывал ему волосы и благодарил кого угодно, что этот чудесный мальчик-часть моей жизни.

Твой друг, Тег.

Дорогой Тег!

Мне так весело здесь, в Элизабеттауне! Я немного испугалась, когда ты уехал, чтобы вернуться на ранчо, но дядя Билл так же мил со мной, как ты и говорил - он всегда заботится о моих желаниях в первую очередь. Мальчики такие же. Независимо от того, что мы с Роланом и Метрио делаем в течение дня, они всегда позволяют мне решать. Они меня балуют! Ты сказал, что они будут, и они это делают. Ну, ты тоже неплохо меня балуешь, не так ли?

Конечно, это весело, но я скучаю по тебе. Я скучаю по каждому мгновению с тобой, и не только по ... ну, помнишь, когда ты сказал, что здесь можно делать все, что угодно? Знаешь? Ты не рассердишься? Ты сказал, что это естественно, что когда такие парни, как мы, собираются вместе, что-то может случиться. Я очень рад, что ты мне это сказал, потому что, ну, я вроде как тоже скучал по этому! С Роланом все по-другому, потому что ты мой мужчина, и это намного больше, чем просто отрывать меня, как ты это называешь, но мы вроде как занимались кое-чем, Тег. Почти каждую ночь.

И практически весь день! Ты сказал мне не чувствовать себя виноватым. Поэтому я стараюсь этого не делать. Но я все время думаю о том, что ты там совсем один, а я с мальчиками здесь. И то, что мы делаем все время.

Ролан всегда возбужден, Тег! Такой милый! И дядя Билл разрешает ему спать со мной, пока я в гостях. Может, дядя Билл хочет отдохнуть?

Ролан всегда засовывает руки мне в штаны. Практически в любое время, когда мы одни. Не имеет значения, где мы находимся. Вчера мы карабкались по большому земснаряду, а когда забрались в маленькую кабину, где все управление, Ролан опустил на колени и начал расстегивать мои штаны, умоляя позволить ему сосать меня. И там, внизу, на земле, работали шахтеры!

Он запал на меня. Дядя Билл говорит, что Ролан снова влюблен, но Ролан говорит, что ему нужен только мой член! Он всегда смотрит на меня, улыбается, когда я смотрю на него, пытается поцеловать - даже перед дядей Биллом, который только смеется и говорит Ролану, чтобы тот приберег немного для него. Ролан говорит, что может справиться с нами обоими в любое время и в любом месте. Я не знаю, что я чувствую к нему. Конечно, не так, как с тобой. Как мы говорим-Ты и я-одно целое. Но с Роландо, Тег, иногда я смотрю на него, и это просто поражает меня, он такой красивый. Он снова отрастил волосы - как в тот раз, когда ты его нашёл.

Мне это очень нравится! Он так же великолепен, как ты и говорил.

Он чувствует то же самое ко мне. Ему нравится просто держать меня за руку, или обнимать, или гладить по волосам. И он любит просто играть с моим членом! Я не могу держать его руки подальше от своих штанов. Даже если бы захотел. Хотя, когда мы не дома, становится немного рискованно, и он опускает руку туда, а люди вокруг - может быть, мы стоим за углом магазина или где-то еще.

Иногда, особенно перед тем, как погасить свет ночью, когда в доме действительно тихо, он задирает мою ночную рубашку и кладет голову мне на ноги, прямо под яйца, и трогает меня, поднимает мои яйца, дрожит меня. Он всегда кончает тем, что сосет меня. В большинстве случаев он умоляет меня позволить ему трахнуть меня тоже, но я не позволяю ему зайти так далеко. Не кажется правильным, каким-то образом. Только ты видел меня там.

Иногда я его тоже. Его член намного больше моего - дюйма на четыре и в два раза толще моего. Дядя Билл говорит, что у Ролана скоро вырастут там волосы. Что его яйца становятся тяжелее и висят очень низко. И знаешь что? Он уже кончает! Но его член сильно отличается от твоего. Темнее, конечно, и намного меньше. И крайняя плоть остается на месте, прикрывая член, даже когда у него встает. Тем не менее, в важных отношениях, это то же самое, что и у тебя. Вы оба

становитесь твердыми как камень!! Ха-ха. Вы оба всегда были из-за меня тверды как скала. Я такой красивый?

Думаю, что да. Ролан может возбудиться, просто глядя на меня с другого конца комнаты. Он тяжело нюхает мои волосы. Ему трудно просто сидеть рядом со мной за завтраком! Он говорит, что я очень сильная магия для него!

Знаешь, что мы сделали сегодня утром? Обычно, когда я просыпаюсь, Ролан лежит рядом со мной, уже проснувшись, "просто наблюдая, как ты дышишь", как он говорит. Конечно, ему всегда тяжело это делать, так что и мне тоже. Много раз нам нравится просто прижиматься друг к другу, и тереть наши тела вместе, пока каждый из нас не кончает. Это может быть довольно грязным, когда он стреляет между нашими телами! Но не сегодня. Для разнообразия я проснулся первым.

Ага! Мой шанс поиграть с ним мягким, хоть раз. Поэтому я очень осторожно откинул одеяло, и вот оно! Его большие яйца (почти такие же большие, как у тебя, но все еще безволосые) свисали через бедро, и его член тоже лениво лежал. Его член более острый, чем твой, и полностью прикрыт крайней плотью, и он очень, очень чувствительный! Интересно, смогу ли я засунуть его в рот так, чтобы он не проснулся, он такой чувствительный. Поэтому я очень осторожно приподнял его вялый член и секунду взвешивал. Тяжелый! Много мальчишеского мяса. Помнишь, как ты однажды назвал свой член «мясом»?

Потом я наклонился, открыл рот как можно шире и втащил его внутрь. Когда я коснулась кончиком языка его крайней плоти и прижался к ней, он застонал во сне. Скажу о мягкости! Его крайняя плоть такая мягкая на ощупь, а теперь и весь его член мягкий, как будто тает у меня во рту! Я легонько облизал, наслаждаясь соленым, землистым вкусом.

Ну, это конечно. Он начал твердеть, даже во сне. Поэтому я быстро засунул в рот как можно больше его мягкого члена и позволил ему расти внутри меня! Было весело! Не успел я опомниться, как его член распух у меня в горле, его член растянул мои челюсти и губы, и он был достаточно большим, чтобы я почувствовал, что вот-вот задохнусь, но потом я вспомнил, что нужно просто дышать через нос.

Теперь его твердый член заполняет мой рот, а он все еще спит! Но ненадолго. Я не шевелил ни языком, ни головой, Тег. Я решил сделать что-то совершенно другое. Не думаю, что смогу сделать это с тобой, но с крайней плотью Ролана это оказалось очень просто! Все, что я сделал, это начала высасывать воздух изо рта, заставляя уголки моего рта еще плотнее сжиматься вокруг его члена, а также немного подтягивая крайнюю плоть к его члену. Затем я ослаблял отсос, затем начинал снова, назад и вперед!

Он, конечно, проснулся. Примерно на третьем отсосе. Он начал двигаться и положил руки мне на голову. Я молниеносно схватила его за задницу, просунула другую руку ему под бедро и держал крепко! Ролан, конечно, быстро схватывает, что к чему, и шепчет что-то сладкое по-мексикански. В большинстве случаев я не знаю, что он говорит, но могу сказать, что это мило. Поэтому он снова расслабился и позволил мне сосать.

Дядя Билл потом объяснил, что я делал. Он все это знает. Он сказал, что я создаю вакуум во рту каждый раз, когда высасываю воздух. Ролан описал ощущение уголков моего рта и моего языка, крепко сжимающего его член. Это было похоже на медленную, но приятную пытку, сказал он. Его естественным желанием было начать накачивать мой рот. Он ожидал, что я в любой момент начну качаться вверх и вниз на его члене. Но он не двигался, и я тоже! Это все из-за вакуума, Тег!

Ну, я продолжал это делать. И довольно скоро Ролан начал стонать почти без остановки, и громче стал умоляя меня начать качать вверх и вниз на его члене. Я боялся, что мы разбудим Метрио, поэтому быстро приложила правую руку к его рту, чтобы успокоить. Он перестал стонать так громко, но продолжал извиваться, как будто собирался сойти с ума. Потом мне пришёл в голову идея засунуть пару пальцев ему в рот! Это было действительно круто, Тег!

Ты не поверишь, как он был удивлен, и как он засосал мои пальцы, и начал делать с ними то же самое, что я делал с его членом!

Вскоре он уже извивался на кровати, как змея. Он не мог усидеть на месте! Я вообще не двигался. Начав, я решил, что буду делать это дальше, не шевеля ни головой, ни языком.

Позже Ролан говорил, что это был невыносимо медленная пытка. Он чувствовал, как его сперма накапливается, казалось, целую вечность, с этим медленным, мягким нарастанием давления каждый раз, когда я всасывал, и небольшим растяжением крайней плоти над его членом.

Ближе к концу он начал метаться так сильно, что я с удовольствием наблюдал за его большими яйцами. Они были почти гипнотическими! В конце концов я взял их в руку и тоже стал играть. Ролан сказал, что когда я это сделал, когда я слегка сжал их, это помогло ему, наконец, выстрелить. Боже, он когда-нибудь стрелял!! Я почувствовал первый всплеск его горячей спермы в задней части моего горла, как пуля!

Теперь ты знаешь, что я люблю вкус спермы, поэтому Ролан научил меня, что если я хочу попробовать ее, я должен вытащить головку, чтобы сперма попала на язык. Что я и сделал. Конечно, у члена Ролана были другие идеи, и пока он был потерян для мира, он толкал своим членом в мой рот и из него, независимо от того, что я пытался сделать! Это было потрясюще, Тег. Мне просто нравится, когда ты или Ролан кончаешь мне в рот. Почти так же, как я люблю, когда ты кончаешь мне в зад!

После того, как он кончил, я уложил его очень медленно и легко, облизывая его член от кончика до основания, убедившись, что вся его сперма была очищена. Я сделал это так хорошо, что он никак не становился мягким! Конечно, он хотел трахнуть меня прямо сейчас, но я сказал ему, что готов попробовать второй выстрел в рот. Он закричал: «Нет!» и сказал, что больше не выдержит такой пытки без отдыха. Представь, это говорит Роландо!

Я просто выпрыгнул из кровати, пошевелил перед ним задницей и сказал, что голоден, и если я больше не могу кончить, то пойду попрошу повара приготовить завтрак. Он пытался схватить меня, но ты знаешь, как быстро я могу!

Это было наше утреннее развлечение. Это была одна из вещей каждый день, весь день. У меня есть много, чтобы сказать тебе, когда ты вернешься сюда, чтобы забрать меня!

МММ. Я почти боюсь спросить тебя об этом, но давай. Что, если бы я позволил Ролану трахнуть меня, Тег? Разве это плохо? Я не хочу делать ничего, что могло бы причинить тебе боль, но я привык к тому, что ты во мне практически каждый день, и иногда я чувствую себя таким опустошенным, понимаешь? Я знаю, что с тобой было бы не так, но он продолжает умолять меня, и я бы хотел попробовать.

Да, я знаю, ты сказал "доверься моему собственному суждению». Думаю, придется. Жаль, что тебя здесь нет!

Даже если я сделаю это с ним, Тег, у тебя всегда будет вся моя любовь. Я так скучаю по тебе! Не могу дождаться, когда ты вернешься.

Твой парень навсегда, Уишис.